

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
Институт педагогики, психологии и социальных технологий

ПСИХОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ АКТИВНОСТИ

Хрестоматия

Ижевск 2013

УДК 159.9: 316 (075) + 159.923 (075)
ББК 88.53 я 7 + 88.37я7
П 863

Рекомендовано к изданию Учебно-методическим советом УдГУ

Рецензенты: доктор психологических наук, профессор
Удмуртского государственного
университета **В.Ю. Хотинец**;
доктор психологических наук, профессор
Пермского государственного
университета **С.Ю. Жданова**

П 863 **Психология коммуникативной активности:** хрестоматия / Сост. С.А. Васюра. Ижевск, 2013. 265 с.

ISBN

В хрестоматию включены труды отечественных и зарубежных авторов по психологии активности. Они помогут читателю сформировать картину современного состояния проблемы коммуникативной активности в психологической науке. Издание является содержательным дополнением к учебному пособию «Психология коммуникативной активности человека» (рекомендовано УМО РФ по специальностям педагогического образования в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Психология и педагогика»).

Хрестоматия адресована студентам бакалавриата и магистратуры по направлениям подготовки «Психология» и «Психолого-педагогическое образование», аспирантам, преподавателям психологических и педагогических факультетов, всем, кто интересуется психологией коммуникативной активности.

УДК 159.9: 316 (075) + 159.923 (075)
ББК 88.53 я 7 + 88.37я7

© Издательство «Удмуртский университет», 2013
© Васюра С.А., сост. 2013.

Предисловие составителя

Хрестоматия посвящена проблеме активности в психологии, теоретическим и эмпирическим исследованиям коммуникативной активности человека. В ней представлены статьи и фрагменты работ отечественных и зарубежных психологов, в которых рассматривается взаимосвязь коммуникативной активности с индивидуально-психологическими свойствами, индивидуальные стили активности, возрастные аспекты, а также коррекция и развитие коммуникативной активности человека. Авторские названия глав книг и статей, из которых взяты материалы для данного издания, сохранены.

Основанием для выбора темы хрестоматии стала актуальность проблемы коммуникативной активности в психологической науке.

Хрестоматия состоит из четырех разделов, их содержание позволяет ориентироваться в различных аспектах коммуникативной активности человека. В первом разделе представлены работы психологов, в которых уделяется внимание подходам к пониманию сущности активности человека, представлениям о видах и формах проявления активности, сложившимся в настоящее время в науке. Методологические и теоретические аспекты психологии активности рассматриваются отечественными психологами К.А. Абульхановой, И.Г. Дубовым, В.Л. Хайкиным, А.И. Крупновым с разных позиций. Раздел завершает статья британского психолога М.Дж. Аптера, посвященная теории реверсивности и человеческой активности.

Составившие второй раздел работы посвящены проблеме коммуникативной активности в психологической науке. Основанием для осмысления этой проблемы послужили фундаментальные исследования А.А. Бодалева в области психологии личности и психологии общения. В содержание данного раздела хрестоматии включены работы известных отечественных психологов – В.Н. Панферова, В.А. Лабунской, В.Н. Куницыной, в которых рассматриваются феномены коммуникативной активности человека. Г.А. Берулава и М.М. Берулава обсуждают во-

прос коммуникативных стереотипов психической активности. Наряду с названными трудами, вклад в психологический анализ активности человека в общении внесли исследования О.П. Санниковой. Таким образом, теоретические рамки интерпретации феноменов коммуникативной активности содержат разные подходы и дисциплины – психология личности, социальная психология, общая и дифференциальная психология и др.

В третий раздел входят работы, в которых представлены исследования активности и коммуникативной активности в пермской психологической школе, основанной В.С. Мерлиным. Статьи, вошедшие в этот раздел, ставят в центр внимания активность человека, рассматривая его с позиций теории интегральной индивидуальности. Теоретико-экспериментальное исследование активности человека является приоритетным направлением в работах представителей пермской психологической школы за последние два десятилетия. Определились несколько линий исследования: активность в структуре интегральной индивидуальности; ведущая активность и ее структурированные особенности на разных этапах возрастного и профессионального развития; влияние ведущей активности на развитие интегральной индивидуальности; стиль ведущей активности субъекта в различных видах человеческой деятельности (учебной, спортивной, художественно-творческой) и жизнедеятельности.

В третьем разделе приводятся статьи руководителя пермской психологической школы, профессора Б.А. Вяткина, а также его учеников В.И. Шмыкова, С.А. Васюра, Д.С. Корниенко, Е.В. Забелиной. Обсуждаются вопросы ведущей активности, индивидуальных стилей коммуникативной активности, генотип-средовых детерминант коммуникативной активности, проявлений активности в подростковом возрасте. Завершает раздел статья А.А. Вихмана, в которой анализируется феномен лживости. Лживость рассматривается как информационно-манипулятивная активность человека и сопоставляется с коммуникативной активностью.

В статьях четвертого раздела уделяется внимание таким прикладным аспектам коммуникативной активности человека,

как коррекция и развитие. Е.Д. Бреус характеризуя принципы выхода из ситуаций затрудненного общения, останавливает свое внимание на признании права партнера и самого себя быть индивидуальностью, на субъектной, активной позиции в общении. Работа А.И. Крупнова содержит практические рекомендации по коррекции общительности, основанные на системном подходе к ее изучению.

Книга включает предметный указатель, в котором терминология приводится в алфавитном порядке с указанием страниц. Хрестоматия связана с учебным пособием «Психология коммуникативной активности», представляя основу для обсуждения и глубокого понимания студентами бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Психология» вопросов и учебных тем дисциплины «Психология коммуникативной активности». Хрестоматия также рекомендуется студентам бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование», аспирантам психологических и педагогических специальностей. Составитель отдает себе отчет в том, что не все работы психологов, внесшие вклад в развитие представлений о коммуникативной активности, вошли в хрестоматию в связи с требованиями к объему книги.

Составитель выражает искреннюю благодарность: доктору психологических наук, профессору, члену-корреспонденту РАО Б.А. Вяткину за постоянную поддержку в работе над данным изданием, доктору психологических наук, профессору, академику РАО А.А. Бодалеву, советы которого помогли подобрать статьи для хрестоматии. Составитель признательна всем авторам, чьи работы вошли в хрестоматию.

Раздел I. Психология активности: методологические и теоретические аспекты

К.А. Абульханова

Проблема активности личности: методология и стратегия исследования¹

Проблема активности личности является чрезвычайно сложной психологической проблемой, имеющей философскую и, соответственно, психологическую историю ее разработки в отечественной и мировой науке. Она — эта проблема — является старой и вместе с тем новой в предлагаемой читателю постановке. По-новому к постановке этой проблемы в плане методологии, теории и стратегии психологического исследования позволил подойти именно современный перелом в развитии российского общества, поскольку снялась иллюзия единой общей для всех людей активности, обнаружился разный уровень ее развития, разная направленность, разная выраженность, поскольку встал практический вопрос о том, как повысить активность людей. Он же — практический ракурс проблемы — позволил поставить вопрос в такой плоскости: какие объективные условия были не адекватны подлинной активности людей, какие обстоятельства привели к своеобразным психологическим потерям в развитии личности и ее активности.

Тем самым методологический ракурс рассмотрения проблемы состоит не в обособлении, как это принято, психологического «аспекта» социальной проблемы, а именно *в единстве исследования объективных (жизненных, образовательных, трудовых и т.д.) условий проявления активности и самих ее психологически-личностных уровней и форм.*

¹ Абульханова К.А. Психология и сознание личности (Проблемы методологии, теории и исследования реальной личности): Избранные психологические труды. М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 1999. С.7-32.

С.Л. Рубинштейн рассматривал активность не как свойство сознания, а качество субъекта и особенность личности как субъекта¹. Однако присвоение и собственно психологическое раскрытие существа такого понимания, поскольку такой процесс всегда происходит в контексте традиционных подходов к личности, можно сказать, совершается сегодня.

Освоение философско-психологического наследия С.Л. Рубинштейна в понимании человека и личности в разработке проблем психологии шестидесятых-восемидесятых годов пошло очень разнообразными путями. Схематично представляя лишь общую картину, можно сказать, что одним из таких путей было постепенное проникновение идей С.Л. Рубинштейна в исследования, исходившие из традиционной постановки этой проблемы, прежде всего в исследования способностей, мотиваций и других собственно личностных образований и свойств, что изнутри подрывало или расширяло границы прежнего способа их рассмотрения.

Само понимание личности, представленное в дискуссии конца шестидесятых годов о ее структуре, оставалось, как ни парадоксально это звучит, внеличностным. В постановке вопроса о структуре личности сказался скорее свойственный естественнонаучному взгляду способ понимания структуры, поскольку, хотя в число составляющих входили такие индивидуализированные образования, как характер и способности, сама структура мыслилась как универсальная и инвариантная. Принцип развития в таком понимании структуры заложен не был, не говоря о принципе субъектности. Принцип развития оказался ограниченной сферой развития ребенка. Именно поэтому в семидесятых годах вопрос о структуре личности отступает на задний план.

Как бы в обход сложившегося в разных концепциях понимания личности и ее структуры, многими психологами, наряду с общей идеей детерминизма в рубинштейновском ее понимании как преломления внешнего через внутреннее, начинает осваиваться категория субъекта, в которой раскрывается именно пси-

хологическое содержание, распространяемое на трактовку множества психологических проблем, начиная от трактовки испытуемого как субъекта и кончая моделью активного оператора в инженерной психологии. Таков был второй путь распространения его концепции в психологии.

Третий путь состоял в реализации философско-онтологических идей С.Л. Рубинштейна о способе жизнедеятельности человека, раскрытии их методологического значения для психологии и прежде всего в изучении личности через диалектику ее индивидуального способа жизни. Это направление потребовало определенного переосмысления известного рубинштейновского положения о развитии личности в деятельности через проявления в ней. Известно, что тезис о формировании и проявлении личности в деятельности [С.Л. Рубинштейн] утвердился уже на первых этапах развития советской психологии. Однако в последующие периоды по мере того, как структурировалась сама деятельность, она все меньше стала рассматриваться в качестве динамического проявления личности. В свою очередь изучение структуры личности в известной мере обособилось от изучения структуры деятельности (мотив, цель и т.д.).

Развитие системного подхода в отечественной психологии [Ананьев, 1969; Ломов, 1964 и др.] требует преодоления парциального подхода к отдельным личностным образованиям (даже таким важным, как направленность), преодоления локального исследования отдельных актов поведения, отдельных поступков и видов деятельности. Реализация системного подхода к личности, однако, не может свестись к перечню сфер ее проявления и развития — общению, деятельности, познанию.

Именно потому на современном этапе психология снова обращается к изучению жизненного пути личности, ставшего предметом внимания психологов еще на первых этапах развития отечественной психологии [Рубинштейн, 1935]. Жизненный путь является тем целостным специфическим процессом, в котором происходит функционирование, изменение и развитие личности.

¹ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. — М., 1973.

Расширение самим С.Л. Рубинштейном категории деятельности до общепhilософского понятия жизни как способа существования человека потребовало решения целого ряда новых теоретических проблем. Прежде всего потребовался перевод общепhilософских положений С.Л. Рубинштейна о способе человеческой жизни как существовании в ней, осуществлении ее в план философской онтологии индивидуального бытия человека, а затем, через соотнесение с традиционной постановкой проблемы жизненного пути личности — в план психологической концептуализации жизненного пути на основе новой философской постановки проблемы жизни через ее субъекта. Так произошел переход к изучению личности через способ осуществления ею своей жизни.

Идеи целостного подхода к жизненному пути, намеченные еще Ш. Бюллер, разрабатывались в психологии С.Л. Рубинштейном. Он выявил ту категорию, которая отсутствовала у Бюллера. И с ее помощью реализовал принцип целостности в изучении личности и жизненного пути — категорию субъекта жизни. В настоящее время этот подход разрабатывается его школой эмпирически и теоретически так, чтобы вобрать все достигнутое и в области знаний о личностных структурах, и в области исследований жизненного пути.

Высшие системно-динамические структуры, проявления и функции личности релевантны масштабам ее жизненного пути, они могут быть поняты как функции организации, регуляции, обеспечения его целостности. Большая или меньшая интегрированность сфер и последовательность этапов жизни личности зависят от нее самой. А то, в какой мере жизненный путь зависит от личности, определяется тем, в какой мере она стала его субъектом. У личности, жизненный путь которой распадается на ряд слабо связанных друг с другом этапов образования, профессии, отмечается недостаточная сформированность интегративной способности, низкая активность, психологическая незрелость и т.д. Иными словами, высшие личностные функционально-динамические качества, такие, как сознание, активность, психологическая зрелость, интегративность, проявляются и формиру-

ются в жизненном пути личности как специфическом процессе изменения, движения и развития.

Концепция личности как субъекта жизненного пути рассматривает не только зависимость личности от ее жизни, но и зависимость жизни от личности. Жизненный путь подлежит не только возрастной периодизации — детство, юность, зрелость, старость, — но и личностной периодизации, которая, начиная с юности, уже перестает совпадать с возрастной. Личность выступает как причина и движущая сила жизненной динамики, интенсивности, содержательности жизни, преобразуя, направляя своей активностью ход жизни, объективную логику событий. Ее качество как субъекта жизни проявляется не в абсолютном произволе и абстрактной активности, но в активности, действующей в условиях объективной социальной детерминации, в заданных обстоятельствах, иногда препятствующих, не совпадающих с желательными для личности направлениями.

Системный подход к личности, на наш взгляд, проявляется не в спорах, является ли она открытой или закрытой системой. Он заключается в том, чтобы выявить взаимодействие личности и ее жизненного пути, способности к его организации. Функционирование личности — это не отдельные динамические проявления (мотивы, направленности и т.д.), но целостное ее взаимодействие с жизнью, которая определенным образом структурируется, моделируется и регулируется.

Известно, что идея индивидуализации жизненного пути, понятие индивидуальной истории и биографии личности, выдвинутые Ш. Бюллер, впоследствии были утрачены. Сохранился только биографический метод. Эта идея была вытеснена принципом типизации и даже стандартизации жизненного пути, теории жизни, универсальной для всех людей (с теми или иными вариациями). Это произошло потому, что жизненный путь удалось структурировать только социологически (образование, профессия, карьера) или онтогенетически (детство, юность, зрелость и т.д.). Наложение онтогенетической матрицы на социологическую приводят к малопродуктивным утверждениям, что один проходит определенный социальный этап в более раннем,

другой — в более позднем возрасте. Не удавалось раскрыть то, каковы личностные различия в способах реализации социальных структур, событий и т.д.

Понятие субъекта имеет дифференциальный смысл: оно дает возможность различать людей по мере зависимости от них хода их жизни в целом и ее отдельных ситуаций, по мере владения этими ситуациями, по дальности жизненных перспектив и т.д. Решение дилеммы индивидуально-биографического и социально-типологического подходов к жизни не в том, чтобы вернуться к уникальности судьбы. Оно заключается в том, чтобы раскрыть индивидуально-типологические способы организации жизни личности, присущие ей как субъекту. В свое время Л.С. Выготский для обозначения высших психических функций ввел понятие «овладение низшими психическими функциями». Понятие субъекта предполагает все возрастающую степень и расширяющееся пространство таких «овладений», присвоений. Сначала происходит овладение своими действиями для придания им нужного направления, затем, посредством действий — овладение ситуациями, далее, посредством овладения ситуациями, построение отношений и посредством последних все более возрастающая возможность структурирования, организации жизни как целостности.

В этом случае речь идет о дифференциации не частных, случайных, по неизвестному основанию выделенных индивидуальных различий, а о сущностных для личности в качестве субъекта жизни индивидуально-типологических способах. Способность личности регулировать, организовывать свой жизненный путь как целое, подчиненное ее целям, ценностям, смыслу, есть высший уровень и подлинное оптимальное качество субъекта жизни. Типологические различия охватывают разную меру управления своим жизненным путем, разную степень его интегрированное, организованности, разную степень соответствия жизненной программы личности ее ценностям, намерениям и т.д. Выявление типологических различий по субъектному основанию должно опираться на дальнейшую разработку психологической теории жизненного пути личности (а не только на социо-

логическую, возрастно-онтогенетическую теории), на разработку категориального строя, раскрывающего более конкретно качество личности как субъекта жизни.

Естественно, что при одновременно происходящих противоречивых процессах развития психологических категорий — прежде всего деятельности — как в направлении их объективации (как это происходило в социальной, в инженерной и других прикладных областях психологии), так и в направлении их психологизации, сближавшей или даже отождествлявшей их с самой личностью, «размещение» и соотнесение личности с деятельностью в контексте по-новому понимаемого жизненного пути оказалось чрезвычайно трудной задачей.

Так, например, категоризация деятельности через наиболее ярко выраженные ее виды в концепции Б.Г. Ананьева, «разместившего» виды деятельности, наряду с познанием и общением, в качестве структур жизненного пути, придало ей статус более объективированный (занятия, профессия, труд, игра и т.д.), хотя и не сняло тезиса о развитии личности через эти виды, через участие в них. Такая интерпретация позволила поставить проблему, как личность соотносится с деятельностью, которая, в свою очередь, занимает объективно различное место в ее жизни (труд, занятия, профессия и т.д.). Такая объективация понятия деятельности (иногда граничащая с социализацией) и одновременно — на другом полюсе — его психологизация потребовали привлечения нового понятия, которое раскрыло бы отношение личности и деятельности. Таковым и явилось понятие активности. Оно связало изучение личности, ее качества структуры с тем процессом, в котором практически происходит ее изменение и развитие, т.е. с жизненным путем. Понятие активности дало возможность рассмотреть, как личность объективирует себя в деятельности, общении, познании и Жизненном пути в целом, выявить способ ее самовыражения. В психологической литературе велись дискуссии о том, следует ли понимать активность как нормативное или сверхнормативное образование, как общественную направленность или способ удовлетворения потребностей и т.д. Однако при этом практически не учитывались такие

личностные характеристики активности, как притязания, способности, удовлетворенность.

Понятие активности первоначально употреблялось нами для обозначения личностного уровня, качества и способа осуществления деятельности. В таком понимании активность выступала как качество субъекта деятельности. Такая активность обеспечивает целостность в осуществлении деятельности личностью, включает саморегуляцию, которая осуществляет комплексную мобилизацию, взаимную компенсацию различных психических составляющих деятельности и т.д. Активность личности интегрирует внешние и внутренние условия осуществления деятельности (включая в число последних ценностно-мотивационные способности и т.д.) типичным для личности (индивидуальным) способом, психологически оптимально и социально продуктивно. Активность обеспечивает контроль личности за целостным ходом деятельности, устраняя возможные рассогласования, ответственность за качество ее осуществления и сроки¹.

Впоследствии понятие активности было определено нами как особое высшее личностное образование, связанное с ее жизненным путем, его целостной и ценностной временной организацией. Это понятие активности выражает качество личности как субъекта жизненного пути, по Рубинштейну, и проявляется в формировании жизненной позиции, жизненной линии, смысла и концепции жизни. Активность — типичный для данной личности, обобщенный, ценностный способ отражения, выражения и осуществления жизненных потребностей. К числу последних относятся: потребность в объективации [С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе] как потребность в деятельном, жизненном самовыражении, потребность в признании и др. Жизненные потребности конкретизируются в притязаниях, превращаясь в типичные личностные направленности, побуждения, стратегии, которыми реализуются эти потребности. Такое понимание активности преодолевает безличностный подход к качествам, свойствам и самой структуре личности. Одновременно преодолевается бес-

субъектный и внеиндивидуальный подходы к личности. Способности, потребности, сознание, характер и т.д. не просто существуют в безличностной структуре, сама личность есть способ соединения ее настроений, способностей, мотивов и т.д. с ее возможностями и способностями в соответствии с ее характером в процессе их реализации, воплощения в действительности. В этом смысле личность — не столько интегральная индивидуальность, как полагал В.С. Мерлин, а интегрирующая индивидуальность, т.е. присущий данному человеку способ осуществления жизни, деятельности, общения, доступный ему в силу его характера, потребностей и способностей. Активность личности это ее функционально-динамическое качество, которое интегрирует всю ее психологическую структуру (определенным образом связывая потребность, способность, сознание и волю), что, в свою очередь, обеспечивает личности возможность по-своему структурировать жизнедеятельность (общение, деятельность, познание), жизненный путь. Последние по-разному связаны у разных людей, а способы их связи образуются постольку, поскольку они активно воспроизводятся личностью в решении жизненных задач. Активность — это такой способ самовыражения личности в жизни, при котором в большей или меньшей мере сохраняется целостность, автономность, индивидуальность личности и тем самым одновременно обеспечивается возможность ее развития.

Активность — способ самовыражения и самоосуществления личности, при котором обеспечивается или сохраняется ее субъектность. Присущий личности способ организации и регуляции жизни на основе интеграции ее потребностей, способностей, отношений к жизни так или иначе учитывает требования, обращенные к личности со стороны общества и обстоятельств. Поэтому активность включает и инициативу, исходящую из потребностей, притязаний, отношений личности, и ответственность, в форме которой личность учитывает объективную жизненную необходимость. Активность структурирует по ценностным и временным параметрам жизненное, межличностное, социально-психологическое пространство, проектирует деятель-

¹ Абульханова-Славская К. А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. — 1983. — Т.4. № 1.-С. 14-19.

ность, поведение и общение¹. Активность включает в себя жизненные результаты, опыт личности, ее обобщения оптимальных конструктивных и неоптимальных жизненных стратегий на ценностной основе.

В качестве основных единиц изучения жизненного пути мы выделяем не события или ситуации, а три взаимосвязанные структуры: жизненную позицию, жизненную линию и смысл или концепцию жизни. Жизненная позиция — это обобщенный, установленный на основе самоопределения по отношению к объективным условиям, обстоятельствам ценностный способ жизни личности. Это и достижение жизни личности, и одновременно потенциал развития, и совокупность ее возможностей. Жизненная позиция может быть охарактеризована на разном уровне конкретности, начиная от эмпирически-описательного и кончая сущностно-абстрактным. Абстрактная характеристика дается через выявление противоречий, например, между присущей данной личности максимальной активностью и невозможностью ее объективировать, реализовать, или, напротив, между отсутствующей у данной личности готовностью, активностью, зрелостью и наличием оптимальных для нее условий. Кроме противоречий, позицию характеризует способ их разрешения (конструктивный, пассивный и т.д.). Способ решения доказывает, умеет ли личность соединить свои индивидуально-психологические, статусные, возрастные возможности и собственные притязания с требованиями общества.

Можно спорить о том, является ли жизненная позиция своеобразным «акме» — оптимальным пиком в жизни личности, завязкой основного сюжета ее жизни — или это постоянно воспроизводящееся, хотя и изменяющееся образование. Мы предполагаем, что ответ на этот вопрос дает понятие жизненной линии, обозначающее удержание, развитие, изменение позиции во времени жизни. В самом широком смысле слова «жизненная линия» — способ жизненного движения, изменения и развития. Жизненной линии присуща пролонгированность и ценностность. Она может

иметь прогрессивно-поступательный или возвратно-застойный характер. В первом случае имеет место жизненное продвижение личности (подобное интеллектуальному продвижению) на более высокий уровень. «Моя жизнь всегда шла по восходящей, несмотря на жизненные потери, ее сопровождавшие, несмотря на то, что порой она принимала трагический оборот», — писал в своих дневниках С.Л. Рубинштейн. Подъем личности и ее позиции на более высокий уровень усиливает ценностную характеристику жизни, определяет дальность перспектив личности, широту возможностей. Основной характеристикой прогрессивной жизненной линии является непрерывная обратная связь результатов предшествующего этапа (решения, поступка, поворотного момента) с последующим. Эту обратную связь мы называем вторичными условиями развития личности.

Наконец, смысл жизни, как известно, это лежащий в основе жизненной позиции и линии ценностный способ обобщения, целеполагания в жизни. Одним из важнейших психологических аспектов смысла жизни является способность субъекта переживать ценность жизни, удовлетворяться и побуждаться ею [Муздыбаев, 1981]. Этому противостоит отчуждение жизни — лишение реальных действий, поступков их ценности, значимости, превращение в чисто функциональные. Смысл жизни — это своеобразное чувство своей субъектности, возможности творчества жизни, это — не только когнитивное образование, а переживание личностью своей включенности в жизненные структуры, причастности к общественным ценностям, полноты своего самовыражения, интенсивности взаимодействия с жизнью.

Включенность в семейные, профессиональные, образовательные и т.д. сферы и задачи жизни создает ее интенсивность, образует богатство жизненных впечатлений и достижений личности. В противоположном случае возникает аналог бедного сенсорного поля. Отсутствие активных проб, достижений личности является основной причиной ее застойного развития. Насыщенность, интенсивность жизни характеризуют ее динамику (жизненную линию) и смысл, усиливают ценность, значимость.

¹ McClelland D., Atkinson J. W., Clark R.A. and Lowell B.L. The achievement motive. - N. Y., 1976.

Функционально-динамический подход к личности, о котором выше шла речь, предполагает изучение личности, ее функционирования в жизненном пути, а также исследование тех высших динамических качеств, которые связаны с определением личности как субъекта жизнедеятельности. Активность, наряду с личностной зрелостью, интегративной способностью и т.д., относится к числу высших системно-динамических качеств личности.

В советской психологии было принято определение активности как формы выражения и динамического аспекта потребностей. На наш взгляд, активность — это не только способ выражения потребностей, но целостный и ценностный способ самовыражения, самоосуществления личности, которым обеспечивается ее субъектность. Поэтому в активности выражается и осознание смысла жизни, и самосознание, и способ направления своих способностей, и воля, преобразующая действительность в направлении, адекватном потребностям. Иными словами, активность — это присущий личности способ организации, регуляции жизни и саморегуляция на основе интеграции потребностей, способностей, отношений личности к жизни.

Однако и такое интегральное определение активности не включает важнейшего аспекта — ее социальной детерминации. Личность действует не только на основе своих потребностей, но и на основе обращенных к ней требований общества и объективных условий жизни. Поэтому активность — это не нахождение предмета, отвечающего потребности, и не функциональная сторона последней, а это — результат соотнесения потребностей личности и требований общества, объективной общественной необходимости.

Общественная необходимость выступает не только в виде прямо обращенных к личности требований и норм, но и в виде сущностной социальной детерминации, в которой при разных конкретно-исторических условиях различным образом соединяются общественные возможности и необходимость. Поэтому то, что рассматривается обычно как приспособление личности к обществу (адаптация, социализация и т.д.), на самом деле носит характер активного самоопределения по отношению к разным

формам, уровням социальной детерминации. Это самоопределение предполагает выявление личностью каждый раз конкретного для нее жизненного пути соотношения необходимости и возможности социальной детерминации, во-первых.

Во-вторых, личность соотносит желательное, отвечающее ее потребностям и общественно необходимое, определяет своеобразную «пропорцию» необходимого и желательного в жизни. Таковы основные соотношения и противоречия, которые разрешаются активностью личности. Таким образом, активность — функционально-динамическое качество личности, интегрирующее всю ее психологическую структуру (потребности, способности, сознание, волю и, т.д.), в свою очередь, обеспечивающее возможность функционирования личности в жизни, согласно общественным требованиям и детерминации.

Активность — системное качество личности, структурирующее во времени и согласно общественным и личным ценностям социально-психологическое, межличностное, жизненное пространство. Иными словами, системность не присуща личности имманентно, а воспроизводится ею в процессе взаимодействия с условиями жизни, в процессе их активного моделирования. Личность в ходе жизни находит свою целостность, строит свою автономию, хотя и имеет при этом достаточно стабильную психологическую структуру (характер и т.д.), психологический склад. О воспроизводстве и достижении личностью этой целостности писал М.М. Бахтин: «Три области человеческой культуры — наука, искусство и жизнь — обретают единство только в личности, которая приобщает их к своему единству» [Бахтин, 1979. С.5]. И далее: «Когда человек в искусстве, его нет в жизни, и наоборот. Нет между ними единства и взаимопроникновения внутреннего в единстве личности. Что же гарантирует внутреннюю связь элементов в личности?.. За то, что я понял и пережил в искусстве, я должен отвечать всей жизнью, чтобы все пережитое и понятое не осталось бездейственным в ней» [там же. С.5].

Активность — индивидуально-типологическое функциональное качество личности. Она включает в себя различную направленность личности, разный индивидуальный жизненный

опыт, обобщающий те или иные стратегии по критериям ценности, легкости — трудности, успешности — неуспешности, удовлетворенности — неудовлетворенности. Вторичная детерминация жизни — удовлетворенность-неудовлетворенность личности — с оценкой того, как она реализует себя в жизни, с рефлексией по поводу именно данного способа жизни. Все известные концепции или интерпретации жизни как долга, призвания, вины, судьбы, выкупа и т.д. представляют собой не только рефлексии жизни, но и определенным образом повышают или понижают активационные способности личности (жизненные «силы», жизненную «энергию», инициативность, предприимчивость и т.д.). Иными словами, удовлетворенность — неудовлетворенность повышает или понижает жизненную активность личности.

В индивидуально-типологических характеристиках активности проявляется то, насколько целостно личность моделирует свою жизнь, связывая воедино ее сферы, циклы, события, занятия и другие структуры. Активность в одних случаях представляет собой практически-действенное, а в других — умоизобразительное структурирование и организацию жизни. Сам способ структурирования жизни носит или более эгоцентрический характер, при котором личность ориентируется на систему собственных опор, выбирая и строя эти опоры, или более объективированный. В последнем случае личность включает в сферу своей активности внешние или не созданные ею самой опоры (коллектив, других людей, помощь, а также опоры на культуру, традиции и т.д.). Наконец, способ моделирования жизни может быть более рационально-рефлексивным, осознанным, последовательным или более стихийным. Стихийность, однако, может проявляться как в следовании внешним событиям, так и в следовании внутренним порывам, влечениям, капризам.

Безусловно, наиболее адекватным способом исследования активности является лонгитюдальное, которое включает и раскрывает названные выше аспекты моделирования жизни. Однако в силу того, что мы относим активность и ее индивидуально-типологические характеристики к высшим, поэтому достаточно устойчивым, сложившимся жизненным качествам личности (как

психологическую зрелость и т.д.), мы предполагали, что возможно ее исследование в достаточно локальных условиях естественного эксперимента. Если личность обладает высоким уровнем развития активности (точно так же, как и психологической зрелостью, способностью к интеграции и т.д.), то она, согласно нашему предположению, должна проявить ее в ситуациях, весьма случайных с точки зрения ее жизненного пути в целом.

На основании многолетних теоретических и эмпирических исследований активности, а также на основе изложенного выше ее понимания были выделены три уровня определений. Первый, наиболее абстрактный уровень определения активности, позволяет выделить две возможные ее формы — инициативу и ответственность. Инициатива рассматривается как свободная, отвечающая потребностям субъекта форма самовыражения, побудительный аспект деятельности, общения, познания. Одновременно инициатива репрезентирует личность в социально-психологическом, межличностном пространстве. Инициатива — не только желание выразить себя, но и заявить о себе, оформить свои желания, притязания. Обычно инициатива рассматривается как известная противоположность необходимости, как опережение личностью внешних требований, как проявление творчества. Мы рассматривали инициативу не только как свободу проявления и самовыражения субъекта в противоположность необходимости, но и как взаимодействие свободы и необходимости, как их диалектику.

Поэтому парной категорией к инициативе мы рассматривали ответственность как личностный механизм реализации необходимости. В общепринятых определениях ответственности, на которые мы опирались [Пиаже, Кольберг, Хелкама, Хайдер и т.д.], ставится акцент на когнитивных аспектах ответственности (предвидение последствий и на этой основе своевременная регуляция поведения на основе выбора субъекта). Мы рассматривали ответственность как присвоение личностью внешней необходимости, как превращение ее во внутреннюю детерминанту. Поэтому высшая стадия ответственности (по Кольбергу) соединяется с инициативой, т.е. необходимость становится внутренним

побуждением самого субъекта. Мы определили ответственность как гарантирование личностью достижения результата своими силами, при заданном самой личностью уровне сложности и времени достижения.

Ответственность гарантирует достижение результата, осуществление необходимого даже при непредвидимых субъектом трудностях, неожиданности, т.е. предполагает овладение ситуацией, взятие на себя дела в целом, без возможности предвидеть, как обернется его ход. Такое определение ответственности рассматривает необходимость и всю цепь связанных с ней действий, обстоятельств и последствий как объективно не зависящую от субъекта, но взятую им на себя, присваиваемую им. Инициатива при высшем уровне развития ответственности заключается не в выходе за пределы необходимости, не в противопоставлении ей, а в добровольном принятии и осуществлении необходимого. Типологическое исследование обнаружило существование разных форм инициативы и ответственности и разные типы их связей между собой [Абульханова-Славская, 1965]. Было доказано, что только высший уровень развития ответственности, полная мера принятия необходимости дают возможность гармоничного соединения с инициативой. Ответственность исполнительского, формального типа подавляет инициативу и тем самым ставит и личность в однозначную зависимость от команд, руководства извне, лишая ее качества субъекта. Если ответственность не развита, то необходимость остается чуждой, навязанной по отношению к желаемому, а потому в известной мере принудительной, ограничивающей инициативу субъекта. Исследование показало, что инициатива как способ самовыражения личности отличается от инициативности как устойчивого ее качества, когда личность выступает субъектом целостного, автономного поведения. Наиболее оптимальным является такой тип ответственности, когда личность обращает требования к самой себе, повышает притязания к уровню трудности собственной деятельности.

Инициатива разных типов подставлена разными формами побуждений, отвечает разным потребностям самовыражения и в

разной степени оформляет то социально-психологическое, деятельностное пространство, которое охватывается этой инициативой. Так, одним лицам достаточно выступить с инициативой, другие стремятся сами реализовать свои инициативы. Одни инициативны в условиях соревнования, одобрения, поддержки, другие — в условиях самостоятельности и т.д. Одни инициативы вообще не имеют целевой ориентации, а только побудительный момент, другие — обеспечивают объективные и субъективные условия достижения цели и т.д.

Исследование инициатив обнаружило, что они не имеют возрастной траектории развития, а только индивидуально-типологическую; инициативность как качество личности развивается не в жесткой зависимости от возрастных особенностей, а по мере того, как личность овладевает социальными способами реализации инициатив, от того, как принимаются ее инициативы социально-психологическим окружением, и т.д. Основой такого развития личности является становление ее субъектом своих отношений, прежде всего ответственности за реализацию собственных инициатив.

Однако раскрыть механизмы связей инициативы и ответственности удалось только на основе второго — более конкретно — уровня определения и исследования активности. Этот уровень активности выявляется через интеграл трех составляющих: притязаний, саморегуляции и удовлетворенности. В отличие от пары «притязания — достижения», которая была введена еще К. Левиным и обоснована Ф. Хоппе, мы рассмотрели триаду, т.е. ввели саморегуляцию как составляющую, опосредующую их связь. Поскольку инициатива — это способ самовыражения и реализации своих потребностей и их объективации в социально-психологическом жизненном пространстве, она предполагает притязания личности к способу их удовлетворения. Притязания, в свою очередь, опираются на представления о внешних и внутренних возможностях достижений, т.е. они структурируют действительность под углом зрения средств и условий (в том числе критериев, при которых это возможно) удовлетворения потребностей. Притязания предполагают ограничение условий и

средств достижения или, наоборот, неопределенное расширение пространства достижений. Притязания дифференцируют пространство активности, определяя то, что будет делать сам субъект, и то, что он считает внешними условиями и где ожидает результата извне (от других людей или обстоятельств).

Притязания соотносительны со способом достижения — мерой затрачиваемых усилий, настойчивостью, уверенностью, точностью критериев достижения, т.е. саморегуляцией. Однако здесь чрезвычайно важно то, что субъект саморегуляции дифференцирует внутренние саморегуляционные опоры и внешние, т.е. определенным образом соотносит внешние и внутренние условия активности, делит семантическое пространство на зависящее и независящее от него.

Здесь разделяется и определенным образом соотносится то, что обеспечивается самим субъектом — его усилиями, ответственностью, и то, чего он ожидает извне — его установки на успех, одобрение, помощь.

Наконец, третьей составляющей интеграла являются не достижения, а удовлетворенность, которая, как показало исследование, связана прямыми и обратными связями с притязаниями.

Здесь существенны оценки личности своей собственной активности, мера удовлетворенности потребностей, «цена» (трудность) деятельности и общения, которыми они могут быть удовлетворены. Удовлетворенность представляет собой форму обратной связи личности со способами ее объективации в жизни (с достижениями, оценками других и т.д.). Соотношение притязаний и достижений было предметом исследований К. Левина и Ф. Хоппе: для нас речь идет о типичном для данной личности соотношении притязаний как проекции самовыражения и удовлетворенности, причем понятие самовыражения отражает тенденцию личности к индивидуальному способу объективации, подчеркивает ценностный характер самовыражения и зависимость-независимость субъекта от оценок результатов его деятельности другими людьми. Удовлетворенность — есть психологическая характеристика обратной связи достижений личности с предыдущими и последующими притязаниями.

Еще нет результата — достижений, но в притязаниях закладываются критерии на то, что могло бы удовлетворить субъекта. Общая удовлетворенность есть результирующая наиболее перспективных для личности направлений активности. Одни типы удовлетворенности связаны с притязаниями так, что укрепляют личность на достигнутых позициях и одновременно побуждают к новым. В других — удовлетворенность погашает последующую активность. Адекватная удовлетворенность способствует уверенности личности, ограждая от частных неудач, снижая эффект частной неудовлетворенности. Удовлетворенность подтверждает критерии притязаний (я удовлетворяюсь исполнением долга или преодолением трудностей и т.д.), однако может и изменять их. Из этого следует, что нужно воспитывать не только потребности, притязания, но и удовлетворенность, доказывая человеку, что он может (или не имеет права) удовлетворяться тем или иным (малым, простым и т.д.). Как показали наши исследования, интеграл притязаний, саморегуляции и удовлетворенности носит типологический характер, поэтому назван семантическим (внутри него могут быть раскрыты более тонкие смысловые связи, которые в том числе связывают инициативу и ответственность).

Третий уровень определения активности заключается в тех способах проектирования, моделирования пространства своей активности, которые присущи типам личности с разным семантическим интегралом. Так, притязания очерчивают семантическое пространство активности, чрезмерно зауженное на основе заниженной самооценки или чрезмерно широкое на основе завышенной самооценки и т.д. Соответственно, саморегуляция, развертывающаяся на основе того или иного типа притязаний, предполагает контроль за всем полем активности.

Так, формальное включение личности в структуры обучения, образования и т.д., но не отвечающее её намерениям, ценностям, отсутствие полноты самовыражения, неприсвоенность этих форм жизни, отсутствие их активного моделирования ведут к падению удовлетворенности и активности, к обесцениванию смыслов жизни и т.д. Формальное, частичное включение ведет к

потере той степени самостоятельности, которая необходима и для формирования жизненных перспектив, и для дальнейшего жизненного продвижения личности. Концентрация активности в сфере так называемой личной жизни — семьи происходит подчас в силу того, что именно здесь личность проявляет и чувствует себя субъектом, целостно охватывающим эту сферу отношений, потому, что здесь для неё выступает связь собственных активных действий с их следствиями, которую она может не получать в более сложносочлененных социальных структурах. Причины этого формального или неадекватного включения могут относиться к личности (быть следствием её неадекватного самовыражения, объективации). Например, отсутствие должного уровня развития способностей для осуществления профессионально престижной для личности деятельности, эгоистически карьерные устремления при коллегиальном характере общей совместной организации и т.д. Однако причины могут корениться и в отношении к личности со стороны общества, когда ограничиваются её активные позиции в деятельности, в условиях такой организации социальных структур, при которой последствия действий личности никак к ней не возвращаются, не имеют обратной связи для переживания удовлетворенности и т.д.

Основным принципом нашего исследования является сопоставление структуры семантического интеграла со способом моделирования пространства активности самим субъектом, с динамикой этого моделирования. Проблема, в свое время поставленная Келли, как одновременно сохранить активность субъекта (испытуемого) и необходимость контролируемости и варьирования ситуации эксперимента, решалась следующим образом. Притязания, саморегуляция и удовлетворенность выступали как единые векторы или направления, по которым шел контроль, вариация условий и наблюдения экспериментатора, а координаты, опоры и критерии при построении контура или модели активности разными испытуемыми были различны, поскольку определялись самим испытуемым. Иными словами, характеристики активности были структурно-динамически конкретизированы,

что, в свою очередь, позволило судить о причинах её повышения, падения, устойчивости и т.д.

При сопоставлении разных типов было выявлено, что относительно друг друга и в динамике активности моделируемый контур сужается-расширяется, изменяется число и характер вводимых критериев, а также число семантических единиц модели (они более глобальны или дифференцированы), варьирует соотношение внешних и внутренних опор, критериев и т.д.

Проведенное исследование характеризуется, прежде всего, не вербальными методами, а такими, которые позволяют моделировать активность в естественном эксперименте, построенном на определенных принципах. Основным из них является сопоставление структурных (семантический интеграл) и динамических (моделирование испытуемым семантического пространства) характеристик активности.

Идея обратной связи активности со способом ее реализации личностью в структурах и результатах жизненного пути является основой данного труда и предложенного подхода. Была поставлена задача выявления зависимости темпов формирования и характеристик активности от обратной связи с оценками взрослых, структурами семейных отношений и т.д. Если игровая или интеллектуальная активность ребенка, инициатива подростка или общественно-направленная активность студента, сензитивные каждая своему возрасту, не находят своей реализации в условиях общения с родителями, способах организации обучения или структурах образования, то она блокируется, снижается или замедляется в своем развитии. Тем самым показывается не только тезис о связи активности с жизненным путем личности, не только тезис о потребности личности в адекватной ей объективации, но и тезис, что неадекватная организация структур жизни блокирует активность, снижает ее уровень или придает ей иную направленность.

Активность была исследована на различных возрастных этапах и в разнообразных формах, включая интеллектуальную и нравственную активность ребенка, решающего нравственные проблемы в процессе своего развития, и даже самосознание как

процесс активного поиска способов решения жизненных задач у взрослой личности, — таков был диапазон проведенных в лаборатории личности исследований. При всем многообразии исследованных форм активности безусловно подтвердилась ее типологическая природа и возможность ее исследования типологическим методом¹. Типы исследуемых инициатив (риск, притязания на успех и т.д.) определенным образом соединялись с типами ответственности (формального долга или инициативной ответственности), благодаря чему удалось установить отношения доминирования и асимметрии между ними, т.е. преобладания ответственности над инициативой, вплоть до полного ее подавления, либо преобладания инициативы без опоры на личную ответственность.

Определение типа связи инициативы и ответственности охватывает совокупность тенденций личности к их проявлению, а также позитивных (негативных) условий, оказывающих обратное влияние (стимулирующее или подавляющее) на их последующее проявление, направленность и структуру.

Исследования активности на разном возрастном контингенте были направлены на выявление не возрастных, а типологических особенностей активности как следствия приобретенных (или не приобретенных) личностью в ее индивидуальном жизненном пути способов проявления и реализации этой активности.

Типы активности — это совокупность действующих в разном направлении причин развития активности (противодействующих, содействующих, иногда нейтрализующих это развитие).

Однако о каких бы новых или старых понятиях при этом ни шла речь, например, о противоречиях и кризисах жизни, об интегрирующей способности личности, о её активности и т.д., необходимо постоянно проследивать, как в её жизненных проявлениях выражается личностный склад, внутренний мир и какие последствия те или иные жизненные способы имеют для этого внутреннего мира и личностного склада (изменяют или развивают, придают противоречивый характер и т.д.). Иными слова-

ми, как жизненная практика личности (а не отдельные её поступки и способы действия) взаимодействует с её ценностным внутренним миром. Степень совпадения или расхождения жизненной практики и ценностей своего «я» и т.д. является показателем цельности или разобщенности, противоречивости личностных структур, перспективности или регрессивности их развития.

В чем же проявляется отличие типологического подхода к проблеме активности от широко распространенного (хотя часто по-разному интерпретируемого) индивидуального подхода? Различие это, во-первых, заключается в том, что типологический метод дает обобщенную и вместе с тем достаточно конкретную структуру механизмов, форм и связей активности личности, тогда как индивидуальный подход представляет бесконечно дробную картину индивидуальных отличий людей без указаний того, каков же на самом деле предел дробности данных различий, а также критериев и оценок при их выявлении. Во-вторых, с помощью типологического подхода раскрываются не сами психические качества и особенности, составляющие суть индивидуальных различий, а причины их сформированности (несформированности), развитости (блокированности), многосторонности (односторонности). Таким образом, типы — это не отклонение от нормы, не просто отдельно взятые особенности и отличия, а самая сущность активности, пути ее реального развития и организации в процессе жизни. Наконец, в-третьих, типологический метод (в отличие от индивидуального) при изучении ее активности непосредственно связан с признанием в личности субъекта. Для индивидуального подхода в его практическом применении личность остается объектом (идет ли речь о выявлении способностей, индивидуальных различий или других особенностей). Типологический подход опирается на знание не только особенностей и качеств, но также и причин, их вызывающих, для обеспечения возможности субъекту беспрепятственно развернуть свою активность. Типологический подход раскрывает возможности становления каждого отдельного индивида, личности субъектом своей активности, определяет меру такого становления и указывает причины ограничения этой тенденции. Здесь

¹ Абульханова-Славская К. А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. — 1983. — Т.4. № 1. С. 14-19.

выявляются отношения независимости, частичной зависимости или полной зависимости личности от внешних условий.

Другим важнейшим вопросом остаются механизмы блокировки активности (и пути ее возможного устранения) как причины формирования пассивной, безынициативной личности, глубоко укореняющихся привычек к безответственности.

Связь притязаний, саморегуляции и удовлетворенности получила название семантического интеграла. «Контур» активности описывается сначала личностными притязаниями (на успех, свои возможности и т.д.), которые обнаруживают внешние и внутренние «опоры» активности. Эти «опоры» вторично проявляются в характере саморегуляции, посредством которой личность выстраивает (полностью автономный или с частичными опорами на внешние условия) «контур» своей активности. При этом взятие на себя ответственности за всю деятельность в целом, отказ от помощи, оценок обнаруживает меру становления личности субъектом деятельности, поведения, общения. В данном исследовании выявился динамический параметр активности, характеристики расширения-сужения ее границ, «контура»¹. Именно этот параметр саморегуляции обнаруживает степень уверенности-неуверенности субъекта в своих внешних и внутренних «опорах», а также его способность структурировать «контур» активности в зависимости от них. Исследования семантического интеграла обнаружили параметр простоты (огрубленности, глобальности) или сложности единиц активности. Последний параметр в известном смысле совпадает с понятиями простоты и сложности в когнитивной психологии, однако в сочетании с предыдущими он имеет большую информативность, сообщая нам, насколько субъект способен удержаться в том «контуре» деятельности, на который он «притяжал» вначале, а также на степень сложности его деятельности (трудно или легко достижимые цели), а соответственно, структуры и пространства его активности².

¹ Mead Y.H. Mind, Self and Society. — Univers. press, — Chicago, 1934.

² Величковский Б.М. Современная когнитивная психология. М., 1982.

Изучение «контура» активности в ее динамике осуществлялось в отдельных ситуациях деятельности, общения, поведения. Однако предметом психологического исследования явились и более устойчивые особенности личностей, например, типологические особенности организации времени.

Цель этих исследований состояла в выявлении психологических уровней организации времени, которые включают и самый высший — субъектный — уровень овладения временем [В.И. Ковалев], типов личностной организации времени по ряду различных параметров: сознательно-бессознательному [Т.Н. Березина], ценностно-эмоциональному, практически-поведенческому [Л.Ю. Кублицкене] и зависимости некоторых временных образований, например, временной перспективы от возраста и профессии [В.Ф. Серенкова]. Благодаря полученным характеристикам (уровневым, типологическим, профессионально-возрастным и т.д.) можно с большей точностью устанавливать, какого рода объективные временные задачи оказываются для личности более легкими или трудными (а иногда и не разрешимыми), давать самой личности знание своих временных способностей, ограничений и т.д. Разработка уровнево-типологической концепции личностной организации времени позволит еще более глубоко подойти к пониманию того, как осуществляется ценностно-временная регуляция жизненного пути в целом.

Наиболее существенным проявлением активности личности, помимо инициативно-притязательных и ответственно-саморегулятивных механизмов, является ее коммуникативная характеристика. Большую исследовательскую проблему, частично представленную в данном труде, составляет вопрос о согласовании и способе учета в параметре активности одной личности наличия встречной, реципрокной активности другой личности. При исследовании инициатив выявилось, когда инициативы одного лица принимаются всеми остальными, если они пассивны или активны. По существу, это и есть вопрос о диалогической основе человека, на которую указывал еще М.М. Бах-

тин¹. В своем психологическом выражении это проблема субъект-субъектных отношений. Последние предполагают, что, сохраняя свою активность, субъектность, личность учитывает другого не только в качестве объекта своих воздействий, но как субъекта, согласуя свою активность с активностью другого. Проведенное нами исследование выявило существенно различающиеся типы по этому параметру, которые условно были названы когнитивными стилями

Первый из выявленных типов подразумевал другого только в качестве объекта (своей активности и воздействий), второй — в качестве субъекта, предполагая и учитывая его встречную активность, третий — в качестве субъекта, планируя свое взаимодействие о нем². На основании этих данных мы предположили, что различия между типами могут иметь свое основание в структурах сознания, связанных с оценочно-самооценочными отношениями. Были специально исследованы три вида отношения: к другим, к себе и других к себе. Последнее в социально-психологической литературе обозначается как атрибутивная проекция, т. е. ожидание, прогнозирование оценки, отношения к себе окружающих (в терминологии Дж. Мида — «я» как объект). Э. Томэ, К. Рождерсом и другими был отмечен конфликт, возникающий между самооценкой и оценками со стороны других. Нас интересовала степень представленности атрибутивной проекции в индивидуальном сознании и ее соотношения с двумя остальными оценочными отношениями (самооценкой и оценкой других).

Наши данные показали, что только у одного типа людей представлены в сознании все три вида отношений (к другим, к себе и других к себе), гармонично связанные друг с другом. У двух остальных типов отсутствовало (или было слабо выражено) одно из отношений. Среди них находился высокий процент тех, у кого вообще отсутствовала атрибутивная проекция. Сопоставление структуры оценочно-самооценочных отношений (разных для каждого типа) и реальной коммуникации выявило, насколько

ко те или иные типы структур сознания обеспечивают реальную регуляцию коммуникации, т.е. реципрокной активности. Выявилось, что только тот тип, который обладал тремя гибко связанными в структуре сознания отношениями, был способен рассматривать коммуникацию как проблему. Данный тип использовал не установочно-ригидный, односторонний способ взаимодействия, а воспринимал отношения как взаимоотношения, которые требуют своего осмысления и решения. Вследствие этого только у данного типа в реальной коммуникации восприятие партнера было субъектным. Однако из этого следует, что проблематизация взаимоотношений, осознание их проблемности есть следствие развитости (или неразвитости) атрибутивной проекции (т.е. прогнозирования другого и его отношения к себе), следствие определенной сбалансированности отношений к другим, к себе и других к себе. Отсутствие атрибутивной проекции, как показали исследования, в свою очередь, обусловлено разным типом связи между двумя другими отношениями, при высокой самооценке и низкой оценке других, естественно, отсутствует значимость оценки с их стороны, тогда как при низкой самооценке и высокой оценке других сверхзначимость их оценки блокируется механизмом защиты. Развитая атрибутивная проекция также образует характеристику личностного типа соотносительно с двумя другими отношениями: при низкой самооценке и высокой оценке других тип оказывается конформно-зависимым от этих оценок, тогда как при высокой самооценке и низкой оценке других он лишь рационально их учитывает. Негармонично сложившиеся отношения к другим, себе и других к себе обнаруживают внутреннюю сторону активности по отношению к той, которая реально проецируется в межличностном пространстве. Применение проективных, тренинговых методов показало, что для многих типов преодоление фиксированных структур сознания практически недостижимо.

В заключение можно поставить вопрос о соотношении оптимальных и неоптимальных типов как ключевом для раскрытия существа субъектного подхода. Именно здесь, по отношению к этим типам и должна проявиться стратегия субъектного подхода

¹ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.

² Абульханова-Славская К. А. Личностные типы мышления // Когнитивная психология. — М., 1986.

да. Она состоит в том, что, зная свои особенности — преимущества и недостатки, возможности и ограничения, — каждый человек должен на основе их сознательного учета и произвольной регуляции разрешать проблемы и противоречия, возникающие в его отношениях с окружающим миром. Он должен стать субъектом оптимального для своей индивидуальности способа разрешения этих проблем, учитывающим всю совокупность предъявляемых к нему требований.

Возможности применяемого субъектного подхода несоизмеримо шире в методологическом и практическом отношении сопоставительно с индивидуальным и даже типологическим методом исследования, так как последние ограничиваются констатацией наличных форм и структур активности в узкопрофессиональном или узковозрастном ее срезе, в то время как субъектный подход дает выходы и к генезису активности, к совокупности причин, придавших ей одностороннее направление, превращенную форму, и, наконец, к моменту жизненного пути личности, когда субъект фактически теряет право называться субъектом в подлинном значении этого слова. Знание своих типологических особенностей потребует субъекту не для определения своего места в иерархии типов по критерию оптимальности-неоптимальности, а для того, чтобы сознательно и ответственно регулировать свои взаимоотношения с миром.

В.Л. Хайкин

Характеристика активности в психологии¹

Понятие активность в сфере научных знаний определяется неоднозначно не только по выделяемым характеристикам, функциональным особенностям, но и по смыслам. Практически активность всегда выступает как атрибут, универсальное свойство, присущее всему живому. Но в одних случаях она соотносится с поведением; в других - напрямую сопоставляется с деятельностью; в-третьих - определяется по составляющим ее компонентам, без выведения общей дефиниции и т. д.

При этом имеются различные толкования категории активности в конкретных науках (психология, философия, физиология, история, экономика, социология, педагогика, право и др.) и в обыденной практике, с одной стороны, а с другой — понятие активности зачастую раскрывается через другие понятия - активация, поведение, деятельность, личность, общество и др.

Как справедливо замечал В.А. Петровский, «парадоксальное, на первый взгляд, положение состоит в том, что представление об активности, игравшее существенную роль в развитии философских воззрений, входившее явно или неявно, в позитивном или негативном плане во все без исключения психологические концепции личности, не зафиксировано в форме достаточно дифференцированной научной категории. Понятия «активность» (как общепсихологическое понятие) и «активность личности» (как понятие частное) в должной мере не освещаются ни в общенаучных, ни в философских, ни в специальных психологических энциклопедиях и словарях. «Активность» оказывается растворенной в категориях «труд», «деятельность», «практика», «свобода», «субъект» и т. д., в понятиях «поведение», «активация», либо, наконец, определяется через перечисление ряда способностей организма (способность к

¹ Хайкин В.Л. Активность (характеристики и развитие). М.: МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2000. С.61-82.

самосохранению, саморегулированию и т. п.) без вычленения связующего их признака»¹.

Отсюда и весьма «вольное» использование понятия «активность» разными авторами — это и активность как мера деятельности, и как уровень протекания процесса, и как степень взаимодействия, и как потенциальные возможности индивида к взаимодействию, и как совокупность инициативных действий субъекта, обусловленных его внутренними противоречиями, опосредованными влиянием окружающей среды, и т.д. и т.п.²

Показательно как практико-ориентированное понимание активности отражено в различных словарях.

Например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля содержит следующее определение: «Активный - это деятельный, действующий, жизненный, живой, не косный»³.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова активностью называется «активная, энергичная деятельность»⁴.

Активность (лат. *activus*) — читаем мы в словаре иностранных слов — «усиленная деятельность, деятельное состояние»⁵.

Обращаясь к рассмотрению определения активности в научной литературе, необходимо отметить, что активность, по мнению ряда авторов, имеет «относительно всеобщий характер»⁶.

В философской науке понятие активности рассматривается как универсальное, всеобщее свойство материи⁷, выступающее в

одних случаях «мерой направленного действия»¹; в других — «возбужденным состоянием объекта, обуславливающим обратное воздействие на действие»²; в-третьих - «способностью материальных объектов вступать во взаимодействие с другими объектами»³.

В психологии это понятие также неоднозначно и неустойчиво. В частности, оно применяется для обозначения трех неодинаковых явлений. Во-первых, — определенной, конкретной деятельности индивида (тем более что в романских и англо-германских языках для двух разных русских терминов - деятельность и активность — существует только один термин, например, в английском языке - *activity*). Во-вторых, — состояния, противоположного пассивности. Причем это не всегда актуальная деятельность, а порой только лишь готовность к деятельности, состояние, близкое к тому, что обозначается термином «уровень бодрствования». В-третьих, - для обозначения инициативности, или явления, противоположного реактивности. Здесь подчеркивается тот факт, что субъект действовал по своему почину, внутренне вовлечено, а не реагировал бездумно, подобно машине.

Общим во всех этих и других вариантах выступает указание на связь активности с энергией и мобилизованностью. Отсюда часто синонимом активности выступают такие словосочетания,

ции по проблеме возрастания активности общественного сознания...- Курск, 1968. С. 81. Мордкович В.Г. Активность как философская категория // Материалы межвузовской научной конференции по проблеме возрастания активности общественного сознания...- Курск, 1968. С. 40

¹ Мордкович В.Г. Активность как философская категория // Материалы межвузовской научной конференции по проблеме возрастания активности общественного сознания...- Курск, 1968. С. 42

² Воробьев Ю.Л. Логико-семантический анализ понятия активности// Материалы межвузовской научной конференции по проблеме возрастания активности общественного сознания...- Курск, 1968. С. 14

³ Максимова Н.В. К вопросу об онтологическом и гносеологическом аспектах активности // Материалы межвузовской научной конференции по проблеме возрастания активности общественного сознания...- Курск, 1968. С. 83.

¹ Петровский А.В. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. С.3

² Алексеева Л.Ф. Психология активности личности. Новосибирск, 1996.

³ Даль В. Толковый словарь живого русского языка. М., 1955. Т. 1. С.9.

⁴ Толковый словарь русского языка/ Под ред. Д.Н.Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 24.

⁵ Словарь иностранных слов. М., 1954. С. 33.

⁶ Крупнов А.И. О методологических вопросах изучения проблемы активности в конкретных науках // Вопросы психофизиологии активности и саморегуляции личности. – Свердловск, 1975. С. 6.

⁷ Максимова Н.В. К вопросу об онтологическом и гносеологическом аспектах активности // Материалы межвузовской научной конферен-

как «умственная энергия» (*Ч. Спирмен*), «нервно-психическая энергия» (*А.Ф. Лазурский*). Понимаемая таким образом активность рассматривается как «генеральный фактор одаренности», важная «основа классификации личностей»¹ и т. п.

Не ставя своей задачей сравнение разных определений активности, употребляемых в психологии и психофизиологии, философии и истории, физиологии и биологии, где отмечаются разные подходы, а также функциональных нагрузок, придаваемых ей, важным представляется лишь вычленить те показатели и особенности ее, которые значимы для понимания активности в ее человеческом измерении.

В этом плане неадекватной представляется попытка сформулировать определение активности, объединив активность любого живого организма вообще и человека как индивида и личности. «Активность - это основное свойство и в то же время постоянное состояние любого живого организма, в том числе и человека, обеспечивающее жизнедеятельность организма, психики и сознания путем непрерывного изменения внутренних и внешних функций индивида в соответствии с ситуативной и личностной диспозициями»².

Такое смешение обусловлено тем, что, в принципе, недостаточно четко выработано определение активности на уровне его теоретического понятия. Существующие определения опираются, как правило, на объяснительный уровень, останавливаясь иногда на уровне термина, обобщающего признаки, свойства и т.п., но не раскрывающим реальную активность как особый феномен. Это исключительно важно подчеркнуть, так как существует, например, активное состояние, свойственное не только живому миру, но и неживой природе. В нем могут находиться вулканы, гейзеры и т. д.

Если обратиться к психологической литературе, то «понятием общей активности объединяется группа личностных качеств, обуславливающих внутреннюю потребность, тенденцию инди-

вида к эффективному освоению внешней действительности, внешнего мира. Такая потребность может реализовываться либо в умственном, либо в двигательном, либо в социальном... плане и в соответствии с этим может быть выделено несколько видов общей активности»¹.

В «Кратком психологическом словаре» термин «активность» обозначается как «всеобщая характеристика живых существ, их собственная динамика, как источник преобразования или поддержание ими жизненно значимых связей с окружающим миром, способность к самостоятельной силе реагирования... Она характеризуется в большой степени обусловленностью производимых действий, спецификой внутреннего состояния субъекта»².

Различаются активность личности — «активная жизненная позиция человека»³; «активность надситуативная» — «способность субъекта подниматься над уровнем требований ситуации, ставить цели, избыточные с точки зрения исходной задачи»⁴.

Кроме того, часто используются такие понятия, как активность социальная, трудовая, производственная, общественно-политическая, познавательная и другие, сочетаемые с терминами «активный студент», «активный производственник», «активный сотрудник», «активная личность», то есть понятия «активность», «активный» соотносятся с разными областями человеческой деятельности. Однако нередко бывает так, что один и тот же человек в одной сфере может проявлять активность, а в другой быть пассивным, или в одной быть более активным, чем в другой.

Естественно, различие подходов, неоднозначность терминов вызывает множество вопросов. При этом теоретическое понимание активности нередко подменяется характеристиками, вводимыми на основе ее эмпирических проявлений. Например, неко-

¹ Небылицын В.Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1975. С.251.

² Краткий психологический словарь / Под ред. А.В.Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1985. С. 10

³ Там же. С.11.

⁴ Там же. С. 11.

¹ Лейтес Н.С. Умственные способности и возраст. М., 1971. С.250-251.

² Алексеева Л.Ф. Проблема активности личности в психологии // Автореф. дисс. докт. психол. наук. Томск, 1997. С. 8.

торые авторы сводят активность к какой-либо черте поведения личности. Так, Л.Н. Жилина и Н.Т. Фролова замечают: равнодушие ко всему, что происходит вокруг... сказывающееся во всем поведении личности... это и есть активность. Другие пытаются решить эту проблему, поставив знак равенства между активностью и сознательностью личности.

Безусловно, активность характеризуется равнодушным отношением личности, так же, как и сознательность является предпосылкой человеческой активности, однако вряд ли их можно отождествлять.

В некоторых случаях общее определение активности подменяется перечислением отдельных видов, хотя, очевидно, что их совокупность не исчерпывает понятие активности в целом.

Довольно широко распространена точка зрения, согласно которой активность представляет собой определенную характеристику человеческой деятельности. В одних работах под активностью понимается максимальная деятельность (в связи с этим активная личность — это максимальная личность¹). В других работах активность определяется как мера деятельности (Е.Ф. Ануфриев), как активная творческая новаторская деятельность человека (Г.С. Ларина). Третьи связывают активность с понятием самостоятельности, понимая под этим свободную деятельность, внутренне необходимую человеку, группе людей (В.Х. Беленький, Е.Г. Комаров, П.Е. Кряжев).

Таким образом, термин «активность» имеет достаточно пространный неустойчивую содержательную характеристику; отмечается его размытость при отсутствии четкой выделенной сущности активности как особого явления. Между тем научно обоснованный подход к осмыслению понятия активности подготовлен в отечественной психологии идеями Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Д.Н. Узнадзе, Н.А. Бернштейна, работами К.А. Абульхановой, А.Г. Асмолова, А.В. Брушлинского, А.В. Петровского, В.А. Петровского и других исследователей, раскрывших важнейшие положения о культурно-

историческом опосредовании психических процессов, о деятельности, соотношении «внешнего» и «внутреннего» и др.

И в этом плане практически создано соответствующее пространство для научного поиска, проведения исследований. Совершенно очевидно, что изучение активности требует выявления ее специфической природы, определяющей уровни и формы ее проявления, создающих структурно-образующий ее каркас как особого явления. Но прежде всего представляется исключительно важным, как мы уже отмечали, провести четкую грань, отделяющую активность живого мира вообще от активности, свойственной социальному миру, активности человеческой, которые, имея общие основания, свойственные живому, обладают разной природой, разной сущностью, разными уровнями, возможностями, тенденциями функционирования и развития.

Специфика активности человека определяется не только его сознанием, особенностями психики, но наличием и действием той второй природы, которая творится им и в которой он творит.

Уже в процессе рождения человека происходит тот бифуркационный скачок, при котором появляется не только новый по своей природе носитель активности, но и новая природа самой активности, проявляемой в различных формах, видах, на разном уровне.

Человеческая активность — «это первооснова, творение человеком себя самого и предметного мира»¹.

«Жизнь любого человека, — по мысли Х. Хекхаузена, — представляет собой непрерывный поток активности. Этот поток включает не только разного рода действия или сообщения, но и переживания — психическую активность в виде восприятий, мыслей, чувств и представлений, проплывающих перед нашим внутренним взором в снах и грезах (Е. Клингер, 1971), до действий, произвольно осуществляемых по заранее намеченному плану»².

¹ Ковалев А.Г. Психология личности. М., 1970. С. 96.

¹ Арефьев Г.С. Социальная активность // Проблема субъекта и объекта в социальной практике и познании. — М., 1974. С. 16.

² Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. В. 2-х т. — М.: Педагогика, 1986. Т.1. —Т.2. С.12.

Активность, по мнению Н.С. Лейтеса, выступает «как фактор, характеризующий психические процессы и свойства личности»¹. При этом «под психической активностью — в самом общем виде — можно понимать меру взаимодействия субъекта с окружающей действительностью... как в форме внутренних процессов, так и... внешних проявлений»².

Источником внутренней активности личности («психической энергии», по З. Фрейду) являются осознаваемые мотивы (убеждения, стремления) и неосознаваемые мотивы (установки, стереотипы поведения, фрустрации). Они составляют ядро внутренней активности, но одновременно выступают причиной внешней ролевой социальной активности личности³.

При рассмотрении человеческой активности (во всем разнообразии ее понимания: как активность - деятельность, активность процессов жизнедеятельности, активность поведения, активность личности, активная жизненная позиция, психическая активность, активность общества и т. д.) называются, дифференцируются и анализируются самые разные уровни и типы ее: физиологический (*В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, И.М. Сеченов, А.А. Ухтомский* и др.), психофизиологический (*П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, М.В. Бодунов, Э.А. Голубева, А.И. Крупнов, А.Р. Лурия, В.Д. Небылицын*), психический (*М.Я. Басов, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, Н.С. Лейтес, В.Н. Мясищев, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе* и др.), социальный (*К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, Б.Ф. Ломов, Е.В. Шорохова* и др.), субъектный (*В.А. Петровский, В.И. Слободчиков, В.О. Татенко, В.Э. Чудновский* и др.).

Но в этих и других ее наименованиях содержатся разные смысловые нагрузки, при том что разделение - выделение их происходит без сохранения единой сущности, лежащей в основе понятия активность в ее человеческом измерении.

¹ Лейтес Н.С. О психофизиологических основах активности // Вопросы активности и саморегуляции личности. Свердловск, 1975. С. 14.

² Там же. С.15

³ Петровский А.В. К психологии активности личности // Вопросы психологии. 1975. № 3. С. 14

Между тем потребность в освоении понятия активности как гносеологического средства познания и раскрытия его онтологического содержания и сущностного смысла (как реального явления) в контексте решаемых задач в разных сферах знания становится все более актуальной, особенно в области психологии, в связи с главной целью и объективной необходимостью изучения особенностей личностного развития человека, его деятельных возможностей и путей расширения и углубления его активных субъектных позиций.

Специфической человеческой формой активности является деятельность. Но исчерпывает ли эта форма активности своеобразие человеческого отношения к миру? Известно, что существуют различные точки зрения и ответы на этот вопрос. И дискуссии о статусе деятельности, соотношении деятельности и поведения, деятельности и общения, деятельности и активности себя и продолжаются по сей день¹ <...>.

Активность человеческая, реализуемая в деятельности, выступает в качестве родовой сущности человека и несет на себе отпечаток социального² во всей сложности его содержания, которое проявляется в деятельности каждого конкретного человека

¹ Абрамова Н.Т. Сфера деятельности и уровень активности // Вопросы философии. 1970. № 9. Абульханова-Славская К.А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. Т.6. № 5. Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.-Воронеж: Изд-во ИПП, 1996. Брушлинский А.В. Проблема психологии субъекта. М., 1994. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. Петровский А.В., Петровский В.А. Личность и ее активность в свете идей А.Н.Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983. Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. Фельдштейн Д.И. Психология взросления. М.: Флинта, 1999.

² В данном случае «социальное — это всеобщая исходная и наиболее абстрактная характеристика субъекта и его психики в их общечеловеческих качествах» (Абульханова-Славская К.А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985.Т.6. № 5. С. 10), в отличие от социально-общественного (социальная практика, социальные отношения, социальное участие) (там же. С.9-10).

и реализуется в нем как социальная реальность. Это предполагает специальное рассмотрение общего - всеобщего активности и специфического частного в ее осуществлении индивидом во всей широте ее представленности как особого феномена и как реальности социального. И в этом плане деятельность как особая, специфическая форма отношения к миру представляется как способ жизнедеятельности человека и отличается такими особенностями реализуемой ею активности, которые позволяют говорить о том, что активность социального мира имеет особую природу. То есть человеческая активность (понимаемая как активность, свойственная социальному миру и реализуемая в деятельности), прежде чем анализироваться в конкретных формах (и в разных сферах) ее проявления, должна быть определена или заложена в качестве исходной как активность социальная.

Не останавливаясь здесь на обсуждении проблем соотношения деятельности и активности, отметим, что активность в ее особой человеческой (социальной) форме именно в деятельности приобретает свою специфическую природу в ее структуре, содержании, субстанциональной и функциональной сущности - во-первых.

Во-вторых, активность как свойственная живым существам характеристика, «их собственная динамика как источник преобразования или поддержания ими жизненно значимых связей с окружающим миром»¹ в социальном мире не только обеспечивает воспроизводство индивидов, но и особого мира — мира культуры и социокультурных отношений.

В-третьих, представляется чрезвычайно важным тот факт, что активность индивида (при любых формах и степени ее проявления в поведении индивида), ее рост, расширение, развитие всегда определяются особенностью социальной среды, в которой уже заключается особая субъектная активность общества, обеспечивающая особое пространство и особое содержание «собственной динамики индивида».

¹ Краткий психологический словарь/ Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского, 1985. С. 10

И, наконец, в-четвертых, активность в социальном мире многовариативна с открытыми границами ее преобразования, что приобретает важное значение как в осмыслении реальных ее проявлений, так и формировании исследовательских позиций.

Существуют, в частности, очень сложные зависимости степени, уровней и форм проявления активности, обусловленные исторической ситуацией, культурно-этническими характеристиками (например, кочевники и земледельцы имеют разные уровни, формы активности), индивидуальными особенностями, психологическими типами и что очень важно социокультурными характеристиками человеческого сообщества в целом¹.

Особенно сложная ситуация возникает в современных условиях, когда мы имеем многоплановые характеристики существования, проявления активности каждого индивида, которые определяются комплексом обстоятельств, более разнообразными и более сложноструктурированными в своем взаимодействии.

Прежде всего — это характеристики, обусловленные явлениями общего плана, связанные со всем человеческим сообществом. Так, проявления экологического кризиса определили активность всего человечества по отношению к решению этих проблем. Однако эта активность хоть и проявляется на уровне общечеловеческом, но включены в решение проблем отдельные организации и индивиды, а не все сообщество в целом, и не все государства, при явном инфантилизме многих людей, отдельных стран, народов.

Далее, глобальное значение, определяющее стимуляцию активности, имеет общеэкономический кризис, при наличии дифференцированных характеристик активности разных стран — развитых, слаборазвитых и пр. Активность их проявляется в разных вариантах, усиливаясь за счет активности социальной, политической. При этом отмечается разрыв активности общества и отдельных индивидов. Так, определенному представителю стран «третьего мира» не свойственна активность общественная,

¹ Сайко Э.В. Социализация и индивидуализация как исторически опосредованные механизмы формирования субъектов исторического действия // Мир психологии. 1998. № 1.

и в то же время здесь сформировалась ситуация, когда индивиды проявляют повышенную активность, касаемую их личных интересов, - это проявляется, в частности, при перемещении, миграции их в другие страны и пр.

В целом в настоящее время создалась ситуация (за счет появления общих задач у всего человечества, развития новых коммуникационных и технических средств общения, перемещения, Интернета и т.д.), *в которой формируется особая, сложная по структуре и особенностям сфера связей и отношений, важных не только для углубления, роста и расширения активности, но и формирования ее новых форм.*

Все вышесказанное свидетельствует о необходимости при определении активности не только раскрыть ее смысловую нагрузку через деятельность как особую форму ее, но и особо дополнительно фиксировать (несмотря на социальную сущность деятельности) всю социальную сферу, ее детерминирующую. Это актуализирует особую значимость определения активности и выработки понятия о ней.

Обычно в «психологии активность выступает в соотнесении с деятельностью, обнаруживаясь как динамическое условие ее становления, реализации и видоизменения», как «свойство ее собственного движения»¹.

Но свойства явления не есть явление. Самодвижение здесь есть свойство социальной активности (то есть активности социального как особой формы ее), в качестве которой выступает деятельность (как особая форма активности, то есть социальная активность) и которая обнаруживается как особое свойство «собственной движения» деятельности (то есть особой формы активности). Но здесь она обнаруживается лишь в сочетании с той сущностью, с которой она сон падает и которая присуща только социальному - целенаправленной деятельности. Далее активность выступает динамическим условием становления деятельности именно в качестве свойства собственного движения.

¹ Красов А.В. Пневмокатарсис как средство повышения активности // Психология и педагогика активности личности. Новосибирск, 1992. С.10.

Одним словом, активность социального, выступая особой формой активности, обладая особым свойством самодвижения, реализует какие-то особые, свойственные только такой активности явления, обеспечивающие эти свойства.

То есть в самой активности — деятельности как активности особого рода, или особой формы активности — содержатся элементы, обеспечивающие ее новую природу, когда сама активность поднимается на новый уровень ее эволюции как особого свойства природы, мира. И в этой активности уже как ее собственные свойства содержатся моменты, «возвышающие» человеческую деятельность (то есть особую форму активности - активности социальной) «над функцией прямой или косвенной адаптации» к требованиям наличествующей ситуации.

И поскольку деятельность выступает как активность социального, именно в деятельности заключены эти моменты, причем не только в ее функциях и содержании, но в ее сущности.

Функция адаптации как бы дополняется над ней функцией преобразования и перехода к новому, то есть самодвижению. Функция эта обуславливается наличием моментов, составляющих как бы «внутреннюю предпосылку самодвижения деятельности», то есть «активности активности».

Существуют разные «срезы» исследований (по соответствующим параметрам) и объяснения активности, в том числе, например, состава — содержания активности, включающей активность как адаптацию к ситуации и как преобразование ситуации, а также и другие степени активности. Например, возможность выхода за пределы ситуации, возможность движения.

Обращаясь к определениям, даваемым в научных словарях, мы исходим из того, что в этих словарях находит отражение наиболее общая трактовка того или иного определения.

Представляется, что при такой постановке возникает необходимость и возможность ставить вопрос о поиске своего рода особого генома активности деятельности как формы активности и поэтому, может, даже не деления деятельности и активности, а углублении в структурно-содержательные и субстанциональные характеристики (с четкой ориентацией) деятельности

именно как особой активности и выявлении всех конструкт последней в таком особом ее качестве, как деятельность.

В этом плане особый интерес приобретает надситуативная активность, определяемая А.В. Петровским и В.А. Петровским в качестве движущего момента деятельности: «В актах выхода субъекта за рамки ситуации через преодоление обусловленных ею ограничений, иначе говоря в явлениях надситуативной активности, с отчетливостью выступает момент движения деятельности, то есть то, что мы обозначаем как собственно активность субъекта»¹.

Здесь речь идет о надситуативной активности, в которой преодолевается ситуация за счет повышения активности субъекта, обеспечивающей «выход за пределы ситуации».

Но поскольку деятельность представляет особую форму активности вообще, — но активности, реализуемой субъектом, то момент движения может в соответствующей степени проявляться в деятельности субъекта и на другом уровне, и в другой форме. Природа активности социального, выраженной в деятельности субъекта, в значительной степени определяется субъектностью. Именно в процессе реализации субъектности в деятельности кроется механизм ее особого проявления и развития как активного социального и социального как деятельного.

В этой связи надситуативная активность как явление, в котором с отчетливостью выступает «момент движения деятельности», безусловно, должна стать предметом особого внимания.

В числе характеристических моментов актов надситуативной активности называются, в частности, следующие: «Во-первых, они избыточны по отношению к ситуативным заданиям и требованиям... Во-вторых, они избыточны также и относительно тех внутренних мотивов, актуализация которых обусловлена самим содержанием ситуативно заданных требований ... В-третьих, это такие действия, когда субъект преодолевает ситуативные ограничения на пути движения деятельности, то есть, иными словами, преодолева-

¹ Петровский А.В., Петровский В.А. Личность и ее активность в свете идей А.Н. Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983. С.231-232.

ет установки, сложившиеся в деятельности, и адаптивные побуждения, обусловленные ситуацией»¹.

«Исходным для нас, - пишет В.А. Петровский, - является представление об активности как движении, характеризующим деятельность и неотделимым от нее. При этом активным может быть назван не всякий процесс, объективно представленный в деятельности, а лишь такой, само существование которого находится в прямой зависимости от субъекта... Активность, следовательно, может быть определена как совокупность *обусловленных индивидом моментов движения деятельности*»².

«Нет деятельности вне активности и активности вне деятельности», - подчеркивает В.А. Петровский. И это первая и важнейшая характеристика активности, которую, как представляется, важно осмыслить особо в качестве разделяющей — ограничивающей определенность активности социальной, активности человека.

И другой момент, чрезвычайно важный. Это введение в определение активности индивида совокупности «обусловленных индивидом» (подчеркнуто мной - В.Х.) моментов движения деятельности». Отсюда активность предстает «как присущая субъекту самостоятельная форма движения, воспроизводящая и расширяющая его способность к деятельности в предметной среде»³.

Это такой подход к активности, который «во главу угла ставит, говоря словами А.Г. Асмолова, идею о самодвижении деятельности, об активности субъекта как необходимом внутреннем моменте его саморазвития»⁴.

Введение субъекта в характеристику активности - это и есть то главное, на что важно ориентироваться в понимании ее как особого явления, явления, не имеющего места в биологическом мире.

¹ Там же. С. 232

² Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1996. С.15.

³ Петровский В.А. Психология неадаптивной активности / Российский открытый университет. М.: ТОО «Горбунок», 1992. С. 299.

⁴ Асмолов А.Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. М.-Воронеж: Изд-во ИПП, 1996. С. 40.

Вместе с тем при глубинных исследованиях активности нельзя не заметить отсутствия устанавливаемой по разным основаниям структурной организации *пространства активности*.

Активность — это не кратковременный акт проявления, выражения личности, ее позиции. Активность — это постоянное разрешение субъектом проблем его жизнедеятельности, даже при отсутствии выраженных форм действия, поведения. Для того чтобы углубленно рассматривать активность, необходимо структурировать пространство ее движения, хотя бы по степени проявления последней, вплоть до зашкаливания в пассивности.

Пространство активность — пассивность существует как поле борьбы мотивов, выбора форм действий, утверждения принципов и т. д., где пассивность занимает важное место в выработке позиции субъекта. Между тем пассивность как отсутствие видимого проявления активности, или малая активность, не определена достаточно выражено не только специально в единой позиции - оппозиции, но и (несмотря на известные исследования разных аспектов ее) в таком предназначенном для четкого формулирования понятий издании, как «Психологический словарь» в качестве особого психологического феномена.

Реально наличествующая позиция — оппозиция активность/пассивность представляет собой сложноструктурированное состояние, присущее в разных формах каждому индивиду. Поэтому, например, соответствующая оценка индивида как активного предполагает ранжированную дифференцированную характеристику не просто и не только в целом, а реально, в совершенно конкретном пространстве активность - пассивность как особого среза проявления активности в качестве родовой сущностной характеристики человека, поскольку определение активный либо пассивный индивид хотя и несет важную характеристическую нагрузку, не отражает всю действительную сложность реализации активности субъекта как носителя активности социальной. Поэтому важно различать и более глубоко разделять разные типы, уровни и формы проявления активности, в частности, выделять такие варианты в ее целостном проявлении, как активность намерения, активность целей и действий, выявлять степень реализации компонентов струк-

турно-содержательной представленности деятельности именно как активности.

Итак, активность это основное свойство и состояние живого организма, в том числе и человека, обеспечивающее его жизнедеятельность.

Естественно, она свойство психики и сознания. Однако именно изменение внутренних и внешних функций индивида в соответствии с ситуативной и личностной диспозициями разрывают активность живого организма вообще и человека как существа социального, в частности, и речь уже идет не об обеспечении жизнедеятельности организма, а об обеспечении жизнедеятельности человека как субъекта, обладающего сознанием, целеполагавшем и другими свойствами, обеспечивающими новый эволюционный уровень (см. Э.В. Сайко¹) активности не только живого, но живого социального, проявляющегося в разных типах, видах, формах. Причем не только таких общепринятых, как деятельность, общение и познание. Формами активности называют рефлексию и поведение (В.И. Секун), ценностно-ориентационную, преобразовательную или творческую, коммуникативную, художественную (М.С. Каган), практическую, когнитивную (А.А. Грачев), информационно-коммуникативную, побудительную (Г.М. Андреева, Л.А. Карпенко, Б.Ф. Ломов) деятельности.

По мнению Д.Н. Узнадзе, формы активности образуют определенную иерархию: активность индивида — общение, потребление, удовлетворение любознательности, игра; активность субъекта - удовлетворение эстетических потребностей, развлечения, уход за другими и за собой, выполнение общественных требований; активность личности — художественное творчество, спорт умственный и физический, обслуживающий труд, общественная деятельность².

¹ Сайко Э.В. Субъект действия и реализация «сознательного существования бытия» и формирование исторического содержания социальной эволюции // Субъект действия, взаимодействия, познания. М., 2000.

² Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — Тбилиси, 1961. С.311.

А.В. Брушлинский все вышеназванные формы называет видами активности, дополняя их созерцанием¹.

Кроме того, в современной психологической литературе активность человека подразделяется на произвольную и непроизвольную формы ее проявления. Так, в исследованиях К.А. Абульхановой-Славской выделены типы активности, различающиеся по признакам: устойчивость-неустойчивость, уверенность-неуверенность, преобладание либо сочетание инициативы и ответственности².

В то же время в гораздо меньшей степени уделяется внимание активности как явлению человеческому, социальному. То есть тому моменту, который является ограничивающим, главным фактором в характеристике активности социального мира, где она выступает в совершенно новом качестве, и поэтому все ее характеристики, типы, виды могут и должны даваться на основании и исходя из той особой сущности, которую приобретает активность, «входя» в сферу социального.

И только раскрытие сущности, особенностей и формирование теоретического понятия активности на этом уровне, как представляется, позволит наиболее целесообразно и четко построить иерархию всех типов и форм, уровней проявления активности человека, ее развития.

Поэтому когда мы говорим об активности человеческой, социальной, то уже с самого начала мы должны четко отделять ее характеристики от других форм активности, при глубоком понимании, разумеется, биологических, природных характеристик человека.

Витальные потребности, инстинкты, влечения, ощущения и другие характеристики, известные для биологического уровня, здесь уже на самом раннем этапе развития ребенка приобретают принципиально другой смысл. Исходным при этом является тот факт, что уже новорожденный человек рождается как человек,

как существо социального, а не животного мира. Он с самого начала принадлежит миру социальному (см. работы *А.В. Брушлинского* *Д.И. Фельдштейна*, и др.).

Рождается человек, который в социальной среде приобретает свои человеческие свойства и качества. Но он рождается уже с задатками, потенциями, которые содержатся в человеческом геноме.

Когда мы говорим о человеке, об индивиде, о субъекте, то в качестве определяющих выступает сознание, целеполагание, возможность проектирования, предвидения будущего — все то, что фиксирует наличие позиции по отношению к миру, к другим людям и к себе.

Причем уровень развития этих качеств, свойств, возможностей изменяется, развивается как в онтогенезе, так и в филогенезе. Но весь смысл заключается в том, что в филогенезе развивается то, что было приобретено в ходе антропогенеза. Одной из структурообразующих антропогенеза является субъектность, и поэтому нельзя путать становление субъекта в процессе онтогенеза и разные уровни развития психической активности с субъектностью как принадлежностью к человеческому роду.

В этом плане субъектность, в принципе, выступает важнейшей характеристикой активности представителя человеческого рода. В то же время само развитие субъектности связано с развитием состояния активности - содержания, уровней, иерархии в филогенезе.

Структура активности человека с самого начала другая, чем у животного.

Известно, что, как отмечалось выше, структура активности часто сопоставляется с деятельностью. В то же время выделяются разные формы активности в деятельности, общении, познании.

Таким образом, активность как бы надстраивается над всем этим. Но эта активность не есть уже та активность, с которой мы имеем дело в биологическом мире. И она не может просто надстраиваться без изменения своих сущностных характеристик. Она совершенно другой природы.

¹ Брушлинский А.В. Психология субъекта. Некоторые итоги и перспективы // Известия Российской Академии образования. М., 1999.

² Абульханова-Славская К.А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. Т. 6. № 5. С. 41

Именно поэтому представляется важным и необходимым формирование особого метапонятия, отображающего новый уровень активности, который выражает деятельность, общение, познание и всю совокупность структурообразующих их характеристик.

В качестве такого метаопределения, очевидно, используется и деятельность в широком ее понимании, включая содержание, функционирование и субстанциональную сущность понятия, которое должно служить основанием для развития деятельности, общения, познания и их определения на онтологическом и гносеологическом уровнях.

Так структурно-содержательная часть - цель, мотив, действие — проходит через деятельность, общение, познание, а субстанционально они заключают то противоречие, которое и позволяет осуществляться, реализоваться активности в процессе филогенеза и онтогенеза на всех уровнях — физиологическом, психофизиологическом, психическом, социальном, субъектном и др.

Главным определяющим составным моментом, элементом, носителем активности является субъектная позиция, субъектное отношение.

И практически позиция субъектной характеристики психической активности достаточно полно раскрыта В.А. Петровским. Но это рассмотрение на животном уровне до грани социального, человеческого. В.А. Петровский показал, что действительно в процессе онтогенеза субъектная составляющая является важной образующей индивидуального и личностного развития.

Однако субъектная составляющая является не только приобретением онтогенеза, а и постоянным образующим фактором развития общества и поэтому социальной среды для формирования любого индивида как субъекта.

При этом субъектная характеристика активности в вышеприведенном понимании одновременно превращает ее в важнейшую характеристику в определении самого субъекта.

Прежде всего, деятельностная сущность субъекта заключает в себе возможность самодвижения в будущее — «Деятельности субъекта свойственна особая логика движения, заключающаяся

в том, что субъект как бы выходит за рамки исходной ситуации развертывания деятельности... Понятие «надситуативная» активность, без введения которого невозможно понимание движения деятельности как ее саморазвития, и фиксирует факт существования таких тенденций, в которых субъект возвышается над ситуацией, преодолевая ситуативные ограничения на пути движения деятельности»¹.

Именно в соотношении с надситуативной активностью (как динамичной составной) реализуются такие определяющие моменты соотношения активности и деятельности, как целеобразование, возникновение психического образа, «присвоение психологических орудий». Поэтому субъект как надситуативно действующее существо уже заключает в себе определение - целеобразование действующего, социального, проектирующего.

В принципе, все существующие характеристики активности, ее дифференцированные показатели, выявляемые и разрабатываемые в психологической сфере по отношению к человеку, становятся составными, определяющими субъекта.

Формы, виды, типы, уровни активности (хотя еще и не всегда достаточно четко разделяемые и вычленяемые), выделяемые исследователями, образуют достаточно широкое сложноорганизованное, сложносодержательное пространство, в координатах которого многогранно определяется субъект-субъект как носитель активности.

В настоящее время достаточно трудно выделить все формы активности, в том числе в силу отсутствия общепринятых норм классификации и четкости признаков типологизации ее. Не секрет, что даже при рассмотрении деятельности как активности недостаточно полно обосновываются классификационные основания. Так, например, выделенные М.С. Каганом формы деятельности, — преобразовательная, познавательная, ценностно-ориентационная, коммуникативная и т. д. — выявляются как формы активности, что само по себе не противоречит их содержательной сущности, но при единых основаниях их разделения

¹ Петровский В.А. Психология неадаптивной активности / Российский открытый университет. – М.: ТОО «Горбунок», 1992. С. 64-65.

общение, например, выступает как самостоятельная и специфическая форма активности субъекта¹.

Но в таком случае следующий уровень форм активности составляют познавательная, практическая, творческая, художественная деятельности.

Естественно, в условиях недостаточно четкой отработки понятийного аппарата и недостаточной понятности всей сложности взаимосвязей деятельности и активности решение классификационных задач — дело будущего.

В данном случае важно лишь отметить, что если деятельность-активность — это основное свойство субъекта, то такие подчиненные, образующие их формы и виды их проявления и «сортировки» выступают при соответствующих обстоятельствах действительными характеристиками субъекта, углубляя и расширяя знание его на другом уровне.

Так, познавательная активность характеризует только рассудочное интеллектуальное человеческое существо, но субъектно (преобразующее, направленно действующее) действенное.

В еще большей степени выделение творческой активности (полагающей формирование образа будущего) является определяющим моментом субъекта. И исследование психологической структуры, динамики и развития познавательной активности² является одним из путей определения-объединения субъекта, поскольку раскрывает свойственные только ему особенности движения.

Специальный анализ форм проявления активности на вышеотмеченном уровне может стать условием раскрытия совершенно нового мира субъекта, так как «активность — такой способ самовыражения, при котором обеспечивается целостность, сохраняется автономность личности или достигается ее субъект-

ность (подчеркнуто нами. - В.Х.)»¹. Именно поэтому субъект предполагает в своем определении интегральную характеристику — самоопределения, самопознания, самосознания, самовыражения индивида в их особой взаимообусловленности и целостности, заключающей его субъектную сущность.

А активность выступает как системное свойство субъекта², обеспечивающее реальное пространственно-временное его движение, становление, динамику, развитие и воспроизводство. Активность определяет субъекта в главных ее характеристиках. «Личность тем значительней, чем полнее и шире представлена в ней — в ее делах, в ее словах, в поступках — коллективно-всеобщая, а вовсе не сугубо индивидуальная ее неповторимость», — отмечал Э.В. Ильенков³.

При этом главным здесь выступает субъектная ее представленность в коллективно-всеобщем как активная, деятельностная сущность человека.

Отсюда возникает необходимость и потребность построения сложной иерархии дифференцированного определения активности в той развернутой форме, которая позволяет охватить все уровни и формы ее проявления, включая и те важные, обеспечивающие каркас и структурно-образующие функции приводимых определений элементы.

При этом представляется важным обратить внимание на некоторые достаточно скрытые, специфические формы активности, связанные с поведением и отношением людей, которые являются значимыми в поиске характеристик активности как особого социокультурного феномена и в раскрытии всей иерархии и сложной структуры этого свойства человека как свойства специфически социального.

¹ Каган М.С. Человеческая деятельность. М.: Политиздат, 1974. С. 248.

² Лисина М.И. Развитие познавательной активности детей в ходе общения со взрослыми и сверстниками // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 5-17.

¹ Абульханова-Славская К.А. Типология активности личности // Психологический журнал. 1985. Т.6. № 5. С. 46.

² Там же. С.18.

³ Ильенков Э.В. Что же такое личность? // С чего начинается личность. М., 1979.

И.Г. Дубов

Содержание категории «активность» в отечественной психологии¹

В последнее время в общественно-политическом пространстве России все громче раздаются призывы наращивать темпы развития страны. <...>

Однако ожидаемая модернизация не может успешно осуществиться исключительно по указанию властных структур. Необходимым условием этого является индивидуальная активность десятков тысяч людей, у которых есть не только возможность, но и желание менять свою жизнь, людей, представляющих все слои населения и способных своим движением и своим примером увлечь за собой всю страну. В этой связи главным фактором обеспечения масштабной модернизации является не только наличие миллионов людей, разделяющих цели и задачи заявленного Президентом курса, но их высокая активность, обеспечивающая эффективную деятельность на пути к достижению поставленных целей.

Подобная постановка вопроса обуславливает необходимость проведения масштабных научных исследований, посвященных энергетическому и инновационному потенциалу населения, тому национальному ресурсу, на который может опереться руководство страны для решения стоящих перед страной задач. И одним из основных направлений таких исследований должны были бы стать исследования человеческой активности, причем не только механизмов возникновения индивидуальной активности, но и уровня активности, характеризующего различные социально-демографические группы населения и общество в целом.

Большая роль в развитии подобных исследований принадлежит психологии, для которой изучение активности личности является не просто одним из приоритетных направлений, а, по сути, важнейшим смыслообразующим фактором, обеспечиваю-

щим ее существование и развитие. Указанные исследования ведутся психологами уже давно – с самого зарождения психологии как науки. В ходе этих исследований психологами накоплен огромный материал, являющийся серьезной базой для решения как фундаментальных, так и прикладных задач. Однако до сих пор проводимые в этой сфере исследования не достигли должного масштаба, особенно необходимого на нынешнем этапе развития страны. И одной из причин такого положения дел является несовершенство существующего для исследований активности инструментария, а также применяемого понятийного аппарата.

Давно получившее права гражданства в психологической науке понятие «активность» имеет не то чтобы нелегкую, а прямо сказать, незавидную судьбу. Вкладываемые в данное понятие смыслы настолько разнообразны, что зачастую вступают в очевидное противоречие между собой. Чтобы лучше оценить масштабы явления, следует обратиться к монографии В.Л. Хайкина, целиком посвященной теоретическим проблемам активности¹. Мучительное стремление определиться с тем, что такое активность – то ли свойство деятельности, то ли ее условие, то ли сама деятельность, - и невозможность выбрать одну из указанных парадигм как единственно возможную приводят автора к необходимости эклектичного, а не аналитического изложения материала, утрате смыслового стержня, на который могло бы «нанализываться» содержание монографии.

Для более точного понимания и системного изложения коллизий, сложившихся вокруг этой важнейшей для психологии категории, необходимо рассмотреть этимологию данного понятия.

Слово «активность» пришло к нам из английского языка («*activity*»), а туда, в свою очередь, из латыни («*actio*»). В обоих языках это слово означало «деятельность». Для того чтобы лучше понять англоязычную семантику данного термина, представ-

¹ Дубов И.Г. Содержание категории «активность» в отечественной психологии// Социальная психология и общество, № 1, 2010. С. 40-59. Статья печатается с сокращениями

¹ Хайкин В. Л. Активность (характеристики и развитие). М.; Воронеж, 2000.

ляется целесообразным обратиться к словарю Вебстера¹ и рассмотреть отраженные в словаре значения этого и близких ему понятий.

Act (сущ. *действие* или глаг. *действовать*) – 1) нечто сделанное, делаемое, дело, исполнение; 2) процесс делания; 3) формальное приказание, закон, правило и пр.; 4) документ, подтверждающий какое-либо действие или операцию.

Action (сущ. *действие, деятельность, поступок, деяние*) – 1) действие, процесс или существование делания, делательное существование; 2) нечто сделанное или исполненное, дело, исполнение; 3) сознательное или волевое действие, которое может быть охарактеризовано как физическая или ментальная деятельность; 4) обычное действие, поведение, образ действий.

Active (прилаг. *действующий, деятельный, активный*) – 1) участвующий в действии, которое может быть охарактеризовано энергичной работой, участием и т.п., занятость; 2) находящийся в состоянии существования, развития, движения; 3) включивший физические усилия и действия; 4) обладающий силой быстрого движения.

Activity (сущ. *деятельность*) – состояние или качество пребывания в действии; 2) конкретный поступок, действие или сфера деятельности; 3) работа; 4) энергичная деятельность, воодушевление, оживление.

Приводимые словарные статьи ограничены четырьмя первыми (т.е. главными) дефинициями. Их вполне достаточно, чтобы увидеть, что основное значение данного понятия сводится к самому моменту действия. Энергичность же как обязательная характеристика данного действия существует на периферии семантической сферы ведущих значений, составляющих данное понятие. Она наличествует в его содержании, но лишь как своеобразная антитеза понятию пассивность (*passivity*), которое словарь Вебстера определяет как состояние или как условие пассивного бытия. Ключевым для понимания данного понятия яв-

ляется прилагательное пассивный (*passive*), которое определяется в словаре следующим образом: 1) не реагирующий заметным образом на то, что ожидаемо должно продуцировать какие-либо проявления эмоций; 2) не участвующий с готовностью, бездейственный (например, «пассивный член комитета»); 3) не проявляющий видимой реакции или деятельного участия (например, «играющий пассивную роль»); 4) инертный или спокойный, неподвижный.

Таким образом, из всех приведенных выше определений становится понятным, что слово *activity* в английском языке, являясь антонимом слова *passivity*, характеризует нечто, противоположное бездействию, выводящее организм из состояния покоя. Это действие не имеет содержательного значения (для этого есть слово *behavior*), оно имеет, прежде всего, энергетическую окраску, но сама энергетика, заложенная в данное понятие, не обязательно должна быть высокой – достаточно, чтобы производимое действие отличалось от абсолютного нуля.

В русский язык слово «активность» вошло достаточно давно. Оно упоминалось уже в словаре Даля, где «активный» определяется как «деятельный, действующий, жизненный, живой, не мертвый». Однако только в середине прошлого века понятие «активность» стало приобретать вид научной дефиниции. И главная заслуга во введении слова «активность» в широкий психологический обиход принадлежит Н.А. Бернштейну, создателю нового направления в науке – физиологии активности.

Отстаивая точку зрения, согласно которой поведение человека, и шире – любого живого организма, детерминруется не только внешними стимулами, сколько внутренними интенциями, связанными со стремлением достичь образа потребного будущего, Н.А. Берштейн использовал понятие «активность» как антоним «реактивности», обозначавшей реакцию организма на раздражители внешней среды. В целом научная парадигма, заявленная Н.А. Берштейном, являясь антитезой павловского детерминизма, заменила причинное объяснение жизнедеятельности целевым.

¹ Random House Webster's Unabridged Dictionary. 2nd ed. Random House Inc., N. Y., 1999.

Следует специально подчеркнуть, что активность, в понимании Н.А. Бернштейна, практически лишена энергетической составляющей. Речь идет исключительно о постулировании и доказательстве определяющей роли внутренней программы в актах жизнедеятельности организма. В этой парадигме на первый план выходит информационный, содержательный аспект. В зависимости от уровня организации различных актов жизнедеятельности организма лежащая в основе указанной программы информация имеет различную степень сложности и различную степень осознанности. Именно наличие этой информации, задающей образ результата действия или образ потребного будущего, и является основой построения деятельности в том виде, в котором данная категория разрабатывалась Н.А. Бернштейном.

Безусловно, любая деятельность осуществляется посредством энергетических затрат, являющихся следствием выхода организма из состояния покоя. Однако энергетические затраты не отражают сущность описываемых процессов, и их величина не является ключевым индикатором для понимания активности в том значении, которое придавал ей Н.А. Бернштейн: «Уточняя для дальнейшего нашу терминологию, скажем, что цель, понимаемая как закодированная в мозгу модель потребного организму будущего, обуславливает процессы, которые следует объединить в понятии целеустремленности. Последняя включает в себя всю мотивацию борьбы организма за достижение такой цели и ведет к развитию и закреплению целесообразных механизмов ее реализации. А вся динамика *целеустремленной борьбы* (выделено мною. – И.Д.) посредством целесообразных механизмов есть комплекс, который правильнее всего объединить под термином «активность»¹.

Приведенная цитата свидетельствует, что Н.А. Бернштейн, безусловно, не упускал из виду тот факт, что целенаправленная деятельность организма практически всегда подразумевает преодоление сопротивления среды, связанное с энергозатратами. Однако содержание всех его работ ясно показывает, что указан-

ные энергозатраты, являясь необходимой составляющей «активности» не были для него смысловой сердцевинной данного понятия. Активность, по Н.А. Бернштейну, это, прежде всего реализация модели потребного будущего, что означает выход на первое место информационного аспекта понятия. В определении активности как динамики целеустремленной борьбы ключевым для Н.А. Бернштейна словом является слово «целеустремленной», а слово «борьбы» носит вспомогательный характер.

Между тем предложенный подход не свободен от недостатков. В узком смысле (несмотря на то что понятие характеризовало самый широкий круг явлений) термин «активность» как противопоставление «реактивности» выполнял свою задачу. Однако как только его гносеологическое употребление сменилось онтологическим использованием, стали видны «врожденные» семантические пороки применения понятия с упором на информационный аспект его содержания.

Дело в том, что ко времени, когда работы Н.А. Бернштейна стали приобретать широкую известность, в советской науке уже существовало понятие «деятельность», во многом перекрывавшее семантику англоязычного *activity*. Если бы такого понятия не было, то слово «активность», имея семантическим ядром «бернштейновские интенции», окрашенное необходимыми для их реализации энергозатратами, вполне могло бы укрепиться в том же значении, какое оно имеет в английском языке. Однако история развития науки распорядилась иначе.

Справедливости ради следует отметить, что в 40-е гг. XX в., еще до того, как понятие «активность» было маркировано Н.А. Бернштейном по-своему, в отечественной психологии имела место еще одна попытка вытеснить «деятельность» «активностью». Она основывалась на том, что содержание категории «деятельность» в таком виде, в котором эта категория использовалась в 30-е гг., сводилось к простому действию, т.е. характеризовало только часть деятельностного процесса – исходившего из индивида вовне. Именно тогда С.Л. Рубинштейн и попытался, сохранив за «деятельностью» низший уровень содержания, внести в научный обиход понятие «активность» в ка-

¹ Бернштейн Н. А. Избранные труды по биомеханике и кибернетике. М., 2001. С.288-289.

честве характеристики более высоких уровней процесса, например, мышления¹.

Однако эта попытка, способная привести к серьезной редукции понятия «деятельность» и закреплению за ним исключительно операторного воздействия человека на среду, не оказалась удачной. В результате понятие «деятельность» было успешно освоено и глубоко проработано А.Н. Леонтьевым, придавшим ему тот богатый смысл, в котором оно используется до сих пор².

Вместе с тем, понятие «активность» также сохранилось в научном обиходе, однако при этом проблема определения соотношения деятельности и активности осталась нерешенной – изменилось лишь наполнение этих понятий значениями. В результате понятие «активность» вследствие стоящей перед исследователями задачи поиска различий между ним и деятельностью стало вынуждено смещаться в сторону от своего английского «прародителя». Не будучи способным заменить собой «деятельность», понятие «активность» стало чаще использоваться в узком смысле, причем этот узкий смысл сводился либо к сугубо информационной, либо исключительно к энергетической стороне понятия. Конечно, наряду с этим не прекращались и попытки объединить в понятии оба смысла, одновременно отыскивая для этого слова самостоятельную, четко отделяющую его от «деятельности» нишу. Однако попытки эти нельзя признать эффективными.

Даже самое лучшее русскоязычное определение активности, принадлежащее В.А. Петровскому, который писал, что «в соотношении с деятельностью активность субъекта определяется как динамическое условие ее становления, реализации и видоизменения, как свойство ее собственного движения»³, не может быть в силу указанных обстоятельств строго дословно переведено на английский язык. Ведь если еще учесть, что «динамика» (dynamic), со-

гласно словарю Вебстера, - это характеризующееся энергией или эффективностью действие; энергично действующий или «силовой», то определение в переводе должно прозвучать следующим образом: «деятельность определяется как характеризующееся энергией условие становления деятельности». Если же, наоборот, придать термину «активность» его сложившийся в русском языке смысл, то получится, что «энергичная деятельность является энергичным условием становления деятельности» или, в соответствии с цитируемой словарной статьей из «Психологического словаря», деятельное состояние организма является энергетическим условием становления деятельности». Подобная тавтология является не оправданной и требует дальнейшего уточнения содержания понятия «активность».

Желание различных авторов остаться при использовании слова «активность» в англоязычной парадигме и рассматривать активность как альтер эго, декалькомании или ипостась деятельности в конечном счете реализовывалось как стремление описать «себя через образ себя». Так, например, в уже упоминавшемся «Психологическом словаре» «деятельность» определяется как «целенаправленная активность, реализующая потребности субъекта»¹, а в работе В.Н. Кругликова «под активностью подразумевается любая обусловленная, мотивированная, направленная к достижению определенной цели и определяемая внутренними отношением к ней деятельность субъекта»².

Иными словами, тогда как одни авторы полагают деятельность целенаправленной активностью, другие считают, что активность – это целенаправленная деятельность. Выявленное противоречие носит очевидно конвенциональный характер и сводится к проблеме: какое понятие считать видовым, а какое родовым. Однако подобный спор следует признать схоластическим, поскольку любое принятое на этот счет решение не устра-

¹ Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1976. С.98-99

² Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.

³ Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Ростов н/Д, 1998. С. 12

¹ Краткий психологический словарь / Под ред. А. В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов н/Д, 1998. С. 90

² Кругликов В. Н. Активное обучение в техническом вузе: теория, технология, практика. СПб., 1999. С. 39

няет проблемы синонимии двух терминов, при которой один из них оказывается лишним.

В свою очередь, использование «активности» в «информационной», или, иначе, в содержательной «парадигме» широко распространилось в отечественной социальной психологии, неоправданно деформировав категориальный аппарат данной науки. Понимание активности как деятельности по реализации установки на достижение образа потребного будущего, а установки как «состояния готовности к определенной активности» (Узнадзе) привело к тому, что в социальной психологии под активностью стал пониматься широкий круг содержательных феноменов, связанных с мотивацией поведения индивида.

Именно так, например, считает К.А. Абульханова-Славская: «... большинство существующих в социальной психологии типологий представляют собой классификацию отдельных форм активности: установок, поведения, сознания и т.д.»¹. В той же парадигме одной из форм активности является, по ее мнению, и направленность личности².

Такое ничем не оправданное расширение понятия, когда активность понимается как «наше все», «накрывая» собой и направленность, и установки, и поведение, и даже сознание в целом, приводит, помимо прочего, и к редуцированию деятельности, приданию деятельности вспомогательных по отношению к активности функций.

«Активность личности – это единство отражения, выражения и реализации внешних и внутренних тенденций в жизни личности. Активность – ценностный способ моделирования, структурирования и осуществления личностью деятельности, общения и поведения, при котором она приобретает качество более-менее автономно, более-менее целостно и более-менее успешно функционирующей системы в межличностном про-

¹ Абульханова-Славская К. А. Типология активности личности в социальной психологии // Психология личности и образ жизни / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1987. С. 10.

² Абульханова-Славская К. А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал. 1983. Т. 4. № 1. С. 18-19.

странстве. Активность выступает как способ оформления потребности в мотивационной сфере личности, как способ репрезентации этой потребности в мире, как своеобразная «заявка» на ее удовлетворение; активность в свою очередь, выявляет условия потребностей, т.е. осуществляет ориентацию в мире под ее углом зрения и только затем осуществляет ее удовлетворение, т.е. оформляет соответствующую деятельность»¹.

В этом определении именно активность «руководит» деятельностью, оформляет ее, придает деятельности смысл. Представителям данного подхода, возможно, казалось, что им удалось удачно развести «активность» и «деятельность», оставив за «деятельностью» поле общей психологии и сделав «активность» ключевым понятием психологии социальной. Однако деятельность здесь выступает как бессодержательное начало, наполняемое содержанием исключительно благодаря активности, что совершенно не соответствует тем представлениям о деятельности, которые вкладывали в это понятие разработчики данной категории. Деятельность изначально активна по определению, не бывает пассивной или «неактивной» деятельности, при этом мотивы и цели деятельности неразрывно связаны с деятельностью, которой без них просто не существует (иначе это не деятельность), и вовсе не нуждающуюся в специальном оформлении с помощью активности.

Между тем, при указанной постановке вопроса лишается смысла и само понятие активности. По сути, идея о том, что активность – это установки, направленность, сознание, поведение и даже ценности, формально не противоречит представлениям Н.А. Бернштейна об активности как о «динамике целеустремленной борьбы» за достижение образа желаемого будущего, и вместе с тем, в них заложена интенциональная составляющая, позволяющая говорить о стремлении к цели и о ее достижении. Однако раскрытие понятия «активность» как собирательного по отношению к установкам, направленности, поведению, созна-

¹ Абульханова-Славская К. А. Типология активности личности в социальной психологии // Психология личности и образ жизни / Под ред. Е.В. Шороховой. М., 1987. С. 11.

нию и т.д., начисто выхолащивает собственный, самостоятельный смысл активности, делает это понятие всеобъемлющим, а следовательно слишком размытым и практически неоперационализируемым.

В рамках такого подхода было написано немало работ. Большая часть их принадлежала педагогам и педагогическим психологам. Смещение акцента с энергетического аспекта активности на информационную оставляющую приводило к тому, что активность рассматривалась как бессодержательная энергетическая основа или энергетическая характеристика деятельности, а как сама вполне содержательная деятельность, которую надо формировать и направлять: «Выявление психологических предпосылок активности личности – одна из наиболее важных проблем в психологической науке. <...> Эту активность необходимо либо поддерживать и развивать, либо возрождать и содействовать ее изменению к лучшему»¹.

И даже еще более жестко:

«Под активностью понимают:

1. Внешнюю и внутреннюю деятельность субъекта, определяемую по ее конечному результату или фиксируемым физическим проявлениям.

2. Деятельность, имеющую положительную направленность по отношению к определенной цели. <...>

3. Деятельность, обусловленную внешними факторами социальной среды, но определяемую, в конечном счете, внутренним состоянием субъекта. Деятельность, зависящую от его отношения к цели, от уровня стремления в ее достижении»².

В то же время параллельно с разработкой понятия социальными психологами происходило быстрое освоение его общественными науками и, соответственно, идеологическими работниками. Главный свой смысл «активность» обрела в рамках ком-

мунистической пропаганды в словосочетании «активная жизненная позиция». <...>

Однако одновременно с появлением достаточно емкого в содержательном отношении термина «активная жизненная позиция» произошло и определенное смещение семантики используемого в идеологических сочинениях термина «активность». Все чаще стало встречаться словосочетание «активная деятельность личности», а выражение «проявить активность», означающее «совершить энергичный, выходящий за рамки обычного поступок», начало восприниматься как идентичное словосочетанию «проявить инициативу». Слово «активность» стало все больше дифференцироваться с понятием «деятельность», используя теперь уже исключительно в своем энергетическом значении: «жизненная позиция реализуется в деятельности и требует от личности активности». С точки зрения охвата психологических феноменов понятие «активность» так и оставалось всеобъемлющим, но в обыденном сознании смысл понятия сильно редуцировался до энергичной и социально значимой самореализации субъекта.

Акцентирование при повседневном употреблении понятия «активность» средствами массовой информации (а значит, и при использовании обыденным массовым сознанием) такой его семантической составляющей, как «энергичность», хорошо соответствовало применению данного термина в других областях психологической науки. Надо сказать, что традиция подобного понимания слова «активность» возникла далеко не в советское время. Еще в начале XX века А.Ф. Лазурский, разрабатывая свою типологию личности ставя знак равенства между «активностью» и «энергией», писал: «При нормальных внешних условиях и соответствующих воспитании и образовании уровень этот определяется, как уже сказано, природной одаренностью человека, сводящемуся, в конце концов, к общему (потенциальному) запасу его нервно-психической энергии или, употребляя другой термин, к присущему ему большому или меньшему ко-

¹ Миславский Ю. А. Саморегуляция и активность личности в юношеском возрасте. М., 1991. С.3

² Кругликов В. Н. Активное обучение в техническом вузе: теория, технология, практика. СПб., 1999. С. 39

¹ Ефимов В. Т., Косолапов С. М. Формирование активной жизненной позиции — цель нравственного воспитания. М., 1977. С.15

личеству психической активности. Само собой разумеется, что под словами «активность» и «энергия» следует понимать отнюдь не волевое усилие в узком смысле этого слова (как это делают нередко психологи волюнтаристского толка), а нечто гораздо более широкое, лежащее в основе всех наших душевных процессов и проявлений»¹.

Очевидно, что энергичность, с которой действует человек, зависит от самых различных факторов, в число которых входят и общее состояние его здоровья, и обусловленное актуальной ситуацией физиологическое состояние организма, и переживаемые им эмоции. Степень активности во многом предопределяется индивидуальной мотивацией, включающей как ситуативные мотивы, так и характерный для данного индивида уровень общей мотивации достижения. На человеческую активность сильно влияют окружающие условия, включая условия труда, а также характеристики самой деятельности и значимость переживаемой ситуации. Не следует забывать и о степени сформированности необходимых навыков, отсутствие которых может сильно «гасить» активность индивида. Однако при этом перечисленные факторы являются лишь обстоятельствами, способствующими или препятствующими проявлению некоторой сущности, тогда как сама сущность, постоянно и неизменно проявляющаяся приблизительно на одном и том же уровне во всех аспектах внутренней психической жизни и внешнего поведения индивида, является ничем иным, как природной энергетикой человека, той нервной или психической энергией, которая заложена в нем с самого рождения.

В этой связи, обращаясь к истокам формирования понятия «активность», нельзя забывать о роли в привлечении внимания к энергетической стороне психической деятельности, которую сыграл З. Фрейд, использовавший понятие «психическая энергия» как ключевое для объяснения активности организма. Его учение о психодинамике базировалось на прогрессивном понимании организма как энергетической системы, хотя нельзя не

отметить, что энергия, обеспечивавшая функционирование этой системы, была у З. Фрейда исключительно энергией полового инстинкта. Заслуга З. Фрейда в том, что он привлек внимание психологов к энергетическому аспекту поведения, сделав его одним из ключевых контрапунктов психологической науки, и начал переводить физиологические термины в психологические, заменив, например, понятие «возбуждения» «психической энергией». Однако до конца решить эту задачу и разобраться в сущности энергии психического он не успел.

И хотя современная наука далеко продвинулась с тех пор в физиологии и биохимии природной энергетики людей, нельзя сказать, что в настоящее время данный вопрос изучен исчерпывающим образом. В этой связи Я. Стреляу осторожно писал: «Я предпочитаю использовать понятие *нейро-эндокринной индивидуальности*, когда речь идет о физиологической базе энергетических компонентов темперамента»¹. Однако в любом случае, какова бы ни была биохимическая основа изучаемых процессов, и для физиологов, и для психологов речь идет о динамических (энергетических) проявлениях человеческой индивидуальности в поведении, мышлении, эмоциях и пр., т.е. о темпераменте.

Как, обобщая, отмечала А.Е. Ольшанникова, при всех различиях в подходах и в понимании сущности темперамента большинство классификаций и теорий сходятся на том, что предметом изучения являются характеристики динамических особенностей индивида, а двумя главными компонентами темперамента являются активность и эмоциональность².

Разделяя указанные фундаментальные положения, различные ученые по-разному понимали природу темперамента. В частности, помимо гуморальной теории, связывающей темперамент с химией наполняющих человека веществ, большое распространение получил подход, обуславливающий различия в

¹ Лазурский А. Ф. Избранные труды по психологии. М., 1997. С.12.

¹ Стреляу Я. Местоположение регулятивной теории темперамента (РТТ) среди других теорий темперамента // Иностранная психология. Т. 1. № 2. 1993. С.44

² Краткий психологический словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. Ростов н/Д, 1998. С.381

темпераменте различиями в конституции людей. Однако наиболее масштабным направлением стало то, где в качестве референта устойчивых психодинамических особенностей поведения индивида рассматривались его психофизиологические или нейрофизиологические характеристики.

Системную основу рассматриваемого подхода, как известно, заложил И.П. Павлов, ставивший знак равенства между характеристиками темперамента и свойствами нервной системы. И.П. Павлов считал, что в основе нервной деятельности лежат три компонента: сила, уравновешенность и подвижность нервной системы. При этом сила нервной системы понималась И.П. Павловым как способность нервных клеток сохранять нормальную работоспособность при интенсивных возбуждающих и тормозных процессах, коррелирующая с высокой работоспособностью индивида, уравновешенность нервной системы — как одинаковая выраженность нервных процессов торможения и возбуждения, обеспечивающая спокойствие индивида в критических ситуациях, и подвижность нервной системы — как способность быстрого перехода от одного процесса к другому, связанная с быстротой реагирования индивида, легкостью переключения его внимания, скоростью приобретения им навыков и т. п.¹

Наряду с этим еще в 1909 г. Г. Хейманс и Е. Вирсма предложили подтвержденную позднее с помощью факторного анализа трехмерную теорию темперамента, состоящего из активности (т. е. энергичной деятельности), эмоциональности и первичной или вторичной функции (персеверативности), означающих, соответственно, быстрое угасание или, наоборот, стойкость реакции на раздражитель.

Факторный анализ был применен и С. Бертом, который в 1937 г. выделил также три фактора, составляющих структуру темперамента. Этими факторами были общая эмоциональность — vs — эмоциональная неустойчивость; стенические (экспрес-

сивные) — vs — астенические (заторможенные) эмоции; положительные — vs — отрицательные эмоции.

Практически в то же время (1934) Дж. Гилфорд предложил структуру темперамента, включающую 13 биполярных факторов (активность, доминантность, мужество, уверенность в себе, спокойствие, общительность, рефлексивность, депрессия, эмоциональность, сдержанность, беспристрастность, доброжелательность, терпимость), которые позднее были объединены К. Лоуэллом в четыре вторичных фактора (вспыльчивость, реализм, эмоциональность, социальная адаптируемость).

Другой факторный анализ, проведенный Л. Терстоном, позволил построить на основе 13 факторов Дж. Гилфорда семь вторичных биполярных факторов (активность, энергичность, импульсивность, доминантность, стабильность, социабельность, рефлексивность).

Большую известность получила концепция Г. Ю. Айзенка, чьи представления о темпераменте укладываются в рамки типов, обеспечивающихся различным сочетанием двух факторов: нейротизма эмоциональной стабильности и интроверсии экстраверсии, куда в качестве первичной черты входила и активность.

Разное сочетание различных аспектов активности и эмоциональности лежит и в основе типологии К. Леонгарда, выделившего шесть основных типов темперамента (гипертимический, дистимический, эмотивный, аффективно-лабильный, аффективно-экзальтированный, тревожный).

Одновременно в СССР развитие представлений о темпераменте происходило в рамках «тепловской» школы, к которой, помимо самого Б.М. Теплова, принадлежали такие ученые, как В.Д. Небылицын, Э.А. Голубева, В.М. Русалов, Н.С. Лейтес, М.В. Бодунов, А.И. Крупнов, Б.Р. Кадыров, В.И. Рождественская и др. К этой группе примыкал и польский ученый Я. Стреляу, идущий к исследованию темперамента от психологии личности с характерными для нее методами исследования и анализа, но ориентирующийся в этом анализе на понимание природы темперамента психофизиологами.

¹ Павлов И. П. Общие типы высшей нервной деятельности животных и человека // Павлов И. П. Полн. собр. соч.: В 6 т. Т. 3. Кн. 2. М.;Л., 1951. С.267-293.

Представители данного направления внесли заметный вклад в развитие представлений о психодинамических особенностях человека. Как известно, И.П. Павлов в своих работах не употреблял понятия «активность», и именно В.Д. Небылицыну принадлежит заслуга введения в научный обиход этого понятия для использования наряду с эмоциональностью в качестве одного из важнейших компонентов темперамента. Помимо этого, В.Д. Небылицын, широко экспериментируя, старался по-новому раскрыть структуру свойств нервной системы человека, добавив к их перечню динамичность и лабильность, в результате чего структура основных свойств нервной системы стала 12-мерной, состоящей из восьми первичных свойств (силы, лабильности, динамичности и подвижности отдельно по возбуждению и по торможению) и четырех вторичных (уравновешенности по каждому из этих свойств)¹.

В.М. Русалов позднее предложил рассматривать темперамент как восьмимерную структуру, состоящую из социальной эргичности (выносливости), социальной пластичности, социального темпа, социальной эмоциональности, предметной эргичности, предметной пластичности, предметного темпа и предметной эмоциональности². В то же время Э.А. Голубева считала, что павловская классификация свойств нервной системы (а значит, и типов темперамента) не устарела, но что изучать силу, уравновешенность и подвижность следует в двух различных вариантах: применительно к условным возбуждению и торможению и применительно к безусловным возбуждению и торможению³.

Следует отметить, что, несмотря на некоторые частные разногласия, работы этих специалистов были выполнены в едином методологическом и методическом ключе. Все они сходились на том, что темперамент характеризуется, в первую очередь, скоро-

¹ Небылицын В. Д. Основные свойства нервной системы человека. М., 1966. С.32.

² Русалов В. М. Опросник формально-динамических свойств индивидуальности (ОФДСИ): Методическое пособие. М., 1997.

³ Голубева Э. А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна, 2005. С.186.

стью, интенсивностью (напряженностью), темпом и ритмом человеческих действий, а в качестве референта психологических характеристик темперамента должны рассматриваться типологические свойства нервной системы и устойчивые особенности биоэлектрической активности головного мозга.

В принципе, различие между двумя описанными выше подходами к изучению темперамента — психофизиологическим и факторным (трейтовым) — сводится к разнице в способах решения очень простой и одновременно невероятно сложной проблемы. Очевидно, что природная энергия человека проявляется в разных видах и формах, которые можно обобщенно (не различая интеллектуальные, моторные, эмоциональные, коммуникативные и другие проявления) назвать человеческим поведением. Важнейшей задачей науки является типологизация этой гигантской сферы, выделение в ней главных составляющих, понимание ее структуры. Вопрос заключается лишь в том, как, на основании каких критериев следует выделять эти виды и формы, где должны пройти разграничительные линии внутри обширнейшего набора поведенческих актов, связанных с динамической стороной жизнедеятельности людей.

Несомненно, вопрос деления всего континуума поведенческих проявлений энергетики человека на различные, но при этом внутренне единые, объединенные общим смыслом группы является в большой степени конвенциональным актом. Однако такое деление не может быть простым соглашением между занимающимися данной проблемой исследователями, поскольку в основе его все-таки лежат разные по своей сути психологические и физиологические процессы. И если эти процессы не будут адекватно учтены, то предложенные типологии разойдутся с реальностью, став вместо инструмента познания источником ошибок, чреватых самыми негативными последствиями.

Очевидно, что часть ученых, размышлявших над указанной проблемой, опиралась на свою интуицию, деля поведенческий континуум в соответствии с личным пониманием природы человека. Такие попытки имели место в основном на ранних стадиях развития науки и были характерны для тех философов и психо-

логов, которые творили до начала эпохи развернутых эмпирических исследований и создания соответствующего математического аппарата. Указанному делению были посвящены размышления Гиппократ и Гален, Платона и Аристотеля, Гегеля и Канта, Декарта и Руссо и многих других великих мыслителей, пытавшихся с той или иной степенью гениальности «расчленив» ход анализа наблюдаемую ими действительность.

В новой истории науки, когда абсолютное большинство исследований утратило умозрительный характер, а для обработки полученных эмпирических данных был создан современный математический аппарат, исследователи темперамента для решения стоящей задачи стали прибегать к использованию факторного анализа. Применение факторного анализа позволяло выявить те глубинные смыслы, которыми руководствуются люди при оценке ими поведения и которые одновременно являются главными критериями дифференциации поведения на смысловые группы.

Другая часть авторов выбрала иной путь, решив опираться в решении данной проблемы не на субъективные критерии разбиения, а на объективно существующие явления, способные выступить в роли таких критериев. В этом качестве были выбраны физиологические и биохимические процессы, ответственные за осуществление человеческой жизнедеятельности и, в первую очередь, физиологические свойства нервной системы, число которых было конечно и невелико и которые с очевидностью играли большую роль в детерминации динамической стороны поведения человека.

Из опубликованных работ видно, что представители и первого направления стремились соотнести свои наработки с психофизиологическими исследованиями, и второго часто использовали факторный анализ как математическую процедуру обработки данных. Но сути коренного различия между подходами это не меняет. Первые в своем движении к пониманию структуры темперамента опирались, прежде всего, на оценки поведения, сделанные испытуемыми, вторые — на физиологические процессы, происходящие в организме человека.

Следует отметить, что, хотя способ дифференциации безграничного набора поведенческих паттернов с помощью факторного анализа оценок людьми либо своего поведения, либо поведения окружающих представляется более корректным с точки зрения обращения непосредственно к изучаемым формам поведения, в основе его все-таки лежит субъективная, а значит, далеко не всегда адекватная картина окружающего мира. В подобных исследованиях выявляемое смысловое разбиение определенной стороны реальности (в данном случае динамического поведения людей) воспроизводит специфику объединенного сознания либо «пула экспертов», либо большого числа рядовых респондентов, иначе говоря, «простых людей». В первом случае исследователи имеют дело с небольшим числом экспертов, разбирающихся в проблеме, но не представляющих при этом общество в целом. Во втором они имеют дело не только с объединенным экспертным, но еще и с обыденным сознанием, которое гораздо сильнее, чем сознание экспертов, склонно искажать окружающий мир.

В то же время обращение к свойствам нервной системы представляется более надежным, поскольку апеллирует к хорошо фиксируемой и легко измеряемой объективной реальности. Однако и в этом случае существует ряд проблем, не позволяющих без критического анализа принять полученные в подобных исследованиях результаты, к числу которых, прежде всего, относится психофизиологическая проблема.

По сути дела, наличие психофизиологической проблемы обусловлено очень простым обстоятельством. За десятилетия исследований ни нейрофизиологи, ни психофизиологи, ни биохимики не смогли с помощью имеющихся у них методов исследования научиться различать в физиологических процессах человеческое содержание происходящего. Фигурально выражаясь, они так и не сумели добиться, чтобы фиксируемые ими электрические импульсы и химические реакции говорили на языке тех смыслов, которые человеческая жизнедеятельность имеет для людей, точно раскрывали экспериментаторам происходящее в сознании испытуемых. К сожалению, при нынешнем уровне раз-

вития науки указанное препятствие является непреодолимым, за счет чего любые деления наблюдаемого поведения на смысловые сегменты с опорой на физиологические свойства организма будут достаточно условными.

Тем не менее полученные в указанных исследованиях результаты не могут не вызывать пристального внимания тех, кто собирается изучать человеческую активность.

Первое определение общей психической активности в рамках «тепловской школы» дал В. Д. Небылицын, охарактеризовав ее как «тенденцию личности к самовыражению, эффективному освоению и преобразованию внешней действительности»¹. В предложенном определении активность не описывала самовыражение индивида и тем более не была ему идентичной, а заключалась лишь в тенденции к указанному самовыражению. Этим подчеркивался латентный характер активности, предполагающий включение в данное понятие внешне не проявляющихся процессов, таких, например, как умственная активность или формирование установок, а также ее бессодержательность, означающая, что содержательными являются качество и уровень ее реализации, обеспечиваемые содержанием интеллекта и ценностно-мотивационной сферы личности.

Следует отметить, что В.Д. Небылицын нигде специально не раскрывал семантику понятия «активность», однако смысл, вкладываемый им в данное понятие, может быть раскрыт тремя показателями, которые он предложил для измерения уровня активности индивида: индивидуальным темпом моторных актов, склонностью индивида к разнообразию действий, предпринимаемых по инструкции, и потребностью в движениях². В обобщенном виде эти характеристики сводятся к определению, как много и быстро делает человек за определенное время.

Глубоко изучавший затем активность В. М. Русалов предложил разделить активность на эргичность (т.е. работоспособность, выносливость), пластичность и скорость. Изначально ему

¹ Небылицын В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976. С.178.

² Там же. С.261.

удалось выделить в качестве независимых аспектов активности скорость и эргичность в умственной деятельности, скорость и эргичность в психомоторике, стремление к разнообразию в умственной деятельности, которое В. М. Русалов назвал «пластичностью», и сокращение времени решения задач в ходе работы над ними (последний аспект В.М. Русалов назвал «обучаемостью»). В дальнейшем, стремясь к большей гармоничности предложенной им модели, В. М. Русалов, как уже упоминалось, унифицировал структуру активности и стал писать об одних и тех же трех компонентах (выносливости или же, иначе, эргичности, а также пластичности и скорости), реализующихся в социальной и предметной сферах деятельности индивида. В результате факторного анализа ЭЭГ-показателей 40 испытуемых В.М. Русалов совместно с М.В. Бодуновым выявил четыре общемозговых фактора, характеризующих различные аспекты активации нервной системы в целом. Проведенные исследования позволили выявить положительные корреляции между конкретными ЭЭГ-параметрами и тремя основными составляющими активности, какими их видели эти исследователи: скоростью, эргичностью и разнообразием действий¹.

Определенный вклад в изучение активности внесла и Э.А. Голубева, связывавшая активность, прежде всего, с активированностью, которую считала энергетической базой психической активности². Э.А. Голубева не проводила экспериментального изучения ЭЭГ-коррелятов психической активности, ссылаясь на то, что это уже было сделано В.Д. Небылицыным, В.М. Ру-

¹ Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979. С. 140—154; 272—283. Русалов В. М., Бодунов М. В. О факторной структуре интегральных электроэнцефалографических параметров человека // Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности. М., 1980. С.94-113.

² Голубева Э. А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна, 2005. С.219. Лейтес Н. С., Голубева Э. А., Кадыров Б. Р. Динамическая сторона психической активности и активированность мозга // Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности. М., 1986. С.119.

саловым, А. И. Крупновым и другими¹. Однако она выделила различные ЭЭГ-показатели, с помощью которых можно было объективно регистрировать баланс торможения и возбуждения и в случае изучения активированности как актуального состояния нервной системы, и при анализе активированности как ее типологического свойства².

Э.А. Голубева также не дала своего определения активности, ссылаясь на работы Б.Р. Кадырова, посвященные исключительно динамической стороне психической активности. В свою очередь, Б.Р. Кадыров, вслед за Б.М. Тепловым, называл весь комплекс проявлений феномена активности «формально-динамическими проявлениями психики». Однако в своих работах Б.Р. Кадыров предусматривал еще и наличие содержательной стороны феномена, подчеркивая при этом, что психофизиологические методы призваны исследовать лишь динамический аспект активности³. Такое амбивалентное отношение к понятию привело к тому, что в работах Б.М. Кадырова анализ умственной активности часто подменялся анализом эффективности умственной деятельности — параметра, связанного с активностью, во многом производного от нее, но совершенно не идентичного ей⁴.

Амбивалентное понимание активности является характерным и для работ Н.С. Лейтеса, который при этом приложил много усилий к решению проблемы разведения информационной и энергетической сторон деятельности, а также к доказательству необходимости приоритетного рассмотрения динамической стороны деятельности и определяющих эту сторону нервно-психических процессов. Указав, что активность связывается исследователями и с лабильностью, и с динамичностью, и с управ-

¹ Голубева Э. А. Способности. Личность. Индивидуальность. Дубна, 2005. С.218.

² Там же. С. 161.

³ Кадыров Б. Р. Уровень активации и некоторые динамические характеристики психической активности // Вопросы психологии. 1976. № 4. С.133.

⁴ Кадыров Б. Р. Способности и склонности: Психофизиологическое исследование. Ташкент, 1990.

новешенностью, Н.С. Лейтес выразил очень важное мнение о необходимости учитывать при анализе активности еще и силу нервной системы, т. е. ее выносливость¹.

Достаточно своеобразное понимание активности предложил работающий в близкой исследовательской парадигме Я. Стреляу. Он определял активность как тенденцию совершать действия высокой стимулирующей силы или действия, вызывающие сильную стимуляцию извне². Очевидно, что в подобной трактовке термина «активность» наблюдается определенный элемент условности, сопровождающий попытку автора с некоторым напряжением уложить термин «активность» в «прокрустово ложе» постулируемой им теории, приспособить данное понятие к положению об оптимальной стимуляции³.

Одновременно и независимо от представителей школы Б.М. Теплова изучением темперамента занимался и В.С. Мерлин, который выделил такие свойства темперамента, как сенситивность, реактивность, пластичность установок, тревожность, экспрессивность, экстравертированность, эмоциональная возбудимость, активность произвольной целенаправленной деятельности⁴.

Таким образом, в результате анализа работ, посвященных динамическим особенностям индивида, становится понятно, что в них не наблюдается единства относительно содержания термина «активность». Не существуют также и общих представлений о том, какие типологические свойства нервной системы

¹ Лейтес Н. С. Возрастная одаренность и индивидуальные различия: Избранные труды. М., 2008. С.387-389.

² Стреляу Я., Митина О., Завадский Б., Бабаева Ю., Менчук Т. Методика диагностики темперамента (формально-динамических характеристик поведения). М., 2005. С.48, 100.

³ Впрочем, если не ставить содержание используемого термина во главу угла, следует признать, что представления Я. Стреляу о структуре темперамента легко операционализируются и в этом качестве служат хорошим основанием для создания разного рода диагностических инструментов.

⁴ Мерлин В. С. Очерк теории темперамента. М., 1964.

могли бы считаться референтом общей психической активности людей.

В целом же, подводя общий итог рассмотрению использования понятия «активность» в отечественной психологии, следует отметить несколько моментов, затрудняющих применение данного понятия в конкретных психологических исследованиях.

1. Понятие «активность» является содержательно амбивалентным. С одной стороны, оно описывает информационный аспект деятельности, позволяющий противопоставить деятельность, направленную на реализацию индивидом образа потребного будущего, простому реагированию на стимулы внешней среды. С другой стороны, понятие «активность» характеризует энергетический аспект деятельности, заключающийся в ее темпе, напряженности, скорости и иных динамических характеристиках.

2. Употребление термина «активности» в информационно-деятельностном аспекте привело к неоправданному расширению понятия, включению в него столь разнообразных категорий, как установки, поведение, сознание, мышление, направленность и т. д.

3. В энергетическом плане понятие «активность» характеризует то, как быстро действует индивид и как много им делается в определенный промежуток времени. При этом за пределами трактуемого подобным образом понятия остается такой важный аспект понимания человеческой активности обыденным сознанием, как длительность демонстрируемой человеком энергичности, время проявления им высокой работоспособности.

Очевидно, что сложившееся в данной сфере положение дел, не позволяя точно операционализировать данное понятие, препятствует эффективному изучению человеческой активности как самостоятельного психологического феномена.

В этой связи представляется целесообразным рассматривать активность исключительно как энергетическую характеристику деятельности, в то время как другой важнейшей характеристикой деятельности является ее содержание. Если исходить из словарного определения модальности, гласящего, что модальность (от лат. *modus* — размер, способ, образ) — категория, характе-

ризующая способ действия или отношение к действию, то можно считать, что активность — немодальна. Отсюда все мотивационно-целевые и иные смысловые аспекты являются атрибутом деятельности, но не активности, равно как и разные виды деятельности не характеризуются разными видами активности.

Следует исходить из того, что активность должна измеряться, прежде всего, количеством психической энергии, которое индивид затрачивает для осуществления какого-либо акта. Характеристиками активности в рамках данного подхода предлагается считать динамические характеристики поведения, а точнее, «деятельности любого рода»¹, такие как интенсивность, скорость, темп и ритм, меняющиеся в соответствии с энергией, которая расходуется на выполнение любых деятельностных проявлений, будь то моторная, интеллектуальная или коммуникативная деятельность. Соответственно, активность как свойство должна характеризовать естественный для конкретного организма средний уровень энергичности индивида, а активность как состояние — актуальный уровень энергии, проявляющейся в осуществляемой деятельности.

Предложенный подход к определению активности исходит из простого соображения о нецелесообразности обозначения одним понятием двух таких разных значений, как содержание деятельности и энергетика деятельности. Такие примеры встречаются в науке, но на долгую жизнь они могут рассчитывать лишь в случае, если такая амбивалентность удобна. Так, например, можно допустить, что физикам удобно воспринимать свет одновременно и как частицу, и как волну. Но трактовать активность и как энергетическую, и как информационно-содержательную характеристику деятельности неудобно, от чего-то надо отказываться.

Впрочем, предлагаемое решение не является единственно возможным, есть и альтернативные варианты. В частности, можно закрепить за «активностью» содержательную сторону деятельности и ввести для обозначения энергетического аспекта активности понятие «энергичность» (*energy*). Можно вообще исключить из науч-

¹ Стреляя Я. Роль темперамента в психическом развитии. М., 1982. С.74.

ного языка понятие «деятельность», заменить его понятием «активность» и различать в нем как энергетическую, так и содержательную стороны, не изводя себя вопросом, чем «активность» отличается от «деятельности». Такое решение проблемы, безусловно, сблизило бы русскоязычную психологию с западной, однако, к сожалению, по вполне понятным причинам данная трансформация представляется в настоящее время неосуществимой.

Предлагая понятийное разделение содержательной и энергетической сторон деятельности, следует подчеркнуть, что указанное разграничение, предусматривающее придание термину «активность» однозначности, ни в коем случае не является провозглашением биологизаторского подхода к деятельности, одностороннего объяснения деятельности и уж тем более энергетического объяснения мотивации деятельности. Направленность деятельности в целом и ее конкретная мотивация в частности зависят, прежде всего, от содержания, т. е. от ценностей человека, от его жизненных целей, доминирующих установок и т. п., а энергетика играет в данном случае второстепенную роль.

Вторым обстоятельством, требующим внимания, является вопрос о физиологическом субстрате или референте активности. Отчетливое осознание связанной с таким подходом психофизиологической проблемы не может избавить от необходимости определения своего отношения к данному вопросу, а лишь задает границы допустимых в этой связи утверждений. Здесь, как и в предыдущем случае, речь идет о чисто конвенциональной стороне вопроса, о том, как изменить границы употребляемых понятий, не касаясь содержания механизмов, обеспечивающих возникновение и функционирование того или иного феномена, которые являются предметом соответствующих специальных наук.

Упоминаемое рядом авторов закрепление за активностью в качестве референта таких свойств нервной системы, как динамичность или лабильность, характеризующих быстроту возникновения нервных процессов, представляется значительно сужающим границы понятия в том виде, в котором оно существует в обыденном массовом сознании, а значит, лишаящим исследователей возможности эффективно изучать реальные социальные

процессы, связанные с трудовой и общественной активностью людей. В данной трактовке из него выпадает временной аспект активности, способность (или, наоборот, неспособность) людей проявлять свою активность длительное время. В этой связи представляется целесообразным, говоря о человеческой активности, рассматривать наряду с динамичностью нервной системы еще и ее выносливость (силу процессов возбуждения), которая представляется способностью нервной системы в условиях продолжительной или интенсивной стимуляции не переходить в состояние запредельного торможения, *более* или *менее* адекватно реагируя на указанную стимуляцию¹.

¹ На первый взгляд, сила нервной системы никак не может быть отнесена к активности, поскольку традиционно измеряет интенсивность (величину) реакции на действующий внешний стимул, т. е. реактивность (Стреляу Я. Местоположение регулятивной теории темперамента (РТТ) среди других теорий темперамента // Иностранная психология. Т. 1. № 2. 1993. С.41). Однако данная характеристика в той же мере может относиться и к внутренней самостимуляции индивида, реализуемой им в ходе выполнения стоящих перед ним задач, а кроме того — и это главное — различия между активностью и реактивностью в бернштейновском понимании не должны браться в расчет, когда речь идет об активности как об энергетической характеристике осуществляемой деятельности.

А.И. Крупнов

Психологические проблемы исследования активности человека¹

Эффективность практической работы по формированию активной, творческой личности невозможна без решения ряда принципиальных вопросов, связанных с выявлением движущих сил и источников активности человека, знанием их оснований и закономерностей индивидуального проявления, специфики их учета в различных видах деятельности. Необходимо знать, как под воздействием внешних и внутренних факторов формируется активная позиция человека, как в процессе той или иной деятельности и достигнутых результатов изменяются условия, обеспечивающие новый и качественно иной уровень активности человека. Любое продуктивное продвижение в решении этих и других вопросов, связанных с разработкой проблемы активности человека, будет способствовать выбору надежных путей в деле коммунистического воспитания подрастающего поколения.

В данной статье мы обсудим вопросы, связанные с категорией активности: общетеоретические подходы к исследованию проблемы активности; результаты целостного изучения индивидуальных проявлений активности человека в психомоторной, интеллектуальной, волевой сферах и в общении.

1. Общетеоретические вопросы исследования проблемы активности

Категория активности является наиболее общей в исследовании природы психики, психического развития, познавательных и творческих возможностей личности². В современных психологических исследованиях проблема активности разрабатывается в различных ее аспектах. Исследуется структура и динами-

ка познавательной активности¹, развитие познавательной активности в ходе общения². Изучаются различные вопросы творческой, интеллектуальной активности как в общепсихологическом³, так и возрастном аспектах⁴. Исследуется феномен «наситивной активности» личности⁵. Проблема активности и установки изучается в грузинской школе психологов⁶. Отдельный цикл работ посвящен изучению активности человека со стороны динамических проявлений и их нейрофизиологических предпосылок⁷ и др.

Следует заметить, что понятие «активность» в различных исследованиях употребляется далеко не однозначно. Если попы-

¹ Там же. С. 5-17.

² Лисина М. И. Развитие познавательной активности детей в ходе общения со взрослыми и сверстниками. — Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 18—35.

³ Богоявленская Д. Б. Об одном из подходов к исследованию интеллектуального творчества. — Вопросы психологии. 1976. №4. С. 69—80. Тихомиров О. К. (ред.). Психологические исследования интеллектуальной деятельности. — М., 1979. С. 232.

⁴ Лейтес Н. С., Голубева Э. А., Кадыров Б. Р. Динамическая сторона психической активности и активированность мозга. — В кн.: Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности. М., 1980. С. 114—124.

⁵ Петровский В. А. К психологии активности личности. — Вопросы психологии. 1975. № 3. С. 26—38.

⁶ Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. — М., 1966. — 450 с.

⁷ Бодунов М. В. О связи интегральных ЭЭГ параметров с формально-динамическими проявлениями активности человека. — Физиология человека. 1977. № 3. С. 394—403. Крупнов А. И. Психофизиологический анализ индивидуальных различий активности личности. — Свердловск, 1983. — 72 с. Лейтес Н. С., Голубева Э. А., Кадыров Б. Р. Динамическая сторона психической активности и активированность мозга. — В кн.: Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности. М., 1980. С. 114—124. Мозговой В. Д. Исследования факторов биоэлектрической деятельности некоторых отделов мозга и их отношения к умственной активности: Автореф. канд. дис. — М., 1973. С. 14. Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. — М., 1979. — 352 с.

¹ Крупнов А.И. Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии. 1984, № 3. С. 25-33.

² Матюшкин А. М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности. — Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 5—17.

таться обобщить наиболее рациональные моменты имеющихся определений активности, то можно увидеть, что она, с одной стороны, понимается как мера деятельности, уровень протекания процесса и взаимодействия вообще или как потенциальные возможности субъекта к взаимодействию, с другой — характеризуется как совокупность инициативных действий субъекта, обусловливаемых его внутренними противоречиями, опосредованными средовыми влияниями¹ др.

Таким образом, если суммировать наиболее общие и существенные признаки понятия «активность», то оно включает в себя, во-первых, количественные и качественные характеристики уровня интенсивности протекания процесса или любого взаимодействия; во-вторых, количественную и качественную характеристику потенциальных возможностей субъекта к взаимодействию; в-третьих, представление об источнике любого процесса или взаимодействия, которое исходит главным образом из внутренних противоречий субъекта, опосредованных влиянием извне.

Итак, активность человека можно определить как особое состояние, предрасположенное к тому или иному взаимодействию, или относительно устойчивое свойство, проявляющееся в уровне интенсивности реализации поведения, деятельности и их результате, устойчивости и объеме взаимодействия, исходящего из внутренней его инициативы.

Остановимся на некоторых, на наш взгляд, принципиальных вопросах, *которые необходимо иметь в виду при изучении про-*

¹ Бернштейн Н. А. Очередные задачи нейрофизиологии в свете современной теории биологической активности. — Вопросы психологии. 1966. № 4. С. 30—39. Кремянский В. И. К анализу понятия активности материальных систем. — Вопросы философии. 1969. № 10. С. 54—63. Мордкович В. Г. Активность как философская категория. — В кн.: Материалы межвузовской научной конференции по проблеме возрастания активности общественного сознания в период строительства коммунизма. — Курск, 1968. С. 31—33.

блемы активности человека. Эти вопросы мы уже частично обсуждали в ранее опубликованных работах¹ и др.

Как показывает анализ наших и других данных, различные проявления активности человека не выступают одномоментно, т.е. непоявление активности в одном отношении вовсе не исключает возможности проявления активности в других отношениях. Кроме того, непоявление активности в одном случае может свидетельствовать об активности более высокого уровня в этом же отношении. Стало быть, сколько-нибудь объективное исследование активности человека предполагает учет комплекса возможных ее проявлений не в одной, а в различных сферах его жизнедеятельности.

Далее, полное познание различных проявлений активности предполагает исследование их оснований, выявление которых дает возможность объяснить, почему именно так, а не иначе проявляется та или иная активность человека. При этом необходимо иметь в виду, что, объясняя явление активности на одном уровне, основание не объясняет самого себя, т.е. оно имеет более глубокое основание (основание второго порядка), способное объяснить основание первого порядка. Таким образом, более полное познание конкретного явления активности предполагает не только объяснение явления с помощью основания, но и раскрытие природы, происхождения самого основания.

И наконец, известно, что любое проявление активности всегда имеет качественную и количественную определенность. Исследование качественной определенности конкретного проявления активности предполагает, с одной стороны, познание внешнего (процесса, свойства, состояния), с другой — изучение внутреннего (элементов и структуры). Это соответствует диалектико-материалистическому пониманию качества как единства свойств, элементов и структуры. Причем все свойства и проявления активности прежде всего обусловлены совокупностью со-

¹ Крупнов А. И. Психофизиологический анализ индивидуальных различий активности личности. — Свердловск, 1983. — 72 с. Прядеин А. П., Крупнов А. И. К понятию «активность», — В кн.: Вопросы психологии активности и саморегуляции личности. Свердловск, 1976. С. 5—13.

ставляющих его элементов (содержанием) и формой, способом организации этих элементов (структурой). Становится очевидным, что изучение состава элементов и способа их организации может предоставлять нам реальную основу для объяснения конкретных проявлений активности человека в различных сферах его жизнедеятельности.

Кроме того, в исследовании активности, очевидно, нужно учитывать и то, что различия по составу элементов и способам их организации, обуславливающие специфику проявлений активности, отчасти обусловлены внешними воздействиями, а отчасти определяются природой самих элементов. Это исходит из диалектико-материалистического объяснения внутреннего движения, активности как со стороны внешних обстоятельств, так и со стороны внутренних возможностей человека. При этом движущими силами активности являются не сами по себе внешние или внутренние факторы, а те диалектические противоречия, которые возникают под влиянием этих факторов. Поэтому при объяснении источников и механизмов конкретных проявлений активности, очевидно, недостаточно исходить из каких-либо однозначных зависимостей активности от внутренних или внешних факторов. Последние можно рассматривать лишь как предпосылки для возникновения движущих противоречий у субъекта. Игнорирование этого исходного положения приводит порой к абсурдным выводам в объяснении движущих сил и оснований активности. Так, например, в различных зарубежных концепциях, объясняющих активность человека, внутренние и внешние факторы, обуславливающие активность человека, отрываются друг от друга, противопоставляются друг другу. При этом как те, так и другие в отдельности понимаются как прямые проекции активности. Так, сторонники гуманистической психологии (Олпорт, Маслоу и др.) считают, что основу активности личности составляют внутренние, имманентно присущие человеку структуры определенных стремлений и побуждений, которые являются первичными детерминантами активности человека.

Различного рода бихевиористические концепции (Уотсон, Халл и др.), исходя из классической формулы «стимул — реак-

ция» или рассматривая отношения «ситуация — реакция», где ситуация оказывает довлеющее влияние, полностью снимают внутреннюю детерминацию активности.

Представители биологизаторских концепций (Фрейд, Айзенк и др.), видящие движущие силы в биологических системах организма и его внутренних возможностях порождать соответствующую энергию, объясняют активность личности природными, врожденными особенностями организма.

Таким образом, представления о реактивной, пассивной природе личности всегда были и остаются отличительными признаками различных психологических концепций, основывающихся на идеях механистического материализма.

Говоря о социальной сущности активности личности и критикуя биологизаторские концепции активности, отечественная психология, исходя из диалектического материализма, не игнорирует природные предпосылки, которые «снимаются» социальными, но не вытесняются, устраняются или уничтожаются, а подчиняются им, включают в новые системы связей и отношений¹. Сущность активности личности объясняется внутренним ее движением и самоопределением, исходя из внешних обстоятельств и внутренних возможностей, которыми она обладает.

Итак, вышеизложенное позволяет заключить следующее:

1. Конкретные проявления активности человека имеют свои качественные и количественные признаки, неразрывно выступающие в актах поведения и деятельности.

2. Выявление закономерностей и индивидуальных особенностей в проявлениях активности человека с необходимостью предполагает познание совокупности количественно определенных элементов и способов их организации в конкретных актах поведения и деятельности.

3. Конкретные проявления активности человека имеют свои основания. Выявление этих оснований дает возможность объяснить, почему именно так, а не иначе осуществляется реализация

¹ Шорохова Е. В. О естественной природе и социальной сущности человека. — В кн.: Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977. С. 65—81.

поведения и деятельности человека, мера его устойчивости, интенсивности, объема и инициативности.

4. Движущими силами активности человека являются, не сами по себе внутренние или внешние факторы, а те противоречия, которые возникают в процессе взаимодействия внутренних и внешних факторов, в ходе реализации той или иной деятельности.

5. Исследования активности человека предполагают учет комплекса конкретных проявлений, поскольку непоявление активности в одном отношении не исключает возможности проявления активности в других отношениях. Кроме того, непоявление активности в одном случае может свидетельствовать об активности более высокого уровня в этом же отношении.

2. О единице анализа индивидуальных проявлений активности человека

Одной из проблем, непосредственно встающей в процессе исследования активности человека, является вопрос о единицах анализа и критериях оценки индивидуальных проявлений активности. Мы в качестве единицы анализа индивидуальных проявлений активности взяли конкретные акты поведения и действий человека. Анализ конкретных актов поведения и действий человека как исходная позиция изучения индивидуальных проявлений активности, на наш взгляд, дает возможность рассматривать активность в движении, функционировании, что является основной формой ее существования.

Представляется, что любой акт поведения или взаимодействия может рассматриваться как системная единица, включающая в себя мотивационно-смысловой, операционально-динамический и продуктивно-результативный компоненты (подсистемы). Вычленение указанных компонентов человеческих действий основывается на ряде литературных данных, в которых помимо результата любого поведения и деятельности выделяются содержательные и динамические их характеристики¹.

¹ Крупнов А. И. Психофизиологический анализ индивидуальных различий активности личности. — Свердловск, 1983. — 72 с. Лейтес Н. С.,

Как подчеркивал Б. М. Теплов, «кроме различий, относящихся к содержательной стороне психической жизни, люди различаются по некоторым, скорее формальным, особенностям своего психического склада и поведения. Эти последние особенности нередко называют динамическими особенностями»¹.

К формально-динамическим характеристикам, отмечал В.Д. Небылицын, «могут быть отнесены такие качества, как интенсивность, напряжение, темп, ритм, объем, градиент нарастания и затухания человеческих действий, устремлений и переживаний»². Содержательный же, «личностный» и, в частности, мотивационный аспекты соответствующей деятельности, — по мнению С.Л. Рубинштейна, — составляют «отношение личности к задачам, которые перед ней встают»³. Понятно, что между выделенными аспектами поведения и деятельности человека существуют определенные связи, так как в реальном процессе взаимодействия человека со средой они не разобщены, а слиты воедино. Принятое же разделение правомерно только в целях анализа, поскольку каждая из указанных сторон поведения и деятельности имеет свою специфику и критерии оценки.

Стало быть, содержательный аспект поведения и деятельности, динамические их особенности и продуктивность имеют

Голубева Э. А., Кадыров Б. Р. Динамическая сторона психической активности и активированность мозга. — В кн.: Психофизиологические исследования интеллектуальной саморегуляции и активности. М., 1980. С. 114—124. Мерлин В. С. и др. Очерк теории темперамента. — Пермь, 1973. — 290 с. Мозговой В. Д. Исследования факторов биоэлектрической деятельности некоторых отделов мозга и их отношения к умственной активности: Автореф. канд. дис. — М., 1973. С. 14. Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. — М., 1979. — 352 с. Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. — М., 1961. С. 479.

¹ Теплов Б. М. Проблемы индивидуальных различий. — М., 1961. С. 479.

² Небылицын В. Д. К проблеме мозговых механизмов индивидуально-психологических различий у человека. — В кн.: Нейрофизиологические механизмы психической деятельности человека. Л., 1976. С. 118.

³ Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. — М., 1959. С. 123.

свои специфические отличия и могут быть предметом специального исследования. Поэтому не случайно в ряде исследований подчеркивается, правда в разных значениях, необходимость дифференцированного анализа не только динамических и содержательных характеристик, но процесса и результата¹. Однако относительно самостоятельное, аналитическое изучение отдельных аспектов поведения и деятельности может рассматриваться как начальный этап на пути целостного исследования многообразных проявлений активности человека. Следующим, необходимым этапом является изучение различных аспектов активности: мотивационно-смыслового, операционально-динамического и продуктивно-результативного в их синтезе, т.е. в их связях и отношениях. Что касается введения вышеупомянутых терминов, то необходимость их Употребления исходит из того, что в литературе термин «динамический» понимается далеко не однозначно. Термины динамический, процессуальный, формально-динамический употребляются как рядоположные. При этом имеется в виду то, что они относятся в большей мере к характеристике формы психических явлений, а не их содержания. Однако понятия «процесс», «динамика», «форма» вряд ли являются рядоположными, скорее, напротив резко отличающимися между собой понятиями. К тому же «процессуальность» есть важнейшая характеристика всех психических проявлений, не только динамических, но и содержательных. Высказанное соображение находится в созвучии с теоретическими посылами, выдвинутыми С.Л. Рубинштейном, суть которых состоит в том, что основным способом существования психического является его существование в «качестве процесса». «Психическое как процесс, — пишет А.В. Брушлинский, — есть нечто динамическое. Его

¹ Голубева Э. А. Индивидуальные особенности памяти человека. — М., 1980. — 151 с. Забродин Ю. М., Лебедев А. Н. Психофизиология и психофизика. — М., 1977. — 287 с. Мерлин В. С. и др. Очерк теории темперамента. — Пермь, 1973. — 290 с. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. — М., 1959. С. 123.

динамика всегда содержательна — благодаря непрерывному взаимодействию субъекта с миром»¹.

Далее, понятие формы вряд ли оправдано связывать только с динамическими проявлениями психических явлений. Как следует из вышеприведенного высказывания А.В. Брушлинского, динамические проявления всегда содержательны. Заметим, что понятия формы и содержания являются фундаментальными и естественно распространяются на все психические проявления. Мотивационно-смысловой аспект поведения и деятельности человека также имеет свою форму и содержание. В самом широком смысле содержание есть наличный состав, набор элементов, а форма есть способ организации этих элементов. В данном контексте говорить о содержании «содержательного аспекта» поведения и деятельности человека терминологически будет весьма неудобным и вряд ли целесообразным.

Что касается третьего компонента человеческих действий, названного нами «продуктивно-результативными», то здесь мы имели в виду то, что действие не всегда заканчивается реальным и внешне выраженным результатом, но оно является всегда продуктивным, т.е. дающим основание для формирования той или иной психической функции. Иными словами, любой конкретный акт поведения, или действие, всегда в итоге имеют свой продукт, хотя тот и не всегда выражается во внешнем результате. Кроме того, продуктивно-результативный компонент в психологическом отношении так же имеет характеристики процессуальности, т.е. может быть описан как процесс, началом которого является представление о результате, а заключительным этапом — оценка полученного результата.

Предложенный подход к целостному, функциональному изучению конкретных актов поведения в трехкомпонентном, формализованном их виде и системном понимании позволяет, на наш взгляд, более доказательно осуществить количественный и качественный анализ различных проявлений активности человека.

¹ Брушлинский А. В. Мышление как процесс и проблема деятельности. - Вопросы психологии. 1982. № 2. С.37.

3. Целостно-функциональный подход к анализу активности человека

В отечественной психологической литературе имеются некоторые данные, раскрывающие характер соотношений между различными психодинамическими признаками и успешностью (результативностью) деятельности. Значительно меньше их в отношении связей психодинамических и мотивационно-смысловых характеристик.

Анализ результатов исследований по соотношению психодинамических особенностей человека с показателями успешности деятельности¹ не позволяет заключить о сколько-нибудь устойчивых и закономерных соотношениях между указанными переменными. Это объясняется тем, что суммарные оценки успешности деятельности, получаемые за длительный период времени, находятся под влиянием множества факторов (как постоянно действующих, так и ситуативных), которые порой трудно учесть, что в значительной степени затрудняет выявление истинных взаимоотношений между динамическими и результативными характеристиками.

Что касается взаимоотношений между динамическими и мотивационно-смысловыми характеристиками поведения и деятельности человека, то в ряде исследований указывается на достаточно сложные связи между ними. А именно, в одних случаях динамические особенности человека проявляются вопреки противодействующему влиянию содержательных характеристик и отношений личности. В других, наоборот, влияние содержательных, мотивационных характеристик доминирует и маскирует

¹ Копытова Л. А. Индивидуальные особенности трудовой деятельности наладчиков в спокойной ситуации и при простоях станков в зависимости от силы нервной системы относительно возбуждения. — В кн.: Типологические исследования по психологии личности и по психологии труда. Пермь, 1964. С. 7—42. Малков Н. А. Проявление индивидуально-типологических различий нервных процессов в умственных способностях. — Вопросы психологии. 1966. № 6. Мерлин В. С. и др. Очерк теории темперамента. — Пермь, 1973. — 290 с.

индивидуальные различия в динамических проявлениях поведения человека¹.

В целом же следует отметить, что проблема соотношений динамических характеристик поведения и деятельности с мотивационно-смысловыми (содержательными) параметрами и результативностью деятельности решалась преимущественно при помощи формального сопоставления указанных переменных, фактически изучаемых независимо друг от друга. Такой подход вряд ли может способствовать получению сколько-нибудь содержательных данных относительно влияния психодинамических признаков на результаты деятельности. Необходима, очевидно, другая, принципиально новая модель, как теоретическая, так и экспериментальная, где бы непосредственно учитывалась конкретная включенность динамических характеристик в качестве внутренних составляющих компонентов реализации отдельных актов поведения и действий человека. Предпринятый нами целостно-функциональный анализ индивидуальных проявлений активности человека (см. рисунок) предполагал:

Во-первых, экспериментальное изучение конкретных актов поведения и действий человека в различных сферах, жизнедеятельности, что создавало предпосылки для выявления как наиболее общих закономерностей в проявлениях активности человека, так и специфических их особенностей в психомоторной, интеллектуальной, волевой сферах и сфере общения (см. верхнюю часть рисунка).

¹ Мерлин В. С. и др. Очерк теории темперамента. — Пермь, 1973. — 290 с.

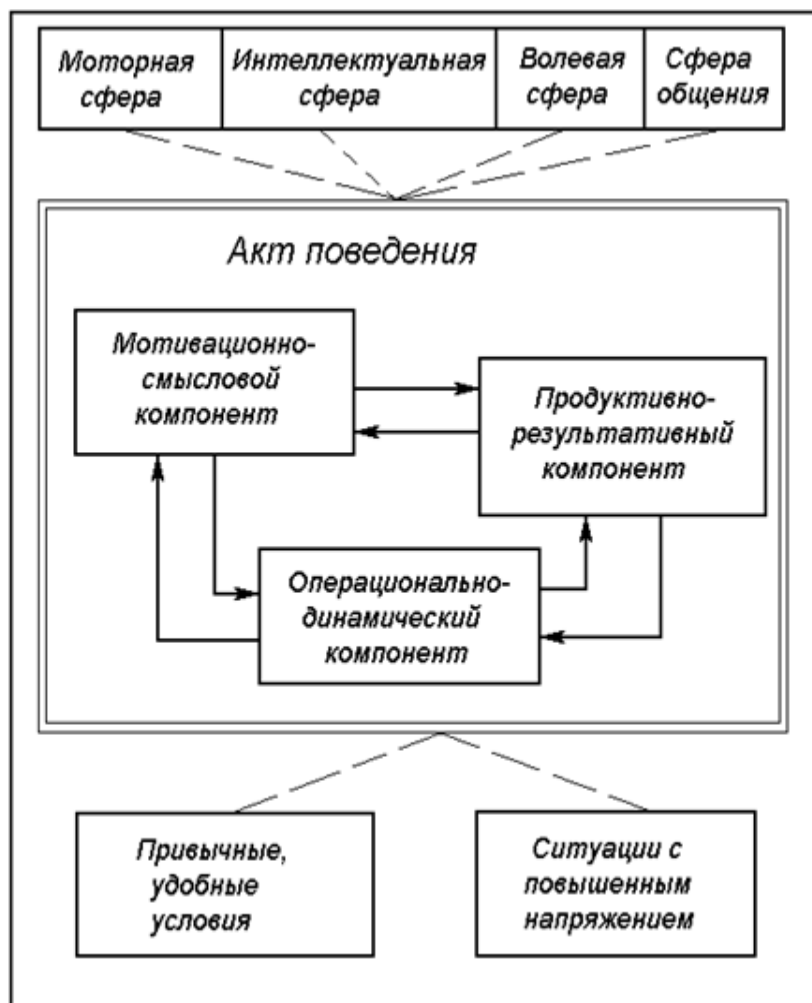

Рис. Схема целостно-функционального анализа индивидуальных проявлений активности человека

Во-вторых, исследование каждого конкретного акта поведения или взаимодействия как со стороны операционально-динамической, так и с других его сторон: мотивационно-смысловой и продуктивно-результативной, что соответствовало

исходной теоретической посылке о системном представлении конкретных актов поведения и действий человека, реализация которых осуществляется при тесном взаимодействии трех указанных и относительно самостоятельных подсистем (см. среднюю часть рисунка).

В-третьих, изучение различных связей и отношений между мотивационно-смысловым, операционально-динамическим и продуктивно-результативным компонентами разнообразных актов поведения производилось с учетом внешних условий и конкретных ситуаций их выполнения в привычной ситуации и в ситуации с повышенным напряжением (максимальный и сверх-максимальный темпы выполнения заданий).

Операционально-динамические характеристики активности (стремление к продолжению психомоторных, интеллектуальных и волевых действий) измерялись в ситуации возможного, но не обязательного продолжения тех или иных действий. Разнообразие вариантов психомоторных, интеллектуальных действий и общительности — в ситуации свободного выбора примеров и действий. Интенсивность психомоторных, интеллектуальных волевых действий оценивалась на основании выполнения скоростно-темповых заданий в удобном и максимальном режимах работы. Указанные динамические характеристики активности каждый раз дополнялись специфическими признаками, исходя из содержания различных актов поведения и действий человека в той или иной сфере жизнедеятельности.

Мотивационно-смысловые характеристики различных актов поведения и действий оценивались в начале и конце опыта по субъективно-личностной шкале Дембо, включающей измерение степени интереса испытуемых к предлагаемым им психомоторным и интеллектуальным заданиям, выраженности субъективных желаний выполнять их и уровня уверенности в точности и правильности выполнения заданий. Кроме того, в конце опыта по шкале Дембо оценивался уровень удовлетворенности испытуемых результатами экспериментальных заданий.

Основанием определения уровня успешности различных действий индивида в предложенных режимах работы (удобном,

максимальном и сверхмаксимальном) служили количества допущенных ошибок и точность выполнения экспериментальных заданий.

Анализ соотношений результативных и операционально-динамических характеристик активности человека в различных сферах жизнедеятельности и разных режимах функционирования выявил первую особенность или специфику связей двух указанных аспектов активности в зависимости от сферы их проявлений. Так, динамические характеристики активности психомоторных и интеллектуальных действий (интенсивность и стремление к продолжению действий) оказались положительно связанными с их успешностью, а показатели разнообразия использования приемов и действий не коррелируют с результативностью психомоторных и интеллектуальных действий. Что касается характеристик общительности (стремления к общению, инициативности, легкости и широты круга общения), то они также положительно коррелируют с показателями успешности, в то время как устойчивость общения оказалась не связанной с результатами деятельности. И наконец, динамические признаки активности волевых действий (интенсивность волевого усилия, длительность удержания цели и стремление к напряженной деятельности) все без исключения оказались тесно связанными с показателями успешности различных действий.

Вторая особенность в соотношениях результативных и операционально-динамических характеристик проявилась в зависимости от условий выполнения тех или иных действий и актов поведения. Так, статистически значимые связи динамических характеристик активности психомоторных, интеллектуальных действий и актов общения с показателями их успешности обнаружили только в ситуации с повышенной нагрузкой, т.е. в условиях максимального и сверхмаксимального режимов работы, и не обнаружили в ситуации с привычным, свободным темпом выполнения предлагаемых заданий. Исключение составляют динамические признаки активности волевых действий, которые дают высокие коэффициенты корреляций с показателями ус-

пешности выполнения различных действий как в той, так и в другой ситуациях.

Полученные данные свидетельствуют о том, что одни динамические признаки активности (интенсивность и стремление к продолжению психомоторных и интеллектуальных действий, стремление к общению, интенсивность, легкость и широта круга общения, стремление к напряженной деятельности, длительность удержания цели и интенсивность волевого усилия) обнаруживают более тесные связи с показателями успешности различных действий, другие же динамические признаки (разнообразие приемов при выполнении психомоторных и интеллектуальных действий, устойчивость общительности) оказались не связанными с показателями результативности. Итак, для различных сфер проявлений активности (психомоторной, интеллектуальной, волевой и для общительности) общим моментом является достаточно отчетливая связь и влияние на продуктивность различных действий таких динамических характеристик активности, как интенсивность производимых индивидом действий и степень выраженности стремления к продолжению активности в той или иной сфере, в ситуациях с повышенными требованиями к деятельности, т.е. в условиях со сверхмаксимальным режимом работы.

Во взаимосвязях мотивационно-смысловых (интерес, желание, уверенность, удовлетворенность) и динамических характеристик активности психомоторных, интеллектуальных и волевых действий так же выявились как общие, так и специфические моменты. Общим является то, что степень выраженности интереса и желания у испытуемых к предлагаемым заданиям коррелирует с динамическими характеристиками активности в основном отрицательно, а показатели уверенности в конце опыта и удовлетворенность выполненными заданиями — положительно. Специфика в соотношениях мотивационно-смысловых и динамических характеристик активности различных действий проявилась в том, что разнообразие вариантов интеллектуальных действий отрицательно связано с показателями удовлетворенности, а аналогичные показатели психомоторных действий — по-

ложительно. Стремление к продолжению психомоторных действий положительно коррелирует с показателями интереса и желания испытуемых к выполненным заданиям, а аналогичные показатели интеллектуальных действий связаны с ними отрицательно. Что касается связей мотивационно-смысловых характеристик общения с динамическими признаками общительности, то из них положительно коррелирует только степень выраженности положительного отношения испытуемых к данным признакам. Широта круга общения обнаруживает тенденцию лишь к положительной связи. Другая субъективно-личностная характеристика — удовлетворенность испытуемых своими качествами общительности — не обнаружила статистически значимых связей ни с одним из динамических признаков общительности.

Таким образом, выявленные соотношения между результативными и динамическими характеристиками, с одной стороны, динамическими и мотивационно-смысловыми, с другой, свидетельствуют о том, что реализация конкретных проявлений активности человека осуществляется при тесном взаимодействии трех указанных компонентов. Типы взаимодействий и характер связей мотивационно-смыслового, операционально-динамического и продуктивно-результативного компонентов человеческих действий определяются непосредственными условиями и спецификой приспособительных функций тех или иных действий, направленных на установление оптимальных взаимоотношений человека с окружающей средой.

Предпринятый целостно-функциональный анализ индивидуальных проявлений активности в различных сферах жизнедеятельности с учетом конкретных внешних условий открывает новые возможности в изучении собственно психологических механизмов активности человека.

М.Дж. Аптер

Теория реверсивности и человеческая активность¹

Цель данной статьи — познакомить советских психологов с одним из подходов к проблеме мотивации и поведения, известным под названием «теория реверсивности» (reversal theory). Основные положения этой теории были впервые сформулированы британскими психологами К. Смитом и М. Аптером в середине 70-х гг. Позднее данный подход был развит и представлен уже в виде развернутой теории².

В настоящее время теория реверсивности широко используется в психологических исследованиях. Состоялись две международные конференции, целиком посвященные ее рассмотрению; материалы первой конференции опубликованы³.

Рассматриваемая теория представляет собой попытку интегрировать данные, получаемые в разных областях психологии, в единое целое и дать им объяснение. Вместе с тем в ней отчетливо обозначен практический аспект (изначально она создавалась для нужд практической помощи больным детям; и сейчас она используется клиницистами и психологами в других прикладных областях).

В рамках данной теории вводится новый — метамотивационный — уровень психологического анализа. Формулируется представление о процессе метамотивационной реверсивности, который психологи раньше не исследовали.

Основные положения теории

Рамки статьи позволяют лишь в самом общем виде охарактеризовать основные понятия теории реверсивности (полное и

¹ Аптер М.Дж. Теория реверсивности и человеческая активность // Вопросы психологии. 1987, № 1. С.162-199

² Apter M. J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. L., N.Y.: Academic Press, 1982. 378 p.

³ Apter M. J., Fontana D., Murgatroyd S. (eds). Reversal theory: Application and developments. Cardiff: University College Press, 1985. 203 p.

подробное их описание содержится в¹). Но мы постараемся создать у читателей журнала достаточно убедительное представление о теории в целом.

Анализ теории реверсивности удобно начать с положения, которое совпадает с названием книги «Субъективное переживание опыта мотивированности»². Центральным вопросом проблемы мотивации является взаимоотношение между испытываемой индивидом интенсивностью активации (arousal) и уровнем гедонического тона. Теория реверсивности иначе рассматривает это отношение, чем, скажем, существующая в психологии уже тридцать лет теория оптимума бодрствования. Эта теория, основы которой были заложены в исследованиях Д. Хебба и У. Томсона³ и Д. Хебба⁴, претерпела значительные модификации, однако ее неизменным элементом остается представление о том, что существует лишь одна система активации, на которой можно построить лишь одну точку оптимума активации. (В нашем последующем изложении понятия «оптимум» и «предпочитаемый индивидом уровень активации» будут относиться к гедоническому тону, но не к самой деятельности.) Ряд психологов (см. ⁵) пробовали развить эту идею, введя предположение, что точка оптимума активации может перемещаться; но при этом сама система задана в одном измерении, а точка оптимума располагается где-то посередине шкалы активации.

¹ Apter M. J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. L., N.Y.: Academic Press, 1982. 378 p. Apter M. J., Fontana D., Murgatroyd S. (eds). Reversal theory: Application and developments. Cardiff: University College Press, 1985. 203 p.

² Apter M. J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. L., N.Y.: Academic Press, 1982. 378 p.

³ Hebb D. C., Thompson W. R. The social significance of animal studies // Lindzey G. (ed.). Handbook of social psychology. Cambridge, Ma.: Addison-Wesley, 1954.

⁴ Hebb D. C. Drives and the C.N.S. (conceptual nervous system) // Psychol. Rev. 1955. V. 62. P. 243—254.

⁵ Fiske D. W., Maddi S. R. Functions of varied experience. Homewood, Ill.: Dorsey, 1961.

В противоположность этому теория реверсивности предполагает существование двух альтернативных систем, каждая из которых имеет свою точку оптимума; таким образом, то, что раньше рассматривалось с позиции гомеостаза, мы рассматриваем с позиции амбивалентности¹. Кроме того, эти две точки оптимума, или «предпочитаемые уровни», сдвинуты к противоположным концам шкалы активации. Таким образом, существует не один уровень активации, к которому индивид стремится и который ощущается им как приятный, а как бы два уровня, из которых индивид предпочитает только один в данный момент, и этот уровень соответствует той системе активаций, которая находится в действии. Кроме того, переключение с одной системы на другую требует переключения одного уровня на другой, и это переключение может быть вызвано одним из многих факторов, рассматриваемых ниже. Поскольку предполагается, что два альтернативных предпочитаемых уровня «направлены» к противоположным концам шкалы испытываемой индивидом активации, такие переключения можно назвать реверсиями.

Эта мысль может быть пояснена с помощью рисунка, на котором мы видим две гипотетические кривые, отражающие соотношение уровня активации и гедонического тона, вместо одной кривой, принятой в теории оптимума бодрствования. Каждая из этих кривых относится к разным системам; одна из них может быть определена как «система избегания» активации, другая — как «система поиска» активации. На любом уровне активации, согласно данной теории, возможно переключение уровня гедонического тона, соответствующего одной кривой, на уровень, относящийся ко второй, — т.е. обратимость (реверсия). Одним из результатов такого переключения может быть внезапная смена гедонического тона по отношению к испытываемому в данный момент уровню активации.

¹ Apter M. J. On the concept of distability // Internat. J. of Gen. Systems. 1981. V. 6. P. 225—232.

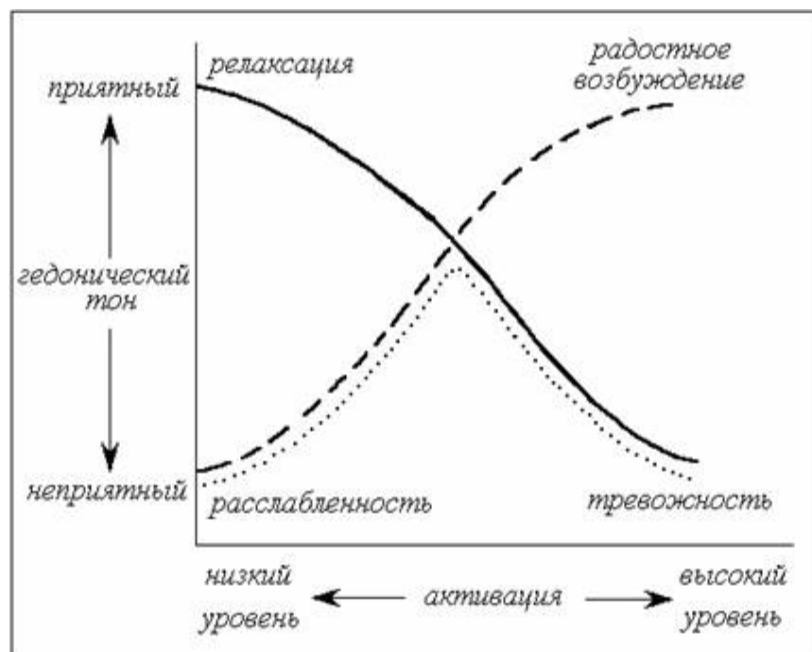

Рис. Взаимоотношения между уровнями активации и гедонического тона в теории реверсивности.

Сплошная линия соответствует системе избегания уровня активации; пунктирная линия — системе поиска высокого уровня активации. Линия, состоящая из точек, обозначает единственную систему, рассматриваемую в теории оптимума бодрствования.

Такой взгляд на взаимоотношение между испытываемым гедоническим тоном и уровнем активации по нескольким причинам более конструктивен в сравнении с теорией оптимума бодрствования.

Во-первых, кривые, построенные в соответствии с теорией обратимости (см. рис.), объясняют, почему и во время напряженного хоккейного матча (высокий уровень активации), и при релаксации после рабочего дня (низкий уровень активации) состояние субъективно переживается как приятное.

Во-вторых, теория позволяет описать *четыре* комбинации приятных и неприятных, высоких и низких уровней активации, а именно: радостное возбуждение, тревожность, релаксация и расслабленность — и структурные отношения между ними. Эти четыре типа активации приблизительно отражены на рисунке. Теория оптимума бодрствования не может описать эти четыре состояния с помощью единственной кривой и поэтому содержит неправомерные допущения, например, о том, что радостное возбуждение всегда является более низкой формой активации, чем тревожность (см.¹). Подобное допущение означает, что по мере усиления активации радостное возбуждение появляется раньше тревожности и что индивид всегда испытывает его после снижения тревожности. Такие представления опровергаются нашим повседневным опытом.

В-третьих, теория реверсивности объясняет скачкообразный характер ощущений, вызываемых активацией; становится понятно, почему тревожность может почти мгновенно обратиться в радостное возбуждение и наоборот. Подобно теории перехода возбуждения Ф. Зилмана², она помогает объяснить такие психологические феномены, как наслаждение, испытываемое при занятии опасным видом спорта (можно предположить, что остаточное возбуждение переживается как радостное после того, как опасность, вызвавшая активацию, миновала).

В соответствии с теорией реверсивности две различные системы предпочитаемой активации тесно связаны и в каком-то смысле могут рассматриваться как подсистемы систем более широкого психологического плана, которые в рамках данной теории обозначаются как целевая и метациелевая. Эти две системы хорошо описываются в терминах феноменологических состояний. Индивид, находящийся в целевом состоянии, воспринимает себя как направленного в своих действиях на некоторую определенную и важную цель. Метациелевое состояние отражает

¹ Hebb D. C. Drives and the C.N.S. (conceptual nervous system) // Psychol. Rev. 1955. V. 62. P. 243—254.

² Zillman D. Excitation transfer in communication-mediated aggressive behavior // J. of Exp. Soc. Psychol. 1971. V. 7. P. 419—434.

ориентированность индивида на процесс, на исполнительный аспект деятельности. В этом случае цель воспринимается индивидом как нечто вторичное или случайное по отношению к процессу. Иными словами, происходит смещение значимости с цели на процесс исполнения деятельности, когда в фокусе внимания индивида оказывается либо одно, либо другое. При реверсии возникает нечто сходное с перефокусировкой при зрительном восприятии, когда в фокусе внимания оказывается либо предмет, либо фон.

Рассмотрим ситуацию, в которой возможны два разных состояния, связанные с действием одной из двух систем (целевой или метацелевой). Скажем, человек идет к месту назначения. В первом случае он стремится достичь эту цель оптимальным способом (например, меняет вид транспорта). Во втором случае он сосредоточен на прогулке, на удовольствии, связанном с ней, а цель — достичь место назначения — оказывается несущественной.

В целевом состоянии, которое связано с умеренной активацией и предпочтением релаксации, индивид сконцентрирован в большей мере на будущем, нежели на настоящем, и пытается тщательно планировать свои действия. Метацелевое состояние обычно связано с высокой активацией; индивид испытывает легкость и комфорт; для него характерны направленность на настоящий момент, спонтанность и непринужденность в поведении и минимум планирования. Теория реверсивности, таким образом, рассматривает целевое и метацелевое состояния как амбивалентную пару двух комплементарных феноменологических состояний, каждое из которых неустойчиво и может переходить одно в другое. Эти состояния определяются главным образом направленностью на цель или на процесс.

Выделим три группы факторов, которые вызывают переключение с целевой системы на метацелевую.

1. *Случайные факторы.* Имеются в виду события и ситуации, которые, будучи соответствующим образом проинтерпретированы индивидом, облегчают или вызывают реверсии. Например, внезапная физическая опасность может привести в действие целевую систему (так как метацелевое состояние в мень-

шей степени способно спасти от опасности); при этом такие коммуникативные знаки, как «нахмуренное лицо», могут вызвать переключение на целевую систему, а улыбка или дружелюбный взгляд — скорее на метацелевую. Такие ситуации, как приемная в больнице, обычно вызывают целевое состояние, а спортивная площадка — с большей вероятностью — метацелевое.

2. *Фрустрация.* Смену одной системы на другую могут вызвать разного вида фрустрации (особенно очень сильные). Например, если индивид убеждается, что цель, которой он добивался, ему недоступна, то он в какой-то момент может переключиться на метацелевое состояние, в котором свободно проиграет в уме ситуацию «цель достигнута».

3. *Насыщение.* Имеются в виду факторы, вызывающие накопление внутренних предпосылок к смене состояний благодаря насыщению. Внешне такое переключение может выглядеть, как не зависящее от ситуации, событий и т.д.

Мы предполагаем, что существует внутренняя динамика изменения состояний. В этом смысле обратимость (реверсия) выделенных систем не отличается от смены процессов сна и бодрствования: если кто-либо достаточно долго бодрствовал, он неизбежно на каком-то этапе будет спать, несмотря ни на что; и наоборот, отлично выспавшийся человек на каком-то этапе неизбежно перейдет в состояние бодрствования. Теория реверсивности объясняет переключение внутренних состояний воздействием не только внешних факторов. Более того, мы считаем, что благодаря свойству насыщения внутреннее состояние может противостоять воздействию конкретной ситуации и проявляться относительно независимо от нее. Активация целевой или метацелевой системы, а также переключение с одной системы на другую возможны вопреки внешним обстоятельствам. Очевидно также, что реверсия — процесс достаточно произвольный, который происходит всякий раз, когда действие совокупности факторов, «требующих» смены системы, сильнее, чем действие совокупности факторов, препятствующих этому.

В связи со сказанным выше интересно посмотреть, какое место в метамотивационном процессе занимает рефлекс «переключения», описанный Э.А. Асратяном (см.¹).

Теория реверсивности вводит одно общее и важное предположение о том, что сама природа человеческой психики обладает внутренней непоследовательностью и внутренней самопротиворечивостью. В какой-то момент человек может страстно желать события, вызывающего волнение и приятное возбуждение, и он же в другой момент будет стремиться уйти от этого события; в какой-то момент человек может воспринимать дело, которым она занимается, как тягостную обязанность, а в другой момент — как творческую игру. Существует внутренняя взаимообратимость процессов, которая определяет изменчивость и сложность поведения человека.

Все вышеизложенное отнюдь не означает отрицания стабильности и последовательности психических состояний. Одним из «стабилизирующих» факторов является внутреннее «пристрастие» к активации одной из систем. Назовем это свойство системы доминированием. Индивид, у которого преобладает активация целевой системы, с большей вероятностью, при прочих равных условиях, будет склонен заниматься вещами, которые он считает «серьезными», будет избегать ситуаций, вызывающих волнение и дополнительное напряжение, будет стремиться к таким видам деятельности, которые содержат в себе, с его точки зрения, «серьезные перспективы на будущее». Индивид с доминированием метацелевой системы с большей вероятностью, при прочих равных условиях, будет работать легко и играючи, он ориентирован на «сейчас» и «здесь» и находится в поиске событий, приносящих волнение, связанных с эмоциональным возбуждением и азартом. Преобладание той или другой доминанты — свойство достаточно индивидуальное. Но можно сказать, что вызвать активацию целевой системы у индивида с доминантной

¹ Cowles M., Davis C. Strength of the nervous system and reversal theory // Apter M.J., Fontana D., Murgatroyd S. (eds). Reversal theory: Applications and developments. Cardiff: University College Press, 1985. P. 129—143.

метацелевой системой сложнее, чем у индивида с преобладанием целевой системы вызвать активацию метацелевой.

Возникает вопрос: не отражает ли доминирование целевой или метацелевой системы «силу нервной системы» (по И.П. Павлову)? М. Коулз и Ч. Дейвис¹ выдвигают предположение о существовании связи между слабым типом нервной системы и тенденцией к избеганию активации (и, таким образом, доминированием целевой системы) и, соответственно, между сильным типом нервной системы и тенденцией к поиску высокого уровня активации. Эти же авторы предполагают, что доминирование целевой системы чаще всего присуще людям с высокой реактивностью и низкой активностью (в терминах Я. Стреляу²) и что индивид с доминированием метацелевой системы обладает низкой реактивностью и высокой активностью. Эти предположения достаточно важны и заслуживают экспериментальной проверки. Обнаруживается сходство и с предлагаемым А.М. Матюшкиным делением всех видов активности на продуктивный и адаптивный типы и представленной в его работе классификацией познавательной активности индивидов³.

Следует подчеркнуть, что доминирование целевой или метацелевой системы не является устойчивой индивидуальной характеристикой, так как люди, у которых доминирует целевая система, в определенные периоды оказываются под преобладающим влиянием метацелевой системы, а опыт, связанный с переживанием игры своих сил, и поиск напряженных событий столь же приятны для таких индивидов как и для тех, у кого преобладает метацелевая система. Кроме того, целевая и метацелевая системы прямым образом не зависят ни от ситуационных факторов, ни от воздействия той или иной эмоции. В этом

¹ Cowles M., Davis C. Strength of the nervous system and reversal theory // Apter M.J., Fontana D., Murgatroyd S. (eds). Reversal theory: Applications and developments. Cardiff: University College Press, 1985. P. 129—143.

² Strelau J. Temperament, personality, activity. L.: Academic Press, 1983.

³ Матюшкин А. М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности // Вопр. психол. 1982. № 4. С. 5—17.

отношении теория реверсивности не является статичной, она лишь предлагает новый подход к традиционному для западной психологии спору, который можно обозначить как «состояние или свойство?».

Прежде чем закончить данный раздел статьи, необходимо ввести две другие пары метамотивационных систем: негативизм — конформизм и управление — эмпатия. Первая пара отражает крайние точки на шкале оценки человеком своих реакций на внешнее давление (действует ли он в соответствии с давлением или в противовес ему); а вторая — крайние точки на шкале оценки человеком своих взаимоотношений с другими людьми (оказывающий воздействие или уступающий воздействию в случае управления и симпатизирующий или вызывающий симпатии — в случае эмпатии). Дополнительную информацию по этой проблеме и другим вопросам теории реверсивности, таким, как направленность мышления (взаимопротивоположные тенденции в отношениях к предмету, другому человеку или к ситуации), можно найти в¹. Круг этих идей позволяет Теории реверсивности дать последовательное и целостное объяснение ряду различных других явлений, таких как эстетические переживания², сексуальные извращения³, асоциальное поведение в детском, подростковом и юношеском возрастах⁴, семейные отношения¹, соз-

дание религиозных мифов и ритуалов² и чувство юмора. Например, показано, что юмор может рассматриваться как форма высокой метацелевой активности, которая также может быть описана некоторыми характеристиками направленного мышления.

Экспериментальные исследования

Гипотезы, выдвинутые в рамках теории реверсивности, исследовались, в частности, с помощью психометрических измерений. Для измерения целевой доминанты применяется шкала TDS, состоящая из трех подшкал, по 14 пунктов в каждой. С помощью трех подшкал измеряются серьезность настроя, уровень планирования своей деятельности и степень избегания активации. Любой пункт подразумевает три возможных ответа: указывающий на целевую или метацелевую ориентацию и «не уверен»; подсчитывается количество ответов, выявляющих целевую ориентацию. Полученные по трем субшкалам баллы суммируются; их максимальное число (42) говорит о безусловном доминировании целевой системы у испытуемого.

Эта шкала сейчас используется для экспериментальных и прикладных целей во многих странах мира, она переведена на несколько языков. (Об усовершенствовании, валидации и применении теста см.³) Существует довольно простой способ выявления того, в каком состоянии (целевом или метацелевом) находится индивид в определенный момент времени. В основном эти измерения применялись в исследованиях по психофи-

¹ Apter M. J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. L., N.Y.: Academic Press, 1982. 378 p. Apter M. J., Fontana D., Murgatroyd S. (eds). Reversal theory: Application and developments. Cardiff: University College Press, 1985. 203 p.

² Apter M. J. Metaphor as synergy // Miall D.S. (ed.). Metaphor: Problems and perspectives. Sussex: Harvester Press, 1982. P. 55—70. Apter M. J. Reversal theory, cognitive synergy and the arts // Crozier W. R., Chapman A. J. (eds). Cognitive processes in the perception of art. Amsterdam: North Holland, 1984. P. 411—426.

³ Apter M. J., Smith K. C. P. Sexual behavior and the theory of psychological reversals // Cook M., Wilson G. (eds). Love and attraction: An international conference. Oxford: Pergamon Press, 1979. P. 405—408.

⁴ Apter M. J. Negativism and the identity // Breakwell G. (ed.). Threatened identities. L.: Wiley, 1983. P. 75—90.

¹ Apter M. J., Smith K. C. P. Psychological reversals: Some new perspectives on the family communication // Family Therapy. 1979. V. 6. N 2. P. 89—100.

² Apter M. J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. L., N.Y.: Academic Press, 1982. 378 p. Apter M. J. Religious states of mind: A reversal theory interpretation // Brown L.B. (ed.). Advances in the psychology of religion. Oxford: Pergamon Press, 1985. P. 62—75.

³ Murgatroyd S. The nature of telic dominance // Apter M. J., Fontana D., Murgatroyd S. (eds). Reversal theory: Applications and development. Cardiff: University College Press, 1985. P. 20—41.

зиологии. В работах С. Свебека и его коллег¹ показано, что доминирование целевого с преобладанием целевой системы; у последних наблюдается также более глубокое грудное дыхание; у индивидов с преобладанием метацелевой системы при решении задач в эксперименте более отчетливо выражены Θ и β -волны ЭЭГ, синхронизация у них (в сравнении с индивидами, у которых доминирует целевая система) охватывает более обширные области коры больших полушарий. Интересно, что такие явно выраженные психофизиологические характеристики соотносятся не только с психометрическими показателями доминирования целевого состояния, но и с различиями в образе жизни, выявленными с помощью интервью.

Если сила теории состоит в способности предсказывать нечто неожиданное, то можно сказать, что теория реверсивности обладает такой силой. Рассмотрим два примера. Первый: из теории реверсивности следует, что стресс не у всех вызывает отрицательные эмоции; напротив, среди индивидов, у которых преобладает метацелевая система, встречаются те, кто в какой-то степени получает удовольствие от стресса (правда, лишь до определенного уровня), так как стресс вызывает высокую активацию.

¹ Svebak S. The effect of information load, emotional load and motivational state upon tonic psychological activation // Ursin H., Muriison R. (eds). Biological and psychological basis of psychosomatic disease: Advances in the biosciences. V. 42. Oxford: Pergamon Press, 1983. P. 61—73. Svebak S. Active and passive forearm flexor tension patterns in the continuous perceptual-motor task paradigm: The significance of motivation // Internat. J. of Psychophysiol. 1984. V. 2. P. 167—176. Svebak S. Psychophysiology and the paradoxes of felt arousal // Apter M. J., Fontana D., Murgatroyd S. (eds). Reversal theory: Applications and developments. Cardiff: University College Press, 1985. P. 42—58. Svebak S., Murgatroyd S. Metamotivational dominance: A multimethod validation of reversal theory constructs // J. of Pers. and Soc. Psychol. 1985. V. 48. N 1. P. 107—116. Svebak S., Storffjell O., Dalen K. The effect of a threatening context upon motivation and task-induced physiological changes // Brit. J. of Psychol. 1982. V. 73. N 4. P. 505—512.

цию. В работе Р. Мартина¹ подтверждено это предположение. Работая с канадскими студентами, он показал, что для индивидов с преобладанием целевой системы чем сильнее стресс, тем больше тревожность (стресс и тревожность измерялись с помощью тестов²). Для лиц с доминированием метацелевой системы характерно обратное: до определенного уровня чем сильнее стресс, тем лучше настроение. (Это не значит, что испытуемые были менее уязвимы для стресса: до какой-то степени они получали от него удовольствие, но по мере возрастания силы стресса все большее число членов группы переходили в целевое состояние.)

Второй пример: с помощью теории реверсивности можно предсказать, что если дать человеку возможность выбирать из ряда стимулов, расположенных по шкале от высокоактивирующих до максимально снижающих активацию, то, так как каждый индивид находится в определенный момент времени либо в состоянии поиска активации, либо в состоянии ее избегания, он будет проявлять тенденцию к выбору скорее экстремальных, чем средних по величине стимулов, к переключению время от времени с одного экстремального стимула на другой, «пропуская» промежуточные стимулы. Расположив цвета спектра индивидуально для каждого испытуемого в соответствии с их активизирующим или снижающим активацию воздействием, Дж. Уолтере, М. Аптер и С. Свебек³ установили, что когда испытуемых (было протестировано 116 человек, в основном служащих) про-

¹ Martin R. Telic dominance, stress and moods // Apter M. J., Fontana D., Murgatroyd S. (eds). Reversal theory: Applications and developments. Cardiff: University College Press, 1985. P. 59—71.

² Sandier I. N., Lakey E. Locus of control as a stress moderator: The role of control perceptions and social support // Amer. J. of Comm. Psychol. 1982. V. 10. P. 65—80. Kanner A. D., Coyne J. C., Schaeffer C., Lazarus R. S. Comparison of two modes of stress measurement: Daily hassles and uplifts versus major life events // J. of Behav. Med. 1981. V. 4. P. 1—39. McNair D. M., Lorr M., Droppleman L. F. The profile of mood states. San Diego: Edits, 1971.

³ Walters J., Apter M. J., Svebak S. Colour preference, arousal and the theory of psychological reversals // Motivation and Emotion. 1982. V. 6. N 3. P. 193—215.

сили выбрать цвет, соответствующий их состоянию, через одинаковые временные интервалы рабочего дня (некоторых рабочих тестировали 8 дней), они выбирали такие цвета, которые соответствовали или очень низкому, или очень высокому уровню активации, «пропуская» промежуточные цвета и переходя время от времени от одной крайности к другой. Иными словами, частота распределения выборов уровня активации (что определялось выбором цвета) имела амбивалентный характер, как и предполагалось теорией реверсивности, и не соответствовало «нормальному» закону, как следовало из теории оптимума бодрствования.

Более свежее и подробное описание исследований по теории обратимости см. в ¹.

Практическое использование

В клинических условиях теория реверсивности широко используется для разработки эффективных методов лечения². Последнее время все большее число психотерапевтов руководствуется ими в своей практической деятельности (см. ³).

На основании теории в целях диагностики была построена новая классификационная система невротических нарушений. Предполагается, в частности, что существует небольшой набор основных типов психопатологических изменений, которые мо-

гут быть определены в мотивационных терминах (см. ¹). Новое понимание этих проблем позволяет точнее выбирать формы терапии. Более подробно приложения такого подхода обсуждались применительно к проблемам принятия решений в кризисных ситуациях², биологической обратной связи³ и семейной психотерапии⁴.

Теория реверсивности находит применение и в других областях прикладной психологии. Психологи, занимающиеся профотбором, успешно применяют тест на целевую доминантность для выявления таких характеристик личности, как любовь к риску, умение планировать, принимать решения в условиях неопределенности, концентрироваться в случае опасности, целеустремленность и т.д.

Интересные результаты дает применение теории обратимости в процессе обучения. Некоторые психологи утверждают, что для процесса обучения важны оба состояния — целевое и метациелевое, в зависимости от времени и поставленной задачи. Например, предполагается, что метациелевое состояние способствует возникновению у детей творческих и оригинальных идей⁵. Поэтому организация психолого-педагогического процесса (расписание занятий, дизайн классного интерьера) должна быть дос-

¹ Apter M. J. Reversal theory and personality: A review // J. of Res. in Pers. 1984. V. 18. P. 265—288.

² Murgatroyd S., Apter M. J. Eclectic psychotherapy: A structural-phenomenological approach // Dryden W. (ed.). Individual psychotherapy in Britain. L.: Harper and Row, 1984. P. 389—414.

³ Blackmore M., Murgatroyd S. Anne: The disruptive infant // Murgatroyd S. (ed.). Helping the troubled child: Interprofessional case studies. L.: Harper and Row, 1980. Seldon H. Patricia: A problem of adjustment // Murgatroyd S. (ed.). Helping the troubled child: Interprofessional case studies. L.: Harper and Row, 1980.

¹ Apter M. J. The experience of motivation: The theory of psychological reversals. L., N.Y.: Academic Press, 1982. Гл. 11. Murgatroyd S. Reversal theory: A new perspective on crisis counselling // Brit. J. of Guidance and Counselling. 1981. V. 9. N 2. P. 180—193.

² Murgatroyd S. Reversal theory: A new perspective on crisis counselling // Brit. J. of Guidance and Counselling. 1981. V. 9. N 2. P. 180—193.

³ Svebac S., Sloyva J. High arousal can be pleasant and exciting. The theory of psychological reversals // Biofeedback and Self-Regulation. 1980. V. 5. N 4. P. 439—444.

⁴ Apter M. J., Smith K. C. P. Psychological reversals: Some new perspectives on the family communication // Family Therapy. 1979. V. 6. N 2. P. 89—100.

⁵ Fontana D. Educating for creativity // Apter M. J., Fontana D., Murgatroyd S. (eds). Reversal theory: Applications and developments. Cardiff: University College Press, 1985. P. 72—88.

таточно гибкой, чтобы вызывать по мере необходимости активацию той или иной мотивационной системы.

Основное положение теории реверсивности состоит в следующем: существует ряд альтернативных систем, определяющих взаимодействие индивида с внешней средой; в каждый момент времени действует одна из систем пары. Личность постоянно изменяется, находится в движении. Поэтому, на наш взгляд, любая теория, которая не принимает во внимание такую изменчивость, создает упрощенную и неубедительную модель человеческой природы. Если мы хотим получить полную и убедительную картину активности человека, мы должны учитывать изменения, которые происходят на метамотивационном уровне. Это утверждение проводит четкую границу между теорией реверсивности и другими теориями мотивации, основывающимися на идее гомеостаза (равновесия), а также теориями личности, основывающимися на идее постоянства психологических характеристик человека. <...>

Раздел II. Проблема коммуникативной активности в психологической науке

А.А. Бодалев

Проблема активности в общении¹

Раскрытию сущности активности способствует логико-семантический анализ этого понятия. Слово «активность» происходит от латинского *activus* и означает деятельное участие в чем-либо, энергичную деятельность, инициативность.

Активность как научная категория исследуется в самых различных аспектах: в биологическом – как реакция организма на раздражение внешней среды, в физиологическом – как одна из регулятивных функций мозга. Широко это понятие используется в кибернетике.

Сущность активности в научных трудах философов, психологов, педагогов раскрывается с помощью понятия «деятельность», но их соотношение трактуется по-разному:

1. Активность рассматривается как общая характеристика живых систем. Деятельность выступает как специфическая для социальной формы активность, т.е. является обобщенной характеристикой человеческой активности, а активность как высший этап деятельности (Б.А. Душков, А.Н. Леонтьев, А.В. Маргулис).

2. Понятия «активность» и «деятельность» отождествляются (В.П. Иванов, П.Е. Кряжев).

3. Активность толкуется как качественная характеристика деятельности, степень ее проявления, показатель ее уровня (В.З. Коган, Л.П. Станкевич).

4. Активность определяется как черта личности, ее свойство (Б.Г. Ананьев, Г.С. Костюк, Т.Н. Мальковская, К.К. Платонов).

Разделяя первую точку зрения, мы все-таки считаем необходимым изучать активность личности как самостоятельную кате-

¹ Бодалев А.А. Психология общения. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. С.16-27.

горию, как особое социальное явление. Биологическая активность человека является лишь предпосылкой для формирования ее как социального явления.

Неправомерно, на наш взгляд, и отождествлять понятия «активность» и «деятельность». Личность формируется и развивается в процессе деятельности, но в зависимости от особенностей последней и от отношения личности к ней активность может иметь разные уровни, приобретать различный характер.

Подход к определению активности как качественной характеристики деятельности личности является правильным, но не исчерпывающим сущности активности. Следует добавить, что активность определяет качество деятельности, но весьма специфически – через отношение субъекта к процессу деятельности.

Таким образом, активность можно рассматривать как черту личности, которая проявляется в отношении человека к деятельности: состоянии готовности, стремлении к самостоятельной деятельности, качестве ее осуществления, выборе оптимальных путей достижения цели.

Активность в общении как вид социальной активности личности в психологической литературе определяется:

а) как состояние взаимодействующих людей, которое характеризуется стремлением к установлению межличностных контактов, волевыми усилиями при их налаживании, целеустремленностью и инициативой в познании друг друга, настроением на установление и поддержание контактов;

б) как качество коммуникативной деятельности, в которой проявляется личность человека с его отношением к целям, содержанию, форме и результатам общения и стремлением мобилизовать свои познавательные-волевые усилия на решение различных задач;

в) как проявление творческого отношения индивида к партнерам по общению;

г) как личностное образование, выражающее познавательный, эмоциональный и поведенческий отклик на обращение другого человека.

Рассмотренные подходы объединяет положение о том, что положение о том, что источником активности в общении является потребность личности в самовыражении, в получении информации от другого человека, в выработке единой точки зрения и т.п.

Как показали отдельные исследования, у определенной части людей эта потребность выступает как чисто коммуникативная. Но гораздо чаще активность в общении люди проявляют потому, что хотят лучше осуществлять совместную деятельность, самоутвердиться, посеять в душах разуверившихся во всем людей росток надежды и т.д. Следует отметить, что в течение дня у человека актуализируются самые разные потребности, поэтому и формы коммуникативной активности могут быть в той или иной степени различными.

Во всех описанных случаях человек выступал субъектом общения, но ведь ему приходится быть и объектом. Тогда инициирование с его стороны большей или меньшей коммуникативной активности будет зависеть от того, какую потребность в структуре его личности сумеет «задеть» вступивший в контакт с ним человек.

Если эта потребность окажется очень значимой для объекта общения, он пойдет на активное взаимодействие. Если же она будет бесконечно слабой активности с его стороны не последует.

Следовательно, активность в общении можно рассматривать в двух ее составляющих «реакция» и «акция». «Реакция» предполагает ответ на внешнее воздействие другого человека, отражающее вторичную активность, «акция» – ответ на внешнее воздействие, отражающее первичную активность, основанную на внутренних, субъективных механизмах самоуправления. В первом случае активность имеет временной показатель действия, во втором – качественный уровень деятельности.

Положив в основу классификации принцип системности, динамичности и развития, рассмотрим:

1) активность осознания целей, мотивов, результатов общения участвующими в нем людьми;

2) активность переживаний и сопереживаний во время общения;

3) активность и меру стереотипности и творчества во время общения;

4) активность поведения (обращения, согласно В.Н. Мясищеву) в ходе общения;

5) характер и меру управления этой активностью.

Следует отметить, что для оценки субъекта общения необходимо учитывать активность каждой ее составляющей (познавательной, эмоционально-потребностной, поведенческой сфер), суммарную активность, количество связей разного уровня.

Каковы же критерии активности в общении?

В психологической литературе наиболее часто указываются: инициативность, интенсивность, широта, глубина, особенности полученного результата, положительное отношение к общению (интерес, сопровождение общения стеническими чувствами), самостоятельность, осознанность саморегуляции своего поведения в общении, воля (упорство в достижении цели, настойчивость, целеустремленность), творчество.

В ряде исследований детализированы критерии коммуникативной активности людей: самокритичность, ярко выраженная рефлексия в общении; свобода в оперировании приобретенным багажом специальных знаний и умений, решение задач различного уровня трудности, стремление и умение искать и находить причины того или иного оборота, который приобретает общение и влияние на полученный результат. Однако авторы зачастую не выделяют оснований для определения критериев активности, поэтому названные признаки характеризуют и качество деятельности, и личность, и характер.

Следовательно, при отборе критериев необходимо учитывать: 1) ситуации, включая различные виды деятельности, в которых проявляется коммуникативная активность; 2) характер отношения личности к деятельности и к ее участникам; 3) волевые усилия личности в достижении целей общения (активность потенциальная и реальная); 4) характер активности в общении (активность творческая, репродуктивная); 5) устойчивость, длительность, динамику проявления коммуникативной активности (активность ситуативная или интегральная).

Каждый из указанных уровней активности можно ранжировать по степени ее проявления – высокая, средняя, низкая. Следовательно, уровень коммуникативной активности отражает изменение характера общения субъекта, его способности осваивать многообразные способы и средства познания другого человека и воздействия на него, а ее степень выражает умение максимизировать коммуникативные действия в пределах того или иного уровня. Идеал коммуникативной активности личности – это всесторонность (охватывает все стороны личности, проявляется во всех видах общения), устойчивость творческий характер проявления на основе положительной мотивации, а антипод реализованной активности – пассивность, инертность, безволие, безразличие, безучастное отношение к процессу общения и его участникам.

Важно отметить, что потенциальная активность характеризует личность со стороны стремления и готовности ее к общению. Стремление проявляется в интересе, в желании удовлетворить любопытство.

Готовность к реальной активности предполагает определенные мотивы коммуникативной деятельности, владение исходными знаниями о людях, с которыми предстоит общаться, методами фиксации особенностей их внешнего и внутреннего облика, а также вербального и невербального поведения, умением слушать и др. Однако сами по себе эти показатели еще не превращают потребность в общении в конкретные действия. Здесь важен механизм воли, которая при необходимости переводит потенциальную активность в реальную.

В зависимости от характера участия человека в реальном общении различают репродуктивную (исполнительскую) творчески реализованную коммуникативную активность. Попытки представить детально уровни коммуникативной активности сейчас предпринимаются.

На меру и характер активности человека в общении всегда влияют деятельность и отношения. Ведь чтобы достичь цели совместной деятельности и свои собственные, личность должна вступать в контакты с другими участниками. При этом частота,

содержание и форма этих контактов зависят от понимания личностью своей роли в этой деятельности, от ее способности выполнять эту роль, а также от характера ее взаимоотношений с партнерами.

Общение, как известно, подразделяется на деловое и межличностное (формальное и неформальное). И в зависимости от того, какое оно, различаются и особенности психической активности, которые эти виды общения характеризуют.

Деловое общение – это взаимодействие людей, в котором его участники выполняют социальные роли, следовательно, в нем запрограммированы цели общения, его мотивы, а также способы осуществления контактов. И активность познавательной и эмоционально-волевой сфер, и активность общения в целом в подобных случаях имеют прагматический характер.

В межличностном, неформальном общении нет жесткой регламентации в соответствии с задаваемыми деятельностью ролями функционирования интеллектуальных процессов, эмоций, поведения. В идеальных случаях происходит сосредоточение на собеседнике, погружение в его внутренний мир, вхождение в его состояние для того, чтобы бережно и адекватно откликаться на движение его души. И интеллект, и чувства, и поведение при неформальном общении в отличие от делового актуализируются в совершенно ином режиме и имеют с самого начала другую направленность. Здесь и цель, и мотивы, и способы, и результат «очеловечены» на всем протяжении процесса общения. При этом всегда присутствует поправка на своеобразие общающихся личностей.

Большое влияние на активность общения человека оказывают его положение в формальной и неформальной структурах коллектива, а также отношения, сложившиеся с его членами (например, роль руководителя в совместной деятельности является, как правило, фактором, побуждающим к более активному общению, чем роль исполнителя).

На частоте и характере контактов человека с другими людьми обязательно отразится то, как он к ним относится: любит их, ненавидит или равнодушен к ним. Однако в некоторых случаях

человек маскирует свое истинное отношение к лицу и более или менее активно с ним общается. Следовательно, возможно возникновение противоречий между формой коммуникативных контактов, их активностью и характером действительных отношений, которые за ним стоят.

Необходимо отметить, что авторитарная манера общения человека с партнером сдерживает активность последнего, а демократическая – наоборот, способствует ее росту. Причем и та и другая манера поведения лица – это обычно выражение характера понимания и оценивания им людей и себя самого, а также отношения к ним, так и к себе. Подобным образом оценивается роль монолога и диалога в стимулировании или сдерживании активности в общении. В монологе активным считают того, кто его произносит, и пассивным – кто воспринимает. Диалогическая же форма побуждает быть активными всех участников

Активное общение – это не многоговoreние с обеих сторон, а обмен информацией для решения совместной задачи, убеждение в чем-то собеседника, получение от него того, ради чего было затеяно общение. Таким образом, общение может быть не только обоюдодоактивным, но и обоюдодейственным, как впрочем, оно может быть односторонне активным и односторонне действенным.

Однако повышенная активность общения не всегда свидетельствует о его глубине выливаться в очевидную для всех поверхностность. И наоборот, низкая, но выборочно целенаправленная – делает общение основательным.

Установлено, что одни из взаимодействующих лиц, проявляя активность, преимущественно выражают ее в форме сложившихся у них стереотипов обращения с другими людьми, другие – постоянно привносят в нее творчество (максимально мобилизуют свой интеллект и, пропуская впечатления о человеке через призму своего опыта, пытаются «схватить» суть его своеобразия и выстраивать по отношению к нему свое поведение). Таким образом, степень активности личности, а также оформление этой активности зависят не только от реального по-

ведения того, с кем личность в данный момент взаимодействует, но и от ее опыта общения в прошлом.

Как построить межличностное взаимодействие, чтобы вызвать при этом благотворный, активизирующий личность эффект и не нанести ей ущерба? Вопрос этот, кажущийся сугубо практическим для психологии оборачивается фундаментальной проблемой.

Один из подходов к изучению психологических оснований активности – рассмотреть связи человека с другими людьми, проявляющиеся на уровне психического отражения их, отношения к ним (в форме тех или иных эмоциональных откликов) и обращения с ними (мы употребляем терминологию В.Н. Мясищева – А.Б.), в качестве «ядра» (основания) такой активности.

Тогда суть «ядра» составит определенным образом упорядоченный опыт взаимодействия человека с другими людьми, слагающийся из впечатлений о них, полученных из прямых и не прямых контактов с ними. И от того, какой этот опыт, какие переживания преимущественно вызывал, будет зависеть характер установки, с которой человек выйдет в новые контакты. Причем новые контакты могут быть такими, какими их человек себе представлял, или в большей либо в меньшей степени отличаться от ожидаемых. А это означает, что они будут усиливать его активность в общении или, наоборот, подавлять ее.

Вместе с тем нельзя абстрагироваться от того, с каким «Я» в личности мы имеем дело. Если «Я» личности крайне гипертрофировано, и последняя предстает перед окружающими как глухарь, не воспринимающий других как равных себе, – будет одна активность. Если «психологической изнанкой» «Я» личности будут приниженность, самоумаление, самоуничижение – будет другая активность. И наконец, если за «Я» личности стоит позиция таких же уважения себя и требовательности к себе, как к другому «Ты», – третья активность.

Для личности со сформированной гуманистической направленностью характерны развитие до высокого уровня способ-

ность к децентрации, эмпатия, рефлексия¹. Общение тех людей, в личности которых они выражены сильнее, будет в большей степени корректироваться индивидуальными качествами каждого из контактирующих. Благодаря этим психическим качествам у взаимодействующих лиц усиливается взаимная совместимость.

Когда идентификация, децентрация, эмпатия, рефлексия реализуются в общении, то они, с одной стороны, оказываются выражением уровня саморегуляции человека, с другой – воздействуют на дальнейшие изменения и последующее развитие этой саморегуляции.

Однако «Я» личности влияет не только на активность каждого из воздействующих лиц, но и на активность самого диадного процесса в целом. Активность межличностного общения как процесса может определяться (и измеряться) степенью сходства или различия мотивов, интенсивностью последних: субъективной важностью для участников результата общения, которого каждый из них хочет достичь, нетрафаретностью используемых каждым из них способов развития контактов, а также психологической совместимостью или несовместимостью людей. Естественно, что в одних случаях вклад каждого из участников общения в этот процесс может быть примерно равным; в других – может наблюдаться своеобразная асимметрия в этих вкладах, и высокий уровень коммуникабельности будет достигаться за счет высокой мотивированной заряженности на достижение плодотворного результата и недюжинного творчества, а также большой талантливости субъекта общения.

¹ Децентрация – механизм преодоления эгоцентризма личности, заключающийся в изменении точки зрения, позиции субъекта в результате столкновения, сопоставления и интеграции ее с позициями, отличными от ее собственной; идентификация – уподобление, отождествление с кем-либо, чем-либо; рефлексия – процесс самопознания субъектом внутренних психических актов и состояний; эмпатия – постижение эмоционального состояния, проникновение – вчувствование в переживания другого человека. (См. Психология. Словарь/ Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990).

В жизни, по данным Н.А.Логиновой и Е.А. Хорошиловой, встречаются случаи, когда человек предпочитает общаться с людьми одного с ним возраста и пола, одинаковых профессий, социального положения, национальности. Как правило, это связано с исключительно большой избирательностью личности при установлении коммуникативных связей, а также и с таким присущим ей свойством, как интровертированность.

Вместе с тем бывают и такие случаи, когда у человека обнаруживается устойчивая тенденция постоянно и легко вступать в контакты с разными людьми. Такое поведение характерно для экстравертов (Айзенк и др.). Данные о природной предрасположенности к более или менее активному общению можно найти в работах А.И.Ильиной.

А.И. Ильина (ученица В.С. Мерлина) выявила связь динамических свойств общительности с временными характеристиками темперамента.

И в монографическом, и в групповом исследовании наблюдалась хорошая сопоставимость специфических для инертных и подвижных испытуемых временных характеристик темперамента и динамических качеств общительности. В частности, было установлено, что у подвижных испытуемых широта общительности, быстрота реакции в общении, незатрудненность в установлении знакомств, активность и выразительность общительности сочетаются с быстротой переключения фиксированных установок, быстротой переделки положительных условных связей в тормозные и, наоборот, тормозных в положительные, быстротой переключения с одной деятельности на другую, легкой эмоциональной возбудимостью, быстротой выработки и изменения привычек. У инертных узость круга общения, медленность реакции в общении, затрудненность в установлении знакомств, пассивность и невыразительность общительности сочетаются с медленностью переключения фиксированных установок, медленностью переделки положительных и тормозных связей, с затрудненностью переключения с одной деятельности на другую, слабой эмоциональной возбудимостью. Устойчивость и неустойчивость отношений общения, выявленных при монографиче-

ском изучении, не отличает испытуемых от всего их массива. Возможно, что в сравнении с остальными качествами общительности это связано с проявлениями «другой подвижности»: известно, что подвижность представляет собой сложное комплексное свойство.

Возможно и то, что устойчивость отношений общения в отличие от других качеств ближе к содержанию, а не к форме общительности.

Следует также отметить, что с помощью монографического изучения раскрывается связь общительности и темперамента, но не показывается степень достоверности такой связи. О них можно судить по статистическому анализу материалов группового экспериментального исследования.

Тот факт, что динамические особенности общительности лучше коррелируют с показателями темперамента, нежели между собой, тоже свидетельствует об их тяготении не только друг к другу, но и к чертам темперамента.

Массовое исследование подтвердило результаты монографического исследования: связанные с временными характеристиками темперамента. Динамические качества общительности чаще всего обнаруживаются в разнообразных, изменяющихся условиях, в широком круге малознакомых лиц.

Большинство существующих на сегодняшний день теоретических моделей превращения человека в субъекта общения строятся в основном на схеме «внешнее во внутреннее». Данные же, полученные Ильиной, показывают, что важно учитывать формулу «внешнее через внутреннее».

Крайне много для понимания общечеловеческих субъектно-деятельностных личностных особенностей активности в общении, а также их индивидуальных проявлений может дать и уже дает рассмотрение их формирования и развития в возрастном аспекте. Об этом свидетельствуют данные, содержащиеся в научных трудах М.И. Лисиной, Д.Б. Эльконина.

Во всем этом цикле исследований получено следующее: личностно значимое для одного участника общения может превращаться в процессе их взаимодействия в личностно значимое

и для партнера. Становясь личностно значимым и для последнего, оно порождает в нем динамические тенденции и более или менее действенные силы. Тем не менее личностно значимое для одного участника не всегда становится личностно значимым для другого. В этом случае внутреннее убеждение личности, ее позиции выступают как ограничения и регуляторы активности личности в общении.

Таким образом, понимая субъективное в общении как отражение объективного, обладающего собственной активностью, мы, естественно, подходим к проблеме управления этой активностью и самоуправления влияния субъекта на это управляющее воздействие.

Управление в общении традиционно осуществляется в двух направлениях: 1) сохранение системы; 2) развитие системы. В процессе реального общения присутствуют обе составляющие, но особенность проявления второй в том, что под развитием системы мы прежде всего понимаем развитие субъекта общения, а в нем способности к самоуправлению. Это предполагает самостоятельную постановку целей, выбор способов реализации коммуникативной деятельности и внесение корректив в ее осуществление.

Задачей социальной подготовки личности к общению является не только обучение правилам успешной коммуникативной деятельности, но и создание условий для качественного изменения психических свойств взаимодействующих лиц, необходимых для подлинного творческого общения.

В.Н. Панферов

Классификация функций человека как субъекта общения¹

В любом акте общественно-трудового взаимодействия с себе подобными человек является одновременно субъектом предметно-практической деятельности, познания и общения. Логично предположить, что каждому из этих аспектов проявления личности присуще некоторое своеобразие, которое отражается в ее функциональной структуре. Вопросу своеобразия функций человека как субъекта общения посвящена данная статья.

Актуальность этой проблемы определяется тем, что многочисленные результаты конкретных исследований совместной деятельности людей не могут быть до конца объяснены на основе известных концепций психологии познания и психологии труда. В них опускается важный момент общественной жизни – взаимодействие одного человека с другим, изучаемое в основном социальной психологией. Нужно подчеркнуть, что именно социально-психологические факторы максимально мобилизуются для осуществления глубоких преобразований в стране.

В связи с этим проблема общения выдвигается на передний план в психологической науке; особое внимание уделяется при этом функциональной характеристике общения. Теоретические и экспериментальные исследования этого вопроса раскрывают большое разнообразие функций общения, что свидетельствует о многокачественности этого феномена и в то же время об определенной логической неупорядоченности в его истолкованиях. Каждый из исследователей акцентирует внимание на отдельных функциях общения, оставляя в большинстве случаев без ответа вопрос об их классификации, из-за чего снижается теоретико-методологическая ценность научных разработок проблемы общения и становится затруднительной их практическая реализация. Кроме того, характеристика основных функций общения производится прежде всего в отрыве от анализа других функций человека как субъекта взаимодействия с другими людьми в со-

¹ Панферов В.Н. Классификация функций человека как субъекта общения // Психологический журнал. 1987, № 4. С.51-60.

вместной жизнедеятельности. Это приводит к потере объективированных оснований классификации, которые заключены в свойствах человека – исполнителя функций в совместной предметно-практической деятельности, а также к разрыву органического единства человеческой деятельности и общения.

Продуктивная разработка проблемы классификации функций общения содержится в работах Б.Ф.Ломова. В них, по его собственной оценке, предпринята попытка пока еще не полной классификации некоторых основных функций общения, в частности выделены два ряда функций по разным основаниям. Первый включает три класса следующих функций: информационно-коммуникативную, регуляционно-коммуникативную, аффективно-коммуникативную; второй определяется по другой системе оснований и включает организацию совместной деятельности, познание людьми друг друга, формирование и развитие межличностных отношений.

Однако остаются открытыми следующие вопросы. Во-первых, исчерпаны ли ряды функций по их числу? Во-вторых, сколько может быть таких рядов? В-третьих, о каких основаниях классификации может идти речь? В-четвертых, как различные основания связаны между собой?

Если допустить, что функции человека являются его функциями как субъекта психической деятельности, то по первому вопросу можно сказать, что в число основных функций общения можно включить еще эмотивную, конативную и креативную функции. Эти функции рассматривались в работах Б.Г. Ананьева, Л.С. Выготского, В.Н. Мясищева, правда, не всегда с использованием этих терминов, поскольку в их работах названные функции затрагивались в связи с проблемой влияния общения на психическую деятельность и психическое развитие в целом. На наш взгляд, можно говорить о шести функциях: *коммуникативной, информативной, когнитивной, эмотивной, конативной, креативной*.

Эти функции в целом и каждая в отдельности получили более или менее удовлетворительное теоретическое объяснение как функции общения в трудах многих психологов, а также яви-

лись предметом экспериментальных исследований как в советской, так и зарубежной психологии. В результате рассмотрения этих и некоторых других исследований субъекта общения напрашивается вывод о том, что все указанные функции трансформируются в одну главную – функцию общения – регуляторную, которая проявляется во взаимодействии человека с другими людьми. В этом смысле общение является механизмом социально-психологической регуляции поведения людей в их совместной деятельности. Основные шесть функций человека не теряют самостоятельного значения в процессе общения, и каждая из них может стать доминирующей в зависимости от содержательного контекста совместной деятельности.

Данные функции следует рассматривать в качестве одного из оснований для классификации всех других функций человека как субъекта общения. При этом важно отметить, что названные функции в теоретических воззрениях определялись как общие функции психической деятельности человека, которые реализуются в субъектно-объектном взаимодействии человека с предметами естественной и искусственной среды.

Поскольку эти функции имеют место в процессах взаимодействия человека с человеком, и в процессах взаимодействия человека с предметами, постольку их можно считать всеобщими функциями в структуре целостного акта совместной деятельности.

В первом случае они выступают как основные функции субъекта общения, направленные на партнера, его физические и психические качества, чтобы отрегулировать свое взаимодействие с ним, с учетом его личностных особенностей. В этом смысле данный аспект взаимодействия приобретает характер *социально-психологической деятельности*, особенность которой состоит во встречном влиянии партнеров друг на друга. Во втором – как функции субъекта предметной деятельности, направленные на вещественный объект, чтобы отрегулировать свои действия в соответствии с физическими свойствами объекта. В данном случае речь может идти всего лишь об уровне психических регуляций. Несмотря на качественные различия этих аспектов взаимодействия, между ними в целостной структуре совместной

деятельности устанавливаются отношения взаимосвязи при решении практических задач.

Каждый из аспектов взаимодействия имеет содержание, соотнесенное со всеобщими функциями совместной деятельности, связанными с социальными целями, где человек выступает в роли субъекта общественно-трудовой деятельности. В этом аспекте проявляются *социальные* особенности функциональных характеристик человека.

Следовательно, ответ на второй и третий вопросы предполагает определение еще трех рядов функций в структуре человека как субъекта общения. Речь должна идти о свойствах человека, которые включаются в процесс общения в виде психических отправлений как функций мозга, социально-психологических явлений как функции человеческих взаимоотношений, социальных проявлений человека как функций общественно-трудовой жизнедеятельности.

Классификация психических функций по шести основным функциям человека как субъекта общения указывает на своеобразие их структурной организации (табл.). В целом этот ряд функций в процессе общения приобретает значение функций-средств, раскрывающих индивидуальные психические потенции человека как субъекта общения и психические механизмы процесса общения. В этом ряду следует рассматривать и технические средства как орудия, усиливающие коммуникативную функцию человека (его органов чувств и средств выражения) точно так же, как очки усиливают наше зрение.

Класс социально-психологических функций раскрывает процесс межличностного взаимодействия, который является источником психологических качеств личности как субъекта *взаимосвязи, взаимовыражения, взаимопознания, взаимоотношения, взаимопроявления, взаимовлияния*. В этом ряду функций человек обнаруживает свойства своей личности, порожденные общением и служащие именно этому процессу: коллективизм, авторитетность, дипломатичность, общительность, отзывчивость, вежливость и др. Вне контакта человека с другими людьми у него этих свойств не существует. Этот ряд функций приобретает значение

функций – способов общения, характеризующих особенности стиля субъекта общения.

Классификация функций человека как субъекта общения

Основ- ные функ- ции	Коммуника- тивные	Информацион- ные	Когни- тивные	Эмотив- ные	Кона- тивные	Креа- тивные		
Психи- ческие	Передача		Пред- ставле- ние Мыш- ление Вооб- ражение Фанта- зия	Эмоции Чувства Настрое- ние	Уста- новка Внима- ние Воля Потреб- ности Интересы Мотивы	Подра- жание Зараже- ние Внуше- ние Убежде- ние		
	Речь Жест Действие Технические средства	Сооб- щение Экс- прессия Продук- ты Дея- тельно- сти						
							Прием	
							Органы чувств	Ощуще- ния Воспри- ятие Память
Соци- ально- психо- логиче- ские	Взаимосвязь	Взаимо- выраже- ние	Взаимо- позна- ние	Взаимо- отноше- ние	Взаимо- прояв- ление	Взаимо- влияние		
Гно- сеоло- гиче- ская форму- ла об- щения	Канал-знак	Знак- значе- ние	Значе- ние- смысл	Смысл- отноше- ние	Отно- шение- поведе- ние	Поведе- ние- лич- ность		

Общение в процессе взаимодействия людей обслуживает их совместную деятельность в общественно-трудовой практике, направленной на удовлетворение расширяющихся материальных и духовных потребностей. В связи с этим общение выполняет

определенные и специфические социальные функции, в которых заключены внешние цели. К таким функциям-целям относятся следующие: *образование общности, наследование опыта, формирование самосознания, формирование и проявление межличностных отношений, организация и управление, воспитание и обучение.*

На социальном уровне функционирования субъект общения предстает в многообразии социальных качеств, которые закрепляются в ролевых и статусных характеристиках личности и рассматриваются в контексте взаимодействия с социальными группами и обществом в целом. В исследованиях этого уровня в качестве совокупного субъекта общения могут рассматриваться группы людей. Здесь характерен социологический подход.

Итак, в виде оснований для классификации функций человека как субъекта общения должны рассматриваться психические, социально-психологические и социальные свойства личности с дифференциацией их по шести основным функциям человека как субъекта совместной деятельности.

В качестве еще одного основания классификации функций человека как субъекта общения необходимо использовать внутреннюю логику проблем, неизбежно решаемых человеком в процессе общения. Она находит свое отражение в гносеологической формуле общения, которая предполагает последовательную зависимость следующих явлений: *человек – канал – знак – значение – смысл – отношение – поведение – личность.* Эта цепочка определяет основные проблемные моменты процесса общения, которые возникают всех уровней взаимодействия людей с дифференциацией их по основным функциям субъекта общения.

В табл. представлена логика взаимосвязей при рассмотрении рядов функций по «вертикали и горизонтали»: в целом иллюстрируется ответ на четвертый вопрос статьи. Вертикальная интеграция функций человека как субъекта общения включает следующие шесть функций:

1. *Коммуникативные функции.* В процессе общения посредством этих функций осуществляется взаимосвязь людей на уровне индивидуального, группового и общественного взаимо-

действия. Это возможно благодаря развитию органов чувств и мозга как приемников и хранителей информации (например, о качествах личности партнеров). Однако органы чувств обеспечивают только одностороннюю связь партнеров. Взаимосвязь между ними достигается благодаря речи и другим естественным выразительным средствам человека (мимике, пантомимике, жестам, голосу, предметным действиям человека), а также искусственным средствам связи (письму, печати, телеграфу, радио, телевидению и др.), которые функционируют в процессах общения как каналы передачи информации.

Информация облекается в форму различных знаков, образующих язык общения. Поэтому эффективность коммуникативных функций предопределяется решенностью проблемы канал-знак. Средства взаимосвязи в процессе общения превращаются в информационные каналы, наполненные содержанием, которое черпается из общественно-трудовой практики.

Человек как субъект общения в процессе установления связи с другими людьми приобретает качества коммуникатора и источника информации. Особенности проявления личности зависят от места человека в системе общественных отношений, от позиции в тех сетях коммуникационного взаимодействия в группах и коллективах (трудовых, бытовых, досуговых), от индивидуальных способностей к налаживанию контактов и т.д. В связи с этим существует проблема коммуникативной активности личности. Благодаря которой человек включается в состав различных общностей людей. Недостатки в овладении средствами и способами общения создают предпосылки социально-психологической замкнутости человека.

Коммуникативные функции служат целям их социальной интеграции в различные формы общностей через расширение контактов между ними посредством каналов индивидуальной и массовой взаимосвязи. Развитие и интенсивное использование технических средств массовой коммуникации раздвигает границы отдельных общностей, что позволяет человеку осознать свою принадлежность к более широким социальным группам и ощутить общечеловеческое единство.

В психологическом контексте социальная интеграция определяется не только наличием развитой взаимосвязи, но и характером взаимоотношений между людьми как внутри каждой общности, так и вне ее. Взаимоотношения либо укрепляют единство людей в сообществах, либо обособляют их друг от друга, разрывая групповое единство. В образовании общностей заключена одна из важнейших жизненных функций общения, и реализуется она поддержанием положительной взаимосвязи партнеров.

2. *Информационные функции.* В процессе общения накапливается и выражается содержание практического опыта посредством ощущений, восприятия, памяти и т.д. Эти психологические функции обеспечивают только одну сторону информационного процесса, а именно прием и хранение информации, в то время как другая сторона, более существенная для общения, предполагает передачу информации от человека человеку в форме сообщений и экспрессивных особенностей поведения партнеров. Информационная функция в процессах общения осуществляется в единстве с коммуникативной.

Информация передается по каналам связи в виде знаков и их комплексов (слов, жестов, мимики и др.), за которыми закреплены определенные значения. Знаки даны чувственно, значения – логически. Системы знаков образуют естественные и «условные» языки, с помощью которых и совершается процесс общения в собственном и уникальном смысле слова. Количество языков как способов передачи информации может быть неограниченным, насколько это практически необходимо и технически возможно.

По целям сообщения информация может подразделяться в самом общем виде на осведомительную, регуляторную и эмоциональную. Если передаются только сведения об объекте, то информация имеет осведомительное значение. Если же сообщение рассчитано на побуждение партнера к конкретному действию, то данная информация приобретает регуляторную нагрузку. Если информация направлена на человеческие чувства и спо-

собна пробудить их у респондента, то она приобретает эмоциональный характер.

Основной проблемой информационного аспекта общения является соотношение знака и значения. Она решается как проблема кодирования информации в знаковом арсенале языка. В процессе общения может возникать ситуация дефицита знаковых средств при сообщении о новых явлениях окружающего мира. Кроме того, за одним и тем же знаком в сознании субъекта могут возникать различные по смыслу значения. Эти и другие обстоятельства создают серьезные проблемы в процессах взаимодействия людей.

В информационном аспекте общения большую роль играет система выразительных движений человека, которые воспринимаются как признаки его личностных свойств. В этом пункте психология сталкивается с проблемой выразительных возможностей человека, изучение которых имеет свою самостоятельную историю в связи с эмоциями и чувствами. Выразительные движения у людей очень индивидуализированы. Поэтому их трудно адекватно интерпретировать по психологическому содержанию личностных свойств. Одна и та же мимическая маска (или жест) несет довольно часто разную смысловую нагрузку в зависимости от ситуации общения и других факторов. Но это не мешает людям широко использовать свое выразительное поведение в процессах совместной жизнедеятельности.

Трудности исследования этой проблемы связаны, во-первых, с тем, что нет достаточно эффективных экспериментально-методических средств для изучения выразительных движений; во-вторых, интерпретаторы с большой вариабельностью определяют те или иные признаки внешнего проявления качеств личности; в-третьих, в процессе общения возникают два смысловых ряда, один из которых образуется на основе восприятия экспрессии партнеров, другой – словами-понятиями. При этом бывает, что смысл экспрессии противоречит смыслу слов.

Информационный аспект общения, таким образом, связан с проблемами семиотики и языка. Эффективность информационных функций общения зависит от успешного решения проблемы

знак – значение, адекватная взаимосвязь которых в процессе передачи-приема информации обеспечивает уровень взаимопонимания партнеров по общению в совместной жизнедеятельности.

Информационные функции служат целям передачи и социального наследования индивидуального и общечеловеческого опыта общественно-трудовой практики людей. Благодаря этим функциям общения достижения в освоении природы и в организации общественной жизни могут стать достоянием отдельного человека посредством активного потребления знаний, заполняющих каналы индивидуальной и массовой информационной коммуникации. Информационная активность субъекта общения способна повышать общественный статус личности и ее потенциал в общественно-трудовой деятельности. Поэтому актуальной становится проблема экстерииоризации-интериоризации человеком общественной информации. Человек как субъект информационного общения может характеризоваться по качеству информированности и информативности. Эти качества обусловлены сенситивностью, наблюдательностью, способностью перерабатывать и выдавать информацию.

3. *Когнитивные функции.* В процессе общения происходит осмысление воспринятых значений посредством представления, мышления, воображения, фантазии. Когнитивные функции в процессе общения реализуются более полно при взаимопонимании партнеров.

Знания о человеке в совместной жизнедеятельности приобретают практический смысл. В них обобщается и обогащается опыт самопознания возможностей партнеров для оптимального взаимодействия. Взаимопознание направлено на раскрытие психологических качеств партнеров. Осмысление этих качеств в процессах общения редко осуществляется как самоцель. Оно всегда происходит в контексте жизненных отношений, что детерминирует направленность интерпретации. Это не случайно, так как личностная определенность человека полнее раскрывается через его участие в процессах общественно-трудовой деятельности.

Когнитивные функции в процессах общения направлены на интерпретацию отношения знак – значение в целях определения смысла. Это означает, что когнитивные функции последовательно включаются в процесс общения вслед за коммуникативными и информационными.

Когнитивные функции проявляются в процессах познания человека человеком. Познающий интерпретирует воспринятые особенности человека, формирует в своем сознании образ-представление о партнере, определяя его общественное положение, выполняемые им роли в общественных и групповых интеграциях, способности, характер, темперамент, волю, эмоционально-динамические свойства, потребности и интересы, мотивы, цели, индивидуальные черты личности. Все это создает впечатление о достоинствах партнеров.

Практический смысл этих характеристик определяется через сопоставление их с требованиями совместной жизнедеятельности, т.е. критерии смысла взаимопонимания находятся за его пределами – в процессах общественно-трудового взаимодействия людей.

Взаимодействие всегда имеет определенную систему организации. Эта система отражает и задает распределение обязанностей между партнерами в соответствии с их индивидуальными возможностями участвовать совместно в работе, учебе, игре, жизни. Индивидуальные возможности определяются в процессах взаимопознания. Через выявление смысла взаимодействия по критериям совместной деятельности складываются и отношения между партнерами. Таким образом, от содержания взаимной интерпретации людей зависят возникающие между ними отношения. Так, когнитивные функции общения связываются с эмотивными. Ошибочные оценки взаимных возможностей в совместной деятельности приводят к неадекватному распределению обязанностей, снижают эффективность взаимодействия и создают психологическую напряженность в отношениях.

Эффективность когнитивных функций зависит от успешности решения проблемы значение – смысл, связанной с определе-

нием возможностей партнеров решать и выполнять конкретные задачи совместной жизни.

Взаимопонимание людей на общественном уровне проявляется в общественном мнении о человеке и в самосознании личности через научное и обыденное осмысление роли человека в природе и в обществе. На психологическом уровне межличностного взаимодействия эти функции обеспечивают взаимопознание индивидуально-личностных особенностей человека и позволяют понять его место в первичных коллективах и группах, в профессионально-производственных общностях. На индивидуальном уровне успех этой деятельности зависит от развития социальной перцепции у субъекта общения и способностей к оперированию психологическими знаниями в совместной жизнедеятельности.

4. *Эмотивные функции.* Проявляются в переживании человеком своих отношений с людьми, а также в эмоциональной связи с действительностью. В процессах общения переживание отношений человека с человеком находит вторичное отражение в различных видах взаимоотношений (симпатии – антипатии, дружбе – вражде и др.). Эмоционально-насыщенные отношения определяют психологический фон взаимодействия, стимулируя или ослабляя активность людей в совместной деятельности, интегрируют или разрушают человеческие общности, создают настроение, приносят радость или огорчение, являются для многих высшей ценностью, целью и смыслом жизни.

Взаимоотношения людей тесно связаны с их представлениями друг о друге. От взаимопонимания партнеров зависит характер их взаимоотношений. При адекватном взаимопонимании более однозначно складываются и взаимоотношения; неадекватные представления друг о друге приводят к нарушению процессов общения и служат психологическим препятствием на пути достижения целей совместной деятельности. Взаимоотношения оказывают воздействие на формирование характера и на поведение человека, «требуя» от него не любого, а строго определенного поступка, побуждая к проявлению им таких качеств, которые в нем угадывают и хотят видеть окружающие; они влияют на социально-психологический климат коллектива.

Проблема смысл – отношение, часто возникающие противоречия в ее решении являются источником психологической драмы межличностных отношений: субъект общения испытывает острую потребность в товарищах, друзьях, сотрудниках-соратниках, возлюбленных и других, на кого можно опереться, кому можно довериться, но не всегда может реализовать эту потребность.

Во взаимоотношениях на межличностном уровне общения находят психологическое выражение социально-экономические, общественно-трудовые, общественно-политические, правовые, нравственные, эстетические и другие взаимосвязи людей. В этом заключается функция общения как механизма реализации и проявления общественных отношений.

Положительная реализация эмотивных сторон общения зависит от авторитетности человека как субъекта общения, что обусловлено ролевыми и статусными характеристиками личности.

5. *Конативные функции.* Обеспечивают управляющее воздействие на личность во всех процессах жизнедеятельности, связаны со стремлением человека к тем или иным ценностям, выражают побудительные силы человека, регулируя поведение партнеров в совместной деятельности через процесс общения.

Универсальным механизмом регуляции поведения людей является установка, во многом определяющая стратегию жизни, пронизывающая все уровни функционирования человека и его психики.

В процессах общения конативные функции направлены на согласование и координацию взаимодействий партнеров по общению и совместной деятельности. Это происходит посредством обмена мыслями, чувствами, отношениями. Партнеры выясняют и корректируют свои позиции, вырабатывают общие планы взаимодействия, новые взгляды на окружающую действительность, общественное поведение. «В процессах общения формируются цели, мотивы и программы поведения включенных в него индивидов. В этом процессе осуществляется также взаимная стимуляция и взаимный контроль поведения»¹.

¹ Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976. С.86.

Установки, мотивы, потребности определяют перспективные направления взаимодействия партнеров, в то время как тактика общения регулируется еще и взаимным пониманием личностных особенностей людей, их образами-представлениями друг о друге и о себе. При этом регуляция взаимодействия и взаимоотношений осуществляется не одним, а целой группой образов. Помимо образов-представлений партнеров друг о друге в систему психологических регуляторов общения входят образы-представления о себе («Я»-концепция), «Я»-концепция партнеров о впечатлении, произведенном друг на друга; идеальный образ общественной роли, которую выполняют партнеры.

Эти образы не всегда четко осознаются людьми в процессах общения и чаще всего выступают как неосознанные впечатления и чувства, не находя выхода в понятийную сферу мышления. Психологические явления, заключенные в установках, мотивах, потребностях, интересах, проявляются посредством волевых действий в различных формах направленного на партнера поведения, вынуждая его поступать в соответствии со сложившимися взаимоотношениями.

Конативные функции в процессах общения проявляются в рамках проблемы отношение – поведение, эффективное решение которой предполагает согласованность взаимодействий партнеров. На социальном уровне эти функции служат целям управления и организации общественно-трудовой деятельности людей.

6. *Креативные функции.* Направлены на преобразование людей в процессах общения, изменение и воспитание личности. Этому служат специальные механизмы психической деятельности, осуществляющие психологическое взаимовлияние партнеров. К ним относятся: подражание, эмоциональное заражение, внушение, убеждение. На социальном уровне эти функции реализуются, например, в русле педагогической деятельности и в искусстве.

Названные механизмы используются как средства воздействия, благодаря которым происходят изменения во взглядах, в поведении и качествах личности.

Психологические механизмы общения в данном случае используются в целях воспитания. Однако воздействия партнеров друг на друга в процессе общения не всегда имеет целенаправленный характер. Человека постоянно находится под воздейст-

ствием произвольных влияний окружающих, усваивает эти влияния в личном опыте и в соответствии с доминирующими тенденциями в культуре общения. Произвольность и большая вариативность индивидуального поведения, а также заметное разнообразие в культуре обращения между людьми ставят перед субъектом общения проблему самоконтроля, саморегуляции и самовоспитания.

В сфере досуга человек вращается в кругу предпочитаемых и значимых для него людей, обладающих моральным авторитетом, проявляющих образцы желаемого поведения и являющихся психологическими союзниками. Он находит эмоциональную разрядку при общении ради общения. В этом случае нередко общение выступает как самоцель и самооценность; здесь возрастает значение эмотивных его компонентов. В контексте общения происходит самоутверждение личности, связанное с групповой реализацией общечеловеческих качеств эмоционального содержания (веселости, отзывчивости, остроумия и др.), с приобретением эмоционально-лидерских позиций («души общества», «юмориста», «затейника»), с формированием соответствующих групповым нормам и требованиям чувств, отношений, мнений.

Все рассмотренные функции включаются в процессы общения в последовательности практического решения проблем: *человек – канал – знак – значение – смысл – отношение – поведение – личность*. На эту цепочку проблем нанизываются все явления общения, изучаемые не только психологией, но и другими научными дисциплинами.

Данная аналитическая схема представляет возможный вариант классификации функций человека как субъекта общения. Она позволяет сделать обобщение всех явлений человеческой психики по логике их функционирования в процессе общения. Это дает возможность более точно разрабатывать предметное содержание общения в конкретных исследованиях, дифференцировать научные подходы в комплексных или специальных программах изучения механизмов общения, систематизировать феноменологию общения, просматривать причинно-следственные зависимости между отдельными функциями субъекта общения, определить белые пятна в научных разработках проблемы общения.

Понятие об общении

Многие отечественные психологи² считают, что за многообразием определений общения стоит само явление «общение», которое многогранно, и не может быть встроено в какое-либо определение без потери его некоторых характеристик. Поэтому ни одно из существующих определений общения не может полностью исчерпать его психологическую суть. Вместе с этим существует ряд характеристик, параметров, при отсутствии которых, наблюдаемое взаимодействие трудно отнести к общению. Прежде всего, следует указать на то, что общение возникает там, где партнеры видят в другом себе подобного и себе равного, ядром этого общения является передача мыслей и переживаний (Л.С. Выготский), в качестве главного процесса выступает взаимопонимание (С.Л. Рубинштейн). Большинство авторов в определении общения сходятся на том, что общение — это сложное явление, которое может выступать в одно и то же время и как процесс взаимодействия, и как информационный процесс, и как отношение людей друг к другу, и как процесс их взаимовлияния друг на друга, и как процесс их сопереживания и взаимного понимания друг друга.

¹ Психология личности / Под ред. П.Н. Ермакова, В.А. Лабунской. М.: Эксмо, 2007. С.297-309.

² Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. Бодалев А.А. Личность и общение. М.: МГУ, 1983. Каган М.С. Мир общения: проблема межсубъектных отношений. М.: Политиздат, 1988. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1998. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. Панферов В.Н. Классификация функций человека как субъекта общения // Психол. журнал. № 4. 1987. Т. 8. С.51-60. Парыгин Б.Д. Социально-психологический барьер и его природа // Философии и социальная психология. Л.: Изд-во ЛГПИ, 1975. Вып. 3. С.3-13.

Как правило, общение рассматривается в связи с какой-либо деятельностью человека. Но такой подход к общению не является единственным. Оно может осуществляться в ходе совместной деятельности, а может быть самостоятельным, специфическим видом деятельности — «чистое общение» (Б.Г. Ананьев¹, А.А. Леонтьев², Б.Ф. Ломов³, С.Л. Рубинштейн⁴). Многогранные связи между общением и совместной деятельностью представлены в работах Г.М. Андреевой⁵. Она отмечает зависимость развития различных характеристик общения от уровня развития и содержания совместной деятельности. В то же время ею подчеркивается, что влияние совместной деятельности на общение не безгранично. Со временем само общение, его коммуникативные, интерактивные, перцептивные процессы, начинают влиять на результаты совместной деятельности, выступать в роли «независимых» от предметной деятельности детерминант. Общение и деятельность являются двумя сторонами жизнедеятельности человека⁶, они не сводимы одна к другой, автономны и влияют друг на друга.

В основе современного представления об общении лежат идеи Б.Г. Ананьева, М.М. Бахтина, Л.С. Выготского, В.Н. Мясищева, С.Л. Рубинштейна, А.А. Ухтомского, многократно развиваемые в трудах Г.М. Андреевой, А.А. Бодалева, Б.Ф. Ломова, А.У. Хараши, А.В. Петровского, Л.А. Петровской. Центральная идея современных исследований общения — это рассмотрение его сквозь призму субъект-субъектных отношений, в которых выражены не просто действия или влияния одного субъекта на

¹ Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980.

² Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1998.

³ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

⁴ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

⁵ Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996.

⁶ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

другого, а представлены их взаимодействия, содействия или противодействия, согласие, сопереживание, взаимопонимание или наоборот. С.Л. Рубинштейн в своей работе «Человек и мир» отмечал, что свойства одного человека раскрываются другому только через отношение одного человека к другому. Во взаимоотношениях субъектов нет никакой привилегии: мое отношение к другому предполагает и отношение другого ко мне. Исходя из такого представления об общении, его характерной особенностью выступает то, что предмет общения, его цель — это партнер, что на пути достижения поставленной цели оба участника общения являются активными, что результатом их активности становится уровень взаимопонимания, сопереживания, сложившаяся система взаимоотношений.

В современной отечественной психологии предлагаются различные критерии классификации отношений и взаимоотношений. Но наиболее объемной и соответствующей представлениям об общении является классификация взаимоотношений, разработанная В.Н. Панферовым¹. Им выделены взаимоотношения сотрудничества-соперничества, на основе предметно-практической деятельности; ролевые (ведущий-ведомый); коммуникативные (общительный-замкнутый); коллективистские (дружба-вражда); когнитивные (понимание-непонимание); аффективные (любовь-ненависть); правовые (ответственность-безответственность); моральные (добро-зло); нравственные (справедливость-несправедливость).

Существует несколько представлений о том, какие этапы, фазы проходит общение прежде, чем получится тот или иной результат общения (вид взаимоотношений, уровень взаимопонимания, знание о себе и другом, формирование субъективной привлекательности и значимости людей друг для друга и т.д.). Объединяет эти представления об этапах общения мысль о том, что общение разворачивается во времени, что оно носит циклический характер, что каждый цикл общения завершается решением определенной коммуникативной задачи, что началом лю-

бого вида общения является ориентировочный этап, а заключает его — достижение определенных целей общения. Ориентировочный этап в ситуации общения осуществляется свернуто, бессознательно, и его результаты зависят от соотношения прошлого опыта и получаемой в данный момент информации. Субъект общения ориентируется на комплекс факторов ситуации и ранжирует их по степени важности. Поэтому один из элементов ситуации является доминантным для партнеров, а другие — нет.

По мнению В.Н. Панферова¹, на ориентировочном этапе осуществляется выбор партнера и формирование первого впечатления о нем. На этом этапе особую роль играют пространственно-временные характеристики общения, выразительное поведение партнеров, их эмоционально-эстетическая привлекательность, такие качества, как общительность — замкнутость; доброжелательность — агрессивность. На втором этапе происходит предъявление себя партнеру (установление контакта). На этом этапе люди демонстрируют желательные, привлекательные для другого черты характера, свои способности, обозначают свой социальный статус. На третьем этапе наблюдается проявление встречной заинтересованности. На этой стадии широко применяются эталоны и стереотипы внешнего проявления психологической сущности человека. Уточняются первые впечатления друг о друге, а также «Я-концепции». На четвертом этапе происходит обмен представлениями, мыслями, чувствами, отношениями. В этот период выясняются позиции партнеров, их мировоззрение, установки, интересы, ценностные ориентации, происходит духовное взаимообогащение. В результате движения от этапа к этапу общения партнеры преобразуют друг друга, устанавливают определенные взаимоотношения. На последнем этапе партнеры стремятся к достижению социально-психологической совместимости. Появляется взаимопринятие, возникает круг референтных значимых лиц, возникают образы — представления о партнере и самом себе, очерчивается смысловое пространство общения. Все вместе выступает в качестве

¹ Панферов В.Н. Классификация функций человека как субъекта общения // Психол. журнал. № 4. 1987. Т. 8. С.51-60.

¹ Там же.

различных механизмов регуляции процесса общения. В конечном итоге, неповторимость каждого из партнеров приводит к личностному взаимообогащению¹.

На всех этапах общения не только формируется образ партнера, но и возвращается возникший образ каждым из них друг другу. А.У. Хараш² [44, 45] отмечает, что в современной психологии процесс возвращения или невозвращения образа партнеру называется эффектом подтверждения — неподтверждения. При неподтверждении человек как бы не существует для партнера, его чувства обесцениваются, он отвергаем. Подтверждение раскрывается в понимании, принятии, диалоге. Подтверждения «Я» со стороны другого и постоянная потребность в нем делает общение существенно большим, чем коммуникация или взаимодействие.

Общение — это не только слышимая, но и зримая деятельность, включающая в себя весь комплекс речевых и неречевых проявлений субъектов, их выразительное поведение и проксемику. Общение — это многомерный процесс, характеризующийся высокой динамичностью и полифункциональностью. Традиционно выделяют три класса функций общения: 1) информационно-коммуникативные; 2) регуляционно-коммуникативные; 3) аффективно-коммуникативные. Первый класс охватывает все те функции, которые представляют передачу и прием информации. Второй класс относится к регуляции общения, которую осуществляют люди по отношению друг к другу (мотивы, планы, программы). Третий класс относится к эмоциональной сфере общения. Другая классификация функций общения направлена на то, чтобы конкретизировать его основные результаты: 1) организация совместной деятельности; 2) познание людьми друг друга;

¹ Панферов В.Н. Классификация функций человека как субъекта общения // Психол. журнал. № 4. 1987. Т. 8. С.51-60.

² Хараш А.У. «Другой» и его функции в развитии «Я» // Общение и развитие психики. М., 1986. С.31-46. Хараш А.У. Восприятие человека как воздействие на его поведение (к разработке интерсубъективного подхода в исследовании познания людьми друг друга) // Психология межличностного познания. М., 1986. С.30-42.

3) формирование и развитие межличностных отношений (Г.М. Андреева¹, (А.А. Бодалев², Б.Ф. Ломов³). Наряду с перечисленными функциями, общению присуща креативная — творческая функция. Развитию этой функции общения мешают различные запреты, попытки формализовать общение, свести его к какой-либо стороне или принципу.

Таким образом, общение представляет сложную, многогранную, многоуровневую специфическую деятельность, проходящую в своем развитии определенные этапы, сопровождающиеся коммуникативными, социально-перцептивными, интерактивными результатами. Главным инструментом общения выступает личность человека, предъявленная в речевых и неречевых формах выражения отношения к партнеру, в способах обращения к нему, в приемах организации обратной связи и возвращения образов и представлений о ситуации общения партнеру. Общение есть условие жизнедеятельности человека и его главная социальная потребность. В общении происходит становление человека, проявление его сущности, его социально-психологических и психологических свойств и качеств.

Субъект общения и субъектность в общении

В российской психологии отсутствует общепринятая трактовка субъекта общения, несмотря на то, что ведущие отечественные психологи постоянно обращались к данному явлению. Анализ работ философско-психологического плана приводит к выводу о том, что имеется ряд основополагающих параметров личности, которые превращают ее в субъекта. Среди них такие характеристики, как преобразовательная активность, целенаправленность, осознанность, целостность, автономность, свобода, гармоничность. Чаще всего авторы многочисленных иссле-

¹ Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 1996.

² Бодалев А.А. Личность и общение. М.; МГУ, 1983.

³ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

дований ссылаются на работы Б.Г. Ананьева¹, Б.Ф. Ломова², С.Л. Рубинштейна³, пытаясь внести ясность в то, что стоит за понятием «субъект общения». Постоянно цитируется известное положение Б.Ф. Ломова: «Общение как форма активности отличается от деятельности тем, что в нем присутствуют субъект-субъектные отношения». Вместе с этим в работах по психологии общения недостаточно представлена другая, не менее важная его мысль о том, что «общение выступает как самостоятельная и специфическая форма активности субъекта. Ее результат — это не преобразованный предмет (материальный или идеальный), а отношения с другим человеком, с другими людьми»⁴. О преобразовательной активности как ведущей черте субъекта писал и Б.Г. Ананьев⁵ [4]. Он указывал на то, что активность может проявиться в форме воздействия на других людей в целях преобразования или сохранения их положения в обществе, а также в виде создания и изменения обстоятельств собственной жизни и жизни других людей.

Преобразовательная активность как фундаментальная основа субъекта рассматривается в рамках субъектного, субъектно-деятельностного подхода⁶. Для данного подхода принципиаль-

¹ Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980.

² Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.

³ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

⁴ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. С. 248

⁵ Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980.

⁶ Абульханова-Славская К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л.Рубинштейна // С.Л. Рубинштейн. Очерки, воспоминания и материалы. М.: Наука. 1989. С. 10-61. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психол. журнал. № 6. 1996. Т.17. С.30-37. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психол. журнал. № 2. 1997. Т.18. С.18-32.

ным является тезис о том, что для понимания субъекта «важно все глубже раскрывать изначальную социальность и активность человеческого индивида, становящегося субъектом в процессе бесконечного многообразия взаимосвязей между человеком и обществом... Необходимо учитывать и исследовать не только влияние общества на индивида, но и индивида на общество...»¹. Такой взгляд на природу субъекта определяет отношение к личности как к целостной системе внутренних условий, опосредствующих все внешние причины. «Не личность низводится до уровня якобы пассивных внутренних условий... — отмечает А.В. Брушлинский, — а, напротив, последние все более формируются и развиваются в качестве единой многоуровневой системы — личности и вообще субъекта»².

В контексте субъектно-деятельностного подхода определяется субъект как индивид, находящийся на соответствующем своему развитию уровне преобразовательной активности, целостности, автономности, свободы, деятельности, гармоничности и характеризующийся своеобразной целенаправленностью и осознанностью³.

Наряду с этим базовым свойством субъекта называется в ряде работ такой параметр, как субъектность, претендующий на интеграцию ряда характеристик субъекта (автономность, свобода, целенаправленность, рефлексия и т.д.) и вбирающий в себя свойство преобразовательной активности индивида. В отече-

¹ Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980.

² Брушлинский А.В. Субъект, мышление, учение, воображение. М.; Воронеж, 1996. С. 22.

³ Абульханова-Славская К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л.Рубинштейна // С.Л. Рубинштейн. Очерки, воспоминания и материалы. М.: Наука. 1989. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психол. журнал. № 6. 1996. Т.17. С.30-37. Брушлинский А.В. Психология субъекта в изменяющемся обществе // Психол. журнал. № 2. 1997. Т.18. С.18-32. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.

венной психологии понимание субъектности представлено несколькими дополняющими друг друга точками зрения. Первая точка зрения состоит в том, что субъектность обнаруживается в рефлексивном осознании субъектом себя как носителя связей с окружающим миром и другими людьми, в котором отражается общность индивида с другими и непохожесть собственного психического мира. Данная точка зрения представлена в работах последователей интерсубъектного подхода. В них подчеркивается, что неразрывная связь одного индивида с другими, которые выступают как значимые другие, отражает то, насколько значимые другие способствуют удовлетворению основных социальных потребностей субъекта в понимании себя, подтверждении, самоопределении, в переживании своей самости, в избегании одиночества, влияют на душевное состояние субъекта, на поиск им «бытийной определенности» и утверждение образа себя.

Осознание своей связи с другими как проявление качества субъектности в концепции В.А. Петровского¹ представлено в терминах отраженной субъектности. Отраженная субъектность выступает как форма представленности и продолженности субъекта в других людях, служащая источником преобразования ситуаций общения и взаимодействия в значимом для участников направлении. В концепции В.А. Петровского также подчеркивается в качестве основного свойства субъекта его преобразовательная активность, которая может быть различного качества и которая актуализируется в общении, значимом для его участников. Такое представление о субъектности рассматривается как предпосылка личной формы или личностного типа общения.

С другой точки зрения, субъектность проявляется в личных отношениях субъекта к окружающим. Б.Ф. Ломов отмечал, что субъектность раскрывается в личностных отношениях индивида к социальным системам разного уровня, в которые он включен. Субъектность отражает содержание социальных отношений, роль и место личности в их развитии, указывает на позицию субъекта в обществе. Б.Ф. Ломов указывал также на то, что от-

¹ Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов –н/Д: Феникс, 1996.

ношения, как основная форма проявления субъектности, могут характеризоваться собственным уровнем активности. Он писал, что «субъективное отношение может проявиться как простая эмоциональная реакция, но оно может выразиться и в активном действии, направленном на изменение окружения личности»¹. Наибольшее внимание отношениям как форме выражения субъектности индивида уделено в работах В.Н. Мясищева² и его последователей. Разработанная В.Н. Мясищевым концепция отношений содержит понимание субъекта общения как субъекта отношений, которые лично пережиты, субъективно значимы и оставляют глубокий эмоциональный след.

Согласно третьей точке зрения, субъектность выражается в своеобразии субъективных свойств и способностей человека. Исходя из такого представления о субъектности, основанием для описания субъекта общения служат результаты исследований, в которых ставилась задача изучить способности и свойства личности, влияющие на преобразовательную активность субъекта в процессе общения. К группе таких исследований необходимо отнести, в первую очередь, те, в которых изучается социально-психологическая компетентность, способности к общению, различные виды социально-перцептивных способностей.

Объединяет эти три точки зрения по поводу субъектности как свойства субъекта то, что в них представлены в качестве главных параметров субъектности различные характеристики системы отношений личности. Такое единство мнений относительно психологической сущности субъектности объясняется тем, что содержание отношений, с одной стороны, отражает опыт удовлетворения ряда социальных потребностей в общении, а, с другой стороны, влияет на активность, размеры и характер общения. Закрепляясь в практике взаимодействия и общения, отношения становятся личными отношениями и переходят в свойства личности и черты характера. В отношениях раскрыва-

¹ Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. С.334

² Мясищев В.Н. Личность и нервозы. Л., 1961. Мясищев В.Н. Психология отношений. М., 1995.

ются особенности развития личности и его аномалии. Они отражаются в установках, мотивах, ценностных ориентациях личности, обуславливают выбор форм поведения и способов обращения. По мнению ряда исследователей, система отношений — это устойчивая фундаментальная характеристика личности. Главное, заключается в том, что все перечисленные образования личности имеют один корень — систему отношений, и детерминируют ее преобразовательную активность, проявляющуюся в выборе форм поведения и способов обращения к партнеру.

Таким образом, субъект общения — это индивид, наделенный свойством субъектности (т.е. всеми характеристиками субъекта), проявляющемся, прежде всего, в преобразовательной активности участников общения и в установлении субъективных связей индивида с другими людьми (иными словами, в установлении определенных отношений и взаимоотношений). Такая широкая трактовка субъекта общения может быть конкретизирована в соответствии с различными точками зрения на психологическое содержание субъектности, на определение критериев и соответствующих им видов общения.

Направления преобразовательной активности субъекта общения

Субъектность личности, ее проявления в общении фиксируются в особенностях преобразовательной активности, соответствующей уровню развития и своеобразию субъективных свойств и способностей, а также в содержании рефлексивного осознания своих личных отношений и взаимоотношений с миром. Исходя из такого понимания субъекта общения, критериями определения его типов должны выступать направленность, интенсивность, качество преобразовательной активности личности, проявляющиеся в ее субъективных, личностных свойствах и одновременно обусловленные ими. Данный вывод находит подтверждение в ряде работ, обобщение которых позволяет сформулировать следующие положения: 1. Субъект общения вносит объективные и субъективные изменения в общение и осуществляет качественно определенную детерминацию изменений личности, соответствующих определенному уровню. 2. Субъект

общения раскрывается через его направленность, установки, ценностные ориентации, т.е. через систему отношений. 3. Преобразовательная активность субъекта общения направлена на физические, психологические, социально-психологические свойства личности, изменения которых осуществляются в диапазоне от полного физического и психического разрушения до созидания, сотворения (актуализация личностного роста). 4. Преобразовательная активность личности, раскрывающаяся в системе ее отношений, должна рассматриваться с учетом такого параметра, как социально-приемлемое — антисоциальное общение, взаимодействие, поведение. Иными словами, субъект общения и качество его преобразовательной активности должны рассматриваться сквозь призму социальной, культурно-психологической нормы. Б.С. Братусь отмечает, что «нормальность» или «анормальность» будет зависеть от того, как служит она человеку, способствует ли ее позиция, конкретная организация и направленность приобщению к родовой человеческой сущности или, напротив, разобщает с этой сущностью, запутывает и усложняет связи с ней»¹. В понятии «нормальности» и «анормальности», сформулированном Б.С. Братусем, остается центральной, смыслообразующей характеристикой человека его «способ» отношения к другому: 1) приобщающий к другому как к самоценности или 2) ведущий к обесцениванию, запутывающий, усложняющий развитие личности. С точки зрения данного определения, «нормальности» — «анормальности», субъект общения приобретает статус «нормального» — «анормального» в соответствии с его системой отношений к другому человеку, представленной в его преобразовательной активности (в диапазоне от полного физического и психического разрушения до созидания, сотворения). 5. Преобразовательная активность субъекта общения должна быть соотнесена не только с психологическим представлением о «нормальности» — «анормальности» развития личности, базирующемся на качественных параметрах изменений, но и с понятием социальной нормы, основывающемся

¹ Братусь Б.С. К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. № 5. 1997. С.3-19.

ся на положении об интенсивности, силе, знаке преобразовательной активности личности и их соответствии принятым в обществе стандартам поведения. 6. Сочетание психологических характеристик «нормальности» — «анормальности» личности субъекта общения и представлений о социальной норме вводит понятие «преобразовательная активность субъекта» в контекст социальной психологии и позволяет рассматривать субъекта общения в координатах «нормальность — анормальность», при этом полюс «анормальность» может иметь просоциальный и антисоциальный вектор.

Исходя из вышеизложенного, базовыми фундаментальными типами субъекта общения являются те, которые выделены на основе ядерного критерия субъектности — качества преобразовательной активности личности относительно себя и других, представленного в системе ее отношений. До недавнего времени в качестве таких субъектов общения рассматривались субъекты диалогического и монологического общения или субъекты личностного и объектного общения. Присоединяясь к выводам этих работ, следует в то же время подчеркнуть, что в них указывается направленность преобразовательной активности субъекта общения (на себя или других), его ведущие отношения к другому человеку и самому себе, но в них, как правило, мало уделяется внимания дифференциации качества последствий преобразовательной активности субъекта общения. Исключением является серия работ, выполненных в русле гуманистической психологии общения, в которых традиционно подчеркивается личностное отношение, творчество преобразовательной активности, направленной, прежде всего, на себя, и которые квалифицируются как исследования, занимающиеся изучением оптимального общения.

Другим направлением исследований качества и интенсивности преобразовательной активности субъекта общения является психология затрудненного общения и примыкающие к ней разделы социальной психологии (например, психология конфликтного взаимодействия), психология агрессивного и деструктивного поведения, психология одиночества.

Третьим направлением исследований, в которых рассматривается интенсивность, качество, соответствие социальным нормам преобразовательной активности субъекта общения выступают психология девиантного, делинквентного поведения, психология насилия, жестокости и т.д. Четвертым направлением работ, учитывающих характер преобразовательной активности субъекта общения, можно считать исследования, выполненные на стыке клинической психологии, патопсихологии и социальной психологии личности. Пятым направлением является изучение личности с точки зрения ее ведущих отношений, свойств и качеств, проявляющих особенности ее преобразовательной активности.

Анализ работ, осуществленный на основе базового критерия субъекта общения, его субъектности, представленной в системе отношений к другому, отличающейся качеством «нормальности» — «анормальности», «разрушающей — созидающей» силой и степенью ее интенсивности, позволяет выделить два фундаментальных типа субъектов общения: субъект затрудненного общения и субъект незатрудненного общения.

Г.А. Берулава, М.М. Берулава
Коммуникативные стереотипы психической активности¹

Отношения между людьми, как важная сторона их совместной жизни и деятельности в значительной степени строятся с опорой на стереотипные формы психической активности. Мы не рефлексируем постоянно на тему того – как поздороваться, выразить симпатию и т.д. И чем более продуктивны данные стереотипы, тем в большей степени будут в целом продуктивны наши отношения с другими людьми.

Потребность в социальных контактах, удовлетворяющих субъекта, рассматривается практически всеми исследователями. Данная потребность предполагает желание занять достойное место среди других людей и может стать сильнейшим стимулом, определяющим индивидуальные поступки. Данная потребность предполагает наличие у человека стремления иметь общественное одобрение со стороны окружающих, влиять на них и быть относительно независимым от их влияния. Потребность в социальных контактах означает не просто потребность в коммуникации (как известно далеко не всякая коммуникация приносит человеку удовлетворение, а только такая, в которой удовлетворяется его стремление к определенному социальному статусу). Рассматриваемая потребность реализуется и через стремление к социальной адаптации в обществе, потребности соответствия его нормам и правилам. Потребность в социализации основывается на стремлении к социальной интеграции. При этом потребность в социальных контактах может осуществляться как через социальную адаптацию, так и через детерминированное воздействие на других людей. Рассматриваемая потребность реализуется посредством проявления особенностей стиля индивидуальности субъекта в сфере межличностных отношений. <...>

У каждого человека в системе отношений своя межличностная роль, которая налагает на него особые права и обязанности. Большинству межличностных ролей не обучают специально.

¹ Роль стереотипов психической активности в развитии личности / Под ред. Г.А. Берулава. М.: Изд-во «Гуманитарная наука», 2010. С.137-147.

Каждый человек развивает свой собственный стиль общения с партнером, приспособившись к требованиям тех, с кем он вступает в контакт. Индивидуальные особенности проявляются в стиле исполнения роли, а также в том, что делает человек, когда ситуация недостаточно определена, и он имеет свободу выбора. В то же время, благодаря наличию устойчивых параметров межличностных отношений, можно говорить о типичных межличностных ролях, о системе шаблонов понимания, координации и согласования межличностного поведения людей, которые могут быть названы стереотипами коммуникационного поведения.

Межличностное взаимодействие – это во многом система стереотипов, через которые и воспринимают и оценивают друг друга.

На социально-ролевом уровне контакты ограничиваются ситуативной необходимостью: на улице, в транспорте, в магазине, в официальном учреждении. Основной принцип взаимоотношений на этом уровне – знание и реализация норм и требований социальной среды участниками взаимодействия. Общение, как правило, носит анонимный характер.

На официально-деловом уровне людей объединяют интересы дела и совместная деятельность, направленная на достижение общих целей. Основной принцип деловых отношений – рациональность, поиск средств повышения эффективности сотрудничества. Общение является психологически отстраненным, доминирует Я - Вы контакт.

В классификации видов общения Эрика Берна большое внимание уделяется стереотипным формам общения. Проиллюстрируем их.

1. Замкнутость, когда явная коммуникация между людьми отсутствует. Человек физически присутствует, но психологически вне контакта, он будто бы окутан собственными мыслями. Это бывает в самых различных ситуациях, например, в купе железнодорожного поезда, в больничной палате, и даже во время вечеринки. Такое поведение может быть воспринято с пониманием и не вызовет проблем, если только оно не перерастет в привычку.

2. Ритуалы – привычные, повторяющиеся действия, не несущие смысловой нагрузки. Они могут быть неформального характера – приветствия, прощания, благодарности, или быть официальными – дипломатический этикет. Цель этого типа общения – возможность провести время совместно, но не сближаясь.

3. Ритуальные разговоры о проблемах и событиях, известных всем. Они не так стилизованы и не так предсказуемы, как ритуалы, но обладают некоторой повторяемостью. Времяпровождение всегда социально запрограммировано: говорить в это время можно только в определенном стиле и только на допустимые темы, например, светский разговор или женский разговор.

Для обозначения процесса согласования характеристик межличностного взаимодействия был предложен термин из компьютерного лексикона – «форматирование» (Е.Л. Доценко, 1998). Под форматированием общения подразумевалась выработка схемы или шаблона, которая задает параметры контакта, контуры отношений, сценарии взаимодействия. Выделяются следующие этапы, которые предположительно составляют процесс форматирования межличностных взаимодействий: 1) поиск соответствующего данной ситуации контекстного содержания, шаблонов, схем, сценариев, ритуалов, способов и средств их исполнения; 2) пробное использование этого содержания в готовом виде, без всяких изменений; 3) отбор тех находок, которые подходят и успешно работают; 4) выбраковка неподходящих заготовок; 5) подгонка части заготовок под особенности партнера, под характер и свойства его контекстных привнесений; 6) выработка совместных приемов, способов, правил и параметров взаимодействия; 7) ограничение достаточным количеством форм, в которые отливается то или иное содержание; 8) уточнение собственных намерений, пререструктурирование своей психологической ситуации, если потребуется; 9) изменение условий взаимодействия, если есть возможность; 10) интенсивное использование тех форм, которые лучше всего работают.

По мнению исследователя, создается уникальная конфигурация совместного семантического пространства взаимодействия: виды используемых пристроек, особенности установившей-

ся дистанции, территориальное разделение, мозаика видов контакта, степень его глубины и, соответственно, вовлекаемые в общение внутриспсихические структуры, используемые последовательности обмена действиями, скорость чередования ходов, общий эмоциональный тон, темп продвижения к намеченным целям, основной используемый язык, границы его вариативности за счет введения слэнга или профессионального жаргона, репертуар допустимых жестов и многое другое, что составляет многомерный процесс человеческого общения. <...>

Значительный вклад в изучение стилевой модальности межличностных отношений внесли работы отечественных ученых, которые содержали глубокий анализ состояния данной проблемы.

Современные исследования отличаются тем, что у них ярко выражена направленность к интегральному изучению индивидуальности и подчеркивается значимость самого человека при его взаимоотношениях с окружающим миром. Если ранее классификация стилей основывалась на деятельностном подходе, то в последнее время теоретические основы стиливых параметров ориентируются на индивидуальность человека, которая выступает в качестве базовой основы классификации стилей. Так, понятие «Стиля индивидуальности» выступает в качестве объекта исследования в рамках теории стиля индивидуальности (Г.А. Борулава, 1994, 1997, 2001) и ее развития – в работах Н.В. Фроловой, С.А. Печорской, Т.Я. Решетовой, О.В. Непши, Е.И. Татьяниной, М.М. Борулава, Э.М. Сагилян, Т.Л. Сафоновой и др. авторов.

Стиль индивидуальности проявляется в любой форме нерелексируемой психической активности, в том числе и в межличностных отношениях, характеризуя соотношение поведенческой, коммуникативной и аффективной составляющих психической активности. При этом следует учитывать, что все потребности субъекта максимально воплощаются в том случае, если он имеет возможность удовлетворять их в таких формах активности, которые максимально соответствуют стилю его индивидуальности.

Стиль межличностных отношений обращается к категории бессознательной психической активности (поведения). В том

случае, если деятельностный подход характеризуется представлением о человеке как об адаптирующемся к условиям окружения и деятельности, то личностно-ориентированный подход базируется на том, что источником жизни человека является его неадаптированность, которая рассматривается в качестве особого мотива, который направляет развитие личности и проявляется в надситуативной активности. В данной ситуации активность проявляется в более широком по отношению к деятельности смысле, так как активность может проявляться не только в форме деятельности (иметь произвольный характер), но и быть спонтанной и надситуативной.

Следовательно, личностно-ориентированный подход при изучении стиля межличностных отношений характеризует индивидуальность личности. При этом учитывается, что личностный уровень индивидуальности обладает тем потенциалом, который способен в значительной степени изменить свойства других уровней индивидуальности. Личностно-ориентированный подход к исследованию стиля индивидуальности в сфере межличностного взаимодействия осуществляется путем обращения к такой интегральной характеристике личности, как образ мира субъекта, которая включает в себя весь социокультурный опыт субъекта и поэтому служит исходной точкой и результатом любой познавательной деятельности, включая межличностные отношения. <...>

Проведя общий анализ исследований репрезентации стиля индивидуальности в сфере межличностного взаимодействия, можно сделать вывод о том, что в теоретических исследованиях, проведенных в русле личностно-ориентированного подхода к изучению коммуникационного поведения, именно индивидуальность личности со своим собственным набором индивидуальных проявлений является системообразующим фактором, определяющим индивидуальный стиль общения.

Стиль индивидуальности анализируется исходя из потребности субъекта во внутренней гармонии на основе саморегуляции, что может предполагать стремление к эффективному выполнению деятельности, но может и не предполагать его.

Например, человека может выбрать наиболее оптимальный стиль общения на основании знаний об особенностях своего темперамента, но это будет лишь выбор нормативной модели общения, которая может быть внутренне дискомфортной. С другой стороны, внешнее так же влияет на внутреннее, как внутреннее на внешнее, следовательно знание своих индивидуальных особенностей может помочь человеку изменить стиль своего общения.

Но стиль общения будет другим лишь потому, что произойдут изменения в самой индивидуальности. Сам же реальный, а не нормативный индивидуальный стиль будет таковым только в том случае, если он строится на основе бессознательного стремления субъекта к психологическому комфорту, а не на основе лишь осознанного стремления к эффективному выполнению деятельности, поскольку само по себе такое стремление может быть реализовано субъектом без учета индивидуальных особенностей и может привести к психологическому дискомфорту.

Общительность

Общительность относится к числу наиболее общих и первичных черт характера. По мнению Б.Г.Ананьева, В.С. Мерлина, общительность в значительной степени связана с типами высшей нервной деятельности. Это — одна из коммуникативных черт личности, к которым следует отнести и другие черты: контактность, следование социальным нормам во взаимодействии, экспрессивность, робость, инициативность и т.д.

В общительности выражается потребность человека в других людях и контактах с ними, стремление к этим контактам, их интенсивность и легкость, а также склонность человека к дружескому поведению в ситуации общения и установлению приятных отношений, умение не теряться в момент общения, стремление взять на себя инициативу в контакте, при случае — и роль лидера в группе. Общительность связана с эмоциональным и общим самочувствием человека перед вступлением в общение, в момент самого контакта и после него. Эта черта характера предполагает наличие коммуникативных навыков, обеспечивающих легкость общения и облегчающих партнеру контакт: умение слушать, высказываться к месту, поддерживать беседу и менять тему, знакомиться, находить правильную форму обращения к другому человеку; обычно сопряжена с такими умениями, как владение жестиком, уместность и богатство мимики, выразительность интонаций и поз. Противоположной чертой является замкнутость, крайнее выражение которой — аутистичность. В психологической литературе для того, чтобы охарактеризовать интенсивность, Направленность и другие аспекты общения, употребляются близкие понятия: общительность, экстраверсия и др. Следует подчеркнуть разницу между ними:

¹ Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. С. 415-420.

- *коммуникабельность* — *некоммуникабельность*: качественные характеристики контактов, их глубина, интенсивность, соблюдение социальных норм;

- *общительность* — *замкнутость*: количественные характеристики, широта, экстенсивность, контактность (потребность в контактах, легкость, спонтанность);

- *экстраверсия* — *интроверсия*: направленность общения (на других и на себя), частично — мотивация (самодостаточность интроверта, склонность к общению с самим собой);

- *коммуникативность* — владение средствами установления контакта.

Контактность как важнейшее условие успешности общения

Контактность — это специфическое социальное умение, в основе которого лежит природная общительность. Это способность вступать в психологический контакт формировать в ходе взаимодействия доверительные отношения, основанные на согласии и взаимном принятии; способность, обеспеченная владением навыками и умениями общения и саморегуляции, а также благоприятствующими контакту личностными свойствами.

Обратимся к письму П.И. Чайковского к баронессе Фон Мекк:

«Я много теряю вследствие своей нелюдимости. О, если б Вы знали, как я боролся с этим недостатком и сколько я пережил от этой борьбы с своей исключительной натурой, как меня это мучило, как я трудился над своим исправлением!

...Обществом человека можно наслаждаться, по-моему, только тогда, когда вследствие долголетнего общения и взаимности интересов (особенно семейных) можно быть при нем самим собой. Если этого нет, то всякое сообщество есть тягость, и мой нравственный организм такой, что я этой тягости вынести не в силах» (Париж, 1879 г., февраль 19-20, с. 64)¹.

Контактность - способность вступать в психологический контакт, формировать в ходе взаимодействия доверительные отношения, основанные на согласии и взаимном принятии; спо-

¹ Цит. по: Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. С.418.

способность, обеспеченная владением навыками и умениями общения и саморегуляции, а также благоприятствующими контакту личностными свойствами.

Контактность — продукт сочетания перцептивных, интеллектуальных, коммуникативных способностей, протекающих на основе развитой саморегуляции, одна из составляющих социального интеллекта. Биологическое основание контактности (в форме психофизиологической, нервной предрасположенности) обеспечивает более быстрое, но не обязательно более высокое развитие ее у представителей сангвинического темперамента, экстравертов. Большой вес предрасположенности в развитии этой социально-коммуникативной способности подтверждается ее относительной независимостью от профессиональной деятельности (интенсивность контактов не связана напрямую с их успешностью).

Контактность формируется на первых порах жизни ребенка и развивается как общая коммуникативная способность, первоначально направляемая темпераментом и особенностями высшей нервной деятельности. Она проявляется в большей способности человека мобилизовать все имеющиеся средства для достижения контакта (владение состоянием, телом и мимикой-выразительными средствами, настроенность на контакт), в умении изменять в зависимости от ситуации меру своей открытости и избираемые средства воздействия, во владении коммуникативной ситуацией в целом.

Контактность есть управление коммуникативной ситуацией, психологическими способами влияния в ходе организации социального взаимодействия; это — процессуальное качество, для которого важны пространственно-временные характеристики осуществления контакта, условия взаимодействия, мотивы и индивидуальные особенности взаимодействующих лиц.

Сверхконтактность

В жизни нам нередко встречаются люди, которые производят впечатление излишне болтливых, суетливых, непрерывно разговаривающих в ситуации неопределенности или угрозы, не умеющих держать паузу. Можно предположить, что такие люди

плохо управляют собой, излишне тревожны и, вероятно, невротизированы. В исследовании В. Н. Куницыной (1991) была выделена группа сверхконтактных людей. Оказалось, что у них очень хорошо развиты общительность, навыки и умения саморегуляции, удовлетворенность общением и уверенность в себе по сравнению со всеми остальными. Однако многие другие стороны общения у таких людей качественно ухудшены. Снижены сенситивность, самокритичность и ориентированность на партнера, доверие и самоконтроль, увеличены невротизация, тревожность и манипулирование, авторитарность и доминирование. Адаптивность не улучшена. Все эти обстоятельства в совокупности с чрезвычайно высоко развитой эмпатией позволяют считать, что сверхконтактность может свидетельствовать о сниженной приспособленности и истероидной направленности личности.

Данное социальное умение обладает как положительными, так и отрицательными характеристиками. Положительные стороны контактности — настроенность, установка на контакт, мобилизация всех средств общения, стимулирующая мотивация, рефлексия и обратная связь. В число отрицательных характеристик входят своеобразная эгоцентричность, то есть привлечение внимания «на себя» (то, что отчасти характеризует и эмпатию), ориентация на заражение своими интересами, состояниями, преобладание неосознаваемых побуждений.

Контактности не обязательно присуща доброжелательность; у истероидных людей, возбудимых психопатов наблюдается агрессивная, навязчивая контактность. Для того чтобы определить оптимальную для успешности общения меру контактности, авторами был проведен экспериментальный анализ индекса контактности в различных группах.

Вся обследованная с помощью методики СУМО группа школьников (490 человек) разделилась следующим образом (максимальный балл=12):

- минимальная контактность (4 балла и ниже) — 21 чел.
- средняя контактность (6-7 баллов) — 432 чел.
- высокая контактность (8-10 баллов) — 21 чел.

- очень высокая контактность (10-12 баллов) — 16 чел.

Из выделенных по степени развития свойств личности и коммуникативных умений групп самыми контактными оказались экстраверты. Затем идут легкие и свободные в общении школьники, обладающие хорошими коммуникативными навыками. За ними следуют совместимые, легко адаптирующиеся, незастенчивые, включенные в социальные связи, затем — лидеры, люди с развитым чувством собственного достоинства и доверчивые с пластичной и выносливой нервной системой.

В число самых неконтактных, замыкающих таблицу, вошли невротики и неприспособленные, а также те, чьи свойства в комплексе составляют труднопреодолимый «синдром трудностей»: аутистичные, застенчивые, отчужденные, с глубоким чувством одиночества.

Коммуникативная совместимость

Помимо контактности, еще одним критерием успешности общения является коммуникативная совместимость. Это один из видов социально-психологической совместимости, означающий готовность и умение сотрудничать, создавать непринужденную атмосферу взаимной удовлетворенности общением, обеспечивать хороший климат в группе.

Совместимость - психологический эффект сочетания индивидов, который выражается во взаимном принятии, согласии и частичной идентификации на эмоционально-чувственном, интеллектуальном и деятельностном уровнях, во взаимной удовлетворенности и отсутствии напряженности, конфликтов, неприязни в любых контактах.

Вообще, *совместимостью* называется такой психологический эффект сочетания индивидов, который выражается во взаимном принятии, согласии и частичной идентификации на эмоционально-чувственном, интеллектуальном и деятельностном уровнях, во взаимной удовлетворенности и отсутствии напряженности, конфликтов, неприязни в любых контактах.

Коммуникативная совместимость — частный вид совместимости, возникающий на основе взаимопонимания и согласо-

ванности общей позиции; характеризуется отсутствием неблагоприятных последствий коммуникативного взаимодействия в виде напряжения, досады, психологического дискомфорта.

Чтобы понять, какими качествами личности обладают люди, умеющие создавать атмосферу непринужденности, взаимной удовлетворенности в беседе, мы выделили в исследовании группу людей с высоким индексом совместимости.

В группу *высокосовместимых* людей вошли неконфликтные, неагрессивные, без личных проблем, неавторитарные, удовлетворенные общением и отношениями в своем близком кругу.

Из всех групп, выделенных по степени застенчивости, наиболее совместимы с другими *ситуативно-застенчивые*.

При сравнении групп людей высокосовместимых и сверхсовместимых обнаруживается, что ни по одному показателю нет ухудшения. Следовательно, у совместимости нет «потолка», нет предела совершенствованию взаимоотношений и общей атмосферы группового взаимодействия.

О.П. Санникова

Эмоциональность и регуляция активности общения¹

Статья посвящена результатам исследования соотношения эмоциональности и общительности. Эмоциональность и активность, видом которой является общительность², рассматриваются как две основные составляющие темперамента.

Под эмоциональностью понимается совокупность различных параметров, важнейшие из которых характеризуют качество эмоционального переживания, его модальность и знак, поскольку именно они выражают признаки эмоций — отношение субъекта к отражаемому³.

В процессе исследования качества эмоциональных переживаний было выявлено, что в его структуру входят паттерны трех основных базальных эмоций — радости (Р), гнева (Г), страха (С)⁴, а также печали (П), являющейся одной из характерных

¹ Санникова О.П. Эмоциональность и регуляция активности общения // Вопросы психологии. 1984, № 3. С.123-128.

² Небылицын В. Д. К проблеме мозговых механизмов психической активности. — В кн.: Психологические исследования, посвященные 85-летию Д. Н. Узнадзе / Под ред. А.С. Прангишвили. Тбилиси, 1973. С. 274—282.

³ Ольшанникова А. Е. Знак доминирующих эмоций и фоновые ЭЭГ-параметры у подростков. — В кн.: Новые исследования в психологии. 1974. № 1. С. 60—62. Ольшанникова А. Е. Анализ соотношения показателей однонаправленных методик, диагностирующих эмоциональность. — В кн.: Вопросы психофизиологии активности и саморегуляции личности. Свердловск, 1978. С. 98—114. Ольшанникова А. Е., Рабинович Л. А. Опыт исследования некоторых индивидуальных характеристик эмоциональности. — Вопросы психологии. 1974. № 3. С. 65—73.

⁴ Небылицын В. Д. К проблеме мозговых механизмов психической активности. — В кн.: Психологические исследования, посвященные 85-летию Д. Н. Узнадзе / Под ред. А.С. Прангишвили. Тбилиси, 1973. С. 274—282. Ольшанникова А. Е. Соотношение некоторых особенностей эмоциональной сферы подростка с физиологическими показате-

эмоций взрослых людей. Различные сочетания указанных эмоций, степень доминирования каждой из них и составляют индивидуальное своеобразие эмоционального реагирования.

Общительность определяется как устойчивое, сильно развитое стремление к общению, к личному контакту с людьми, выражающееся в разговорчивости, в легкости вступления в социальный контакт¹.

Гипотеза работы исходит из трактовки психологической сущности эмоций как специфического вида психического отражения, заключающего в себе наряду с отражением свойств объекта отношение к нему. Отношение в свою очередь определяет направление и формы взаимодействия с объектом. Очевидно, положительные эмоции связаны с общительностью (принятие объекта, направленность на него, активное с ним взаимодействие), а отрицательные в этих же условиях — с замкнутостью (неприятие объекта). Причем связь разных отрицательных эмоций с замкнутостью должна быть неоднозначной, так как на фоне общего неприятия объекта каждая отрицательная эмоциональная модальность отличается специфической формой взаимодействия с ним. Таким образом, степень доминирования той или иной эмоции и разная индивидуальная сочетаемость базальных эмоций должны влиять на специфику общительности.

Это подтверждает анализ психологических работ, свидетельствующий о связи некоторых особенностей эмоциональности и общительности². Однако из-за разрозненности исследо-

лями. — В кн.: Проблемы дифференциальной психофизиологии. — М., 1977. Т. 9. С. 128—140.

¹ Ильина А. И. Общительность и темперамент у школьников. — Пермь, 1961. — 119 с. Мерлин В. С. Очерк теории темперамента. — М., 1964. — 302 с.

² Крупнов А. И., Ольшанникова А. Е., Домодедов В. А. Соотношение показателей эмоциональности и динамических характеристик общения. — В кн.: Вопросы психофизиологии активности и саморегуляции личности. Свердловск, 1979. С. 17—25. Eysenck H. J. The structure of human personality. 2nd ed. L., 1960. Reprinted, 1965. Cattell R. B. Personality and motivation structure and measurement. Ch. 4, 5, 6. N.Y., 1957.

ваний остается без ответа ряд вопросов. В частности, требуют специального изучения и уточнения взаимоотношения общительности и отрицательных эмоций разных модальностей. По сути, отсутствуют работы, в которых общительность в связи с эмоциональностью рассматривалась бы не как глобальный феномен (общительность — замкнутость), а как совокупность определенных признаков, характеризующих ее с формально-динамической стороны.

Задача настоящей работы заключалась в изучении характера взаимосвязей между эмоциональностью и общительностью, а также в попытке их содержательной интерпретации.

Организация и методика исследования

В соответствии с поставленной целью исследование было направлено на изучение формально-динамических параметров общительности и их проявлений у представителей различных «крайних» (наиболее ярко выраженных) эмоциональных типов.

Изучение специфики общительности, характерной для лиц с различной эмоциональностью, осуществлялось в два этапа. На первом этапе у 150 испытуемых — студентов I курса МОПИ с помощью корреляционного и факторного анализов исследовалась связь отдельных формально-динамических параметров общительности (потребности в общении, инициативности, широты, легкости, устойчивости, выразительности) с каждой конкретной модальностью (РГС, П). Изучение указанных показателей эмоциональности и общительности осуществлялось с помощью батареи самооценочных и судейских методик. В число самооценочных методик вошли «Вопросник Л.А. Рабинович», модифицированная методика «Т. Дембо», «Вопросник по экспрессии» и «Вопросник по общительности». В качестве конкретных судейских методик использовались специально переработанные для этой цели «Вопросник по экспрессии», методика «Т. Дембо», «Вопросник по общительности» (судейские варианты) и метод парных сравнений.

Анализ полученных данных продемонстрировал наличие связи между двумя психологическими составляющими темпера-

мента: эмоциональностью и общительностью, рассматриваемой как вид активности¹. Оказалось, что во взаимоотношениях с общительностью изучаемые эмоциональные модальности представляют собой два противоположных полюса — положительный (Р) и отрицательный (ГСП). Людям с различной эмоциональной диспозицией свойственна определенная специфика общительности. Так, склонность к переживанию положительных эмоций связана с активностью общительности, т.е. с большей инициативностью, широтой, легкостью, потребностью в общении, а диспозиция к переживаниям отрицательных эмоций — с замкнутостью. Степень доминирования той или иной эмоции существенно влияет на специфику общительности.

Первый этап, работы в целом позволил изучить наиболее общие закономерности во взаимоотношениях эмоциональности и общительности. Кроме того, проделанная работа, в частности диагностика отдельных параметров двух изучаемых рядов явлений, дала возможность выделить среди исследуемых испытуемых однородные группы с разным типом эмоциональности: одну группу с диспозицией к переживаниям, в основном эмоции одной модальности Р (10 человек), и три — с преобладанием не одной, а нескольких модальностей СП (5 человек), ГСП (5 человек) и РГ (4 человека).

Второй этап исследования, результатам которого и посвящена данная статья, заключается в поиске специфики общительности у представителей выделенных эмоциональных типов. На данном этапе использовалась пролонгированная оригинальная методика — «дневниковая», суть которой заключалась в длительном и систематическом самонаблюдении и самооценке ряда психических характеристик с последующей хронологической регистрацией их показателей по заданной схеме. *Конкретная методика*, применяемая в настоящей работе, позволяла одновременно фиксировать индивидуально-устойчивые черты общительности и актуальные эмоции, возникающие в общении.

¹ Ильина А. И. Общительность и темперамент у школьников.— Пермь, 1961. — 119 с.

Таблица 1

Показатели общительности групп испытуемых представителей разных эмоциональных типов										
Тип	Всего контактов	Всего партнеров	Доля от всех контактов	Инициативность		Желаемые контакты (потребность)	Желаемые контакты по инициативе испытуемого		Контакты с незнакомыми людьми	
				Количество контактов	Доля от контактов		Количество контактов	Доля от контактов		
ПОКАЗАТЕЛИ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ УЗКОГО КРУГА ОБЩЕНИЯ (А)										
Р	397	76	1	245	0,617	350	0,881	232	0,584	11
РГ	320	76	1	184	0,575	275	0,859	174	0,543	5
СП	276	70	1	158	0,872	209	0,757	133	0,540	7
СП	253	74	1	191	0,754	220	0,869	179	0,707	2
ПОКАЗАТЕЛИ ОБЩИТЕЛЬНОСТИ УЗКОГО КРУГА ОБЩЕНИЯ (Б)										
Р	145	19	0,419	108	0,430	142	0,405	106	0,456	
РГ	114	18	0,349	65	0,353	104	0,379	62	0,356	
СП	102	20	0,387	68	0,440	93	0,444	63	0,473	
СП	146	36	0,616	118	0,604	133	0,604	112	0,625	

Методика состоит из *инструкции*, содержащей требования и разъяснения, необходимые для работы с данной методикой, *протокола*, в котором по заданной схеме фиксировались результаты ежедневных наблюдений за своими общениями с

людьми и переживаемыми эмоциями, возникающими в результате этого общения. В данном случае эмоциональные переживания бывают настолько многообразны и противоречивы, что испытуемому порой очень трудно выделить и обозначить их. Поэтому вид переживаемой эмоции испытуемым оценивался с помощью специального *списка терминов*, обозначающих ту или иную эмоцию.

Дневниковая методика имеет ряд преимуществ перед методиками, применяемыми на первом этапе исследования. С помощью вопросников показатели эмоциональности и общительности диагностировались независимо друг от друга: эмоциональность изучалась с разных сторон и в разных видах деятельности, относящихся не только к сфере общения, общительность же выявлялась независимо от эмоционального склада человека. С помощью дневникового метода выявляется тот спектр эмоций, который проявляется только в таком важном виде психической активности, как общительность. Это дает возможность сопоставить индивидуально-устойчивые особенности эмоциональности, диагностируемые с помощью вопросников и проявляющиеся в различных условиях, с теми актуальными эмоциями, которые доминируют при общении у одного и того же индивида. Кроме того, в отличие от вопросников, с помощью которых параметры общительности диагностируются только в широком кругу, дневниковая методика позволяет четко дифференцировать проявление общительности как в широком, так и в узком кругу общения. Преимущество дневника обусловлено еще и тем, что данный способ получения информации связан с систематической и продолжительной (1 месяц) фиксацией испытуемыми интересующих нас параметров и поэтому является наиболее надежным.

Результаты

Для охвата и изучения всего круга общения испытуемых (условно назовем его общим) все возможные контакты были разделены на основные сферы, входящие в качестве составных частей в указанный (общий) круг общения: контакты с близкими друзьями — «узкий» круг общения — и контакты со знакомыми,

новыми знакомыми, незнакомыми людьми, условно объединенные нами в «широкий» круг общения.

В табл. 1 (а, б) представлены некоторые показатели общительности, проявляющиеся в общем и узком кругу общения 24 испытуемых с яркой выраженностью определенного эмоционального типа (Р, РГ, ГСП, СП). Показатели общительности, проявляющиеся в широком кругу общения, в таблице не приводятся. Следует помнить, что они представляют собой разницу между полученными результатами в общем и узком кругу общения.

Для удобства сопоставления показателей испытуемых разных групп некоторые результаты представлены в «долях». «Доля» для каждой группы испытуемых вычислялась отдельно и представляла собой X (среднее арифметическое) отношение частного показателя количества контактов, зафиксированного в конкретной сфере общения, к этому же показателю, зафиксированному в общем кругу общения каждого испытуемого.

Как показывает табл. 1а, наибольшая широта общения обнаруживается у испытуемых с доминированием эмоций модальности Р (большее число людей, с которыми испытуемые контактировали в течение данного месяца, большее число контактов, больше желаемых контактов — графы 2, 3, 9).

Весьма неожиданным фактом является некоторое рассогласование между результатами первого и второго этапов исследований, т. е. между данными вопросников и дневникового метода в отношении инициативности в общении: с одной стороны, по количеству контактов более инициативны испытуемые типа Р (графа 5), что в принципе подтверждает результаты первого этапа исследования; с другой — если судить по долям, то из всех испытуемых наибольшую инициативность проявляют испытуемые СП-типа (графа 6). Такой высокий показатель инициативности испытуемых СП-типа получен за счет узкого круга общения (см. табл. 1б, графы 5, 6). Данные испытуемые в узком кругу друзей показывают результаты, в целом свидетельствующие о высокой активности общительности — все показатели в узком кругу значительно превышают эти же показатели испытуемых других групп (см. табл. 1б, графы 2, 3, 4, 8, 9, 10). Кроме того,

если отдельно рассматривать желаемые контакты (графы 7, 8), т. е. фактически те, которые наибольшим образом удовлетворяют потребность в общении, то здесь интересен следующий факт: в общем кругу общения (см. табл. 1а) желаемых контактов у испытуемых Р-типа больше, чем у испытуемых СП-типа, но по проявляемой инициативе в достижении подобных контактов (табл. 1а, графы 9, 10) преимущество остается опять-таки за испытуемыми СП-типа и в этой сфере общения.

Анализ соотношения указанных показателей общительности в узком кругу (см. табл. 1б, графы 7—10) и в широком (все контакты за пределами узкого круга) обнаруживает четкое *распределение преимущественных сфер общения у испытуемых Р и СП-типов*. Испытуемые с доминированием эмоции модальности Р в основном имеют желаемые контакты в широком кругу (см. табл. 1а, графу 7). Так, у Р-типа в общем кругу общения было 350 желаемых контактов, из них в узком кругу 142 контакта, значит, в сфере широкого круга было 208 контактов, в то время как испытуемые с диспозицией к эмоциям СП общаются преимущественно в узком кругу (см. табл. 1б, графы 7, 8). Преобладание у группы СП узкого круга общения подтверждает также и результаты сравнения долей ее контактов с аналогичными показателями группы Р: у типа СП доля в узком кругу составляет 0,616 ед., в широком — 0,384 (т. е. 1—0,161); у типа Р соответственно 0,419 и 0,581 ед.

Анализ табл. 1а, графа 11 демонстрирует значительное преобладание легкости вступления в контакт у типа Р и явное затруднение в подобных ситуациях испытуемых типа СП¹.

В отношении испытуемых типов РГ и СПГ можно сказать, что присутствие эмоции модальности Г в любой из этих групп существенно понижает значение всех показателей общительности как у испытуемых типа Р, так и у испытуемых СП-типа (см. табл. 1б, 1а, графы 5—11): значение всех показателей типа Р

¹ Контакты с незнакомыми испытуемые фиксировали только в случае проявления собственной инициативы, что дает возможность с достаточной уверенностью рассматривать такие контакты, как свидетельство легкости в общении.

выше, чем у испытуемых типа РГ, а у испытуемых с диспозицией к эмоциям СП выше, чем у ГСП-типа.

В табл. 2 представлены результаты исследования актуальных эмоций паттерна «радость», переживаемых в общении наиболее яркими представителями эмоциональных типов. Эмоции модальностей «гнев», «страх» и «печаль» в данной таблице не приводятся, так как доля этих переживаний оказалась незначительной (0,15 и ниже) и относительно одинаковой у всех групп испытуемых.

Таблица 2

Показатели актуальных эмоций, переживаемых в общении группами испытуемых—представителей разных эмоциональных типов (в долях)

Тип	Радость		
	Общий круг	Узкий круг	Широкий круг
1	2	3	4
Р	0,450	0,504	0,335
РГ	0,428	0,458	0,302
СПГ	0,255	0,308	0,266
СП	0,440	0,494	0,395

Анализ табл. 2 позволяет сделать заключение о том, что большинство испытуемых независимо от типа эмоциональности склонны в общении переживать положительные эмоции. У испытуемых типов Р, РГ, СП и в общем кругу общения и в узком (графы 2, 3) доминируют эмоции паттерна «радость», а в широком (графа 4) — наибольшая величина показателя положительных эмоций принадлежит группе СП.

Обсуждение результатов

Данные дневникового метода на первый взгляд вступают в противоречие с результатами, полученными на первом этапе исследования, относительно связей между эмоциональностью и общительностью. Так, по данным дневника, все испытуе-

мые, независимо от диагностируемого у них типа эмоциональности, переживают в связи с общением в основном положительные актуальные эмоции. Кроме того, оказалось, что испытуемые с устойчивой диспозицией к переживанию отрицательных эмоций (особенно в группе СП) гораздо более инициативны, чем представители, других эмоциональных групп как в общем, так и в узком кругу. С одной стороны, это подтверждает связь положительных эмоций с инициативностью (испытуемые, склонные к положительным переживаниям, инициативны в общении), с другой — резко противоречит тезису о том, что диспозиция к переживанию отрицательных эмоций связана с замкнутостью. Если по данным дневника абсолютно у всех испытуемых доминируют актуальные положительные эмоции и всем испытуемым свойственна активность общительности, то как же тогда в общении проявляются устойчивые эмоциональные черты?

Анализ причин расхождения результатов дневника и данных, полученных на первом этапе исследования, следует начинать, с учета того факта, что с помощью вопросников и судебных методик диагностировалась эмоциональность как устойчивая черта индивидуальности, а с помощью дневника изучались актуальные эмоции. Кроме того, с помощью вопросников эмоциональность рассматривалась во всех сферах жизни и деятельности индивида, дневник же, как это и было задумано, выявлял актуальные эмоции, возникающие только в сфере общения, связанные с отношением к себе и партнеру по общению (не учитывались даже переживания, связанные с полученной в процессе общения информацией или происшедшими в этот период событиями). Таким образом, эмоции, фиксированные с помощью дневникового метода, представляют собой как бы один «сегмент» всего многообразия эмоциональной жизни испытуемого. Важно учитывать и то обстоятельство, что дневниковый метод, в отличие от вопросников, фиксировал общение и связанные с ним переживания не в одинаковых для всех испытуемых условиях, а в естественных, типичных и различных для каждого испытуемого условиях и ситуациях. Такие разные ситуации,

по данным А.И. Ильиной¹, не всегда являются дифференцирующими для общительных и необщительных. Следовательно, не выделяя общительных и необщительных, дневник давал возможность четко выявить индивидуальные условия общения: у испытуемых с устойчивым доминированием положительных эмоций общение в основном происходило в широком кругу, а у испытуемых с диспозицией к отрицательным переживаниям — в узком. Что же побуждает испытуемых с разной эмоциональностью стремиться к определенному кругу общения?

Как уже говорилось, к переживанию положительных эмоций, к удовлетворению потребности в общении стремятся все испытуемые независимо от особенностей эмоциональности. Можно предположить, что в общении эмоции модальности Р у испытуемых, принадлежащих к разным типам, не идентичны и к тому же зависят от индивидуальной чувствительности к переживанию положительных эмоций. Вполне естественно, что у индивидов, склонных к устойчивой отрицательной эмоциональной диспозиции, при прочих равных условиях чувствительность значительно ниже, чем у лиц с доминированием положительных переживаний. Это позволяет думать, что устойчивое доминирование отрицательных эмоций более активизирует деятельность индивида, направленную на поиск оптимального круга и оптимальных способов общения, чем устойчивое доминирование положительных переживаний. Так, испытуемые с положительной эмоциональной диспозицией одинаково принимают любое общение и в узком и в широком кругу, поэтому они не обладают четко направленной активностью на определенный круг общения. Это выражается в том, что такие люди одинаково легко и свободно общаются в любой сфере, одинаково и по своему желанию и по желанию партнеров по общению, и по своей и не по своей инициативе. Что касается испытуемых с диспозицией к переживанию отрицательных эмоций, то им свойственна избирательность в общении, именно у них в большей мере, чем у лиц, склонных к переживанию положительных эмоций, проявля-

ется инициативность в выборе партнеров. Люди с доминированием отрицательных эмоций вынуждены чаще проявлять инициативность, чтобы общаться в рамках узкого круга, выход за пределы которого вызывает отрицательные эмоции, которые в свою очередь снова побуждают субъект к поискам оптимальных условий.

Таким образом, если основой заключения об активности считать количество контактов, широту круга общения, то более активными являются лица с доминированием положительных эмоций. Если же учитывать активность, проявляющуюся при избирательности в выборе партнеров, избегании нежелательных контактов, анализе и дифференциации условий общения, то в такой активности преимущества принадлежат людям с диспозицией к отрицательным переживаниям. Этот вид активности является одной из форм приспособительного поведения и способствует удовлетворению потребности в общении, которая, в свою очередь, служит источником положительных эмоций. И.Н. Обозов пишет, что вынужденное общение с отвергаемым, нежелание быть с ним вместе порождают потребность в отчуждении. Дифференциация от отвергаемого вызывает положительные эмоции, а интеграция с ним, вынужденное общение могут вызвать отрицательные эмоции¹. Применительно к нашему случаю вынужденное общение в широком кругу у лиц, склонных к отрицательным эмоциям, усугубляет отрицательные переживания, свойственные им, что вынуждает таких испытуемых, избегать подобных ситуаций и стремиться к «комфортному» общению. Все сказанное позволяет понять, почему в дневниковых данных не были четко выявлены индивидуальные различия в общительности у испытуемых с различными эмоциональными диспозициями. (Таким образом, то, что независимо от исходного типа эмоциональности в общении доминируют актуальные переживания паттерна Р почти у всех испытуемых, ни в коей мере не ставит под сомнение наличие у данных лиц устойчивых, проявляющихся почти во всех сферах деятельности эмоциональных

¹ Ильина А. И. Общительность и темперамент у школьников. — Пермь, 1961. — 119 с.

¹ Обозов Н. Н. Психология малых групп и коллективов. — В кн.: Социальная психология. Ленинград, 1979. С. 121—185.

диспозиций. Именно эти диспозиции побуждают минимизировать отрицательные переживания. В деятельности это происходит за счет совершенствования саморегуляции¹, в общительности — за счет регуляции и ограничения нежелательных контактов и организации условий для комфортного Общения. Отсутствие оптимальных условий, обеспечивающих удовлетворение потребности в общении, порождает дискомфорт, следствием чего является бегство от общения, т.е. стремление к замкнутости и обособлению. Очевидно, для каждого человека существуют свои оптимальные условия и границы широты круга общения, выход за которые способствует возникновению отрицательных переживаний.

Полученные данные позволяют заключить, что активность субъекта по поиску индивидуально-комфортных благоприятных условий для общения обусловлена устойчивыми индивидуально-типическими особенностями эмоциональности. Последние, таким образом, участвуют в детерминации индивидуально-оптимальных форм и способов общения. В этом заключается адаптивная функция эмоциональности.

Наши результаты свидетельствуют о том, что положительные эмоции, возникшие в общении, у лиц различных эмоциональных типов, отличаются по глубине и богатству оттенков. Данные дневников и беседы с испытуемыми показывают, что устойчивой склонности к эмоциям типа СП соответствует большее богатство оттенков положительной эмоции и ее большая глубина, чем при склонности к устойчивому доминированию модальности Р. Очевидно, это связано с тем, что у лиц с диспозицией к отрицательным переживаниям сфера общения при определенных условиях потенциально содержит в себе мощные положительно-эмоциогенные факторы. К их числу прежде всего следует отнести общение с людьми, избранными по собственному вкусу, общение, в котором удовлетворяется потребность быть принятым, понятым и осуществляется разряд-

¹ Пацявичюс И. В. Соотношение индивидуально-типических характеристик эмоциональности с особенностями саморегуляции деятельности: Автореф. канд. дис. — М., 1981. — 26 с.

ка от отрицательных эмоций. Наши заключения распространяются только на тот уровень взаимоотношений общительности и эмоциональности, которого они достигают в своем развитии у взрослого человека.

<...> Мы предполагаем, что индивидуально-устойчивые качества эмоциональности взрослого человека, сформировавшиеся в первую очередь в процессе общения¹ на протяжении жизни, сами становятся силой,

регулирующей специфику общительности. Следует подчеркнуть, что в настоящем исследовании рассматривались параметры общительности, характеризующие только способ, форму общения, т.е. только ту сторону единого целостного процесса общения, которая охватывается понятием «формальные характеристики общительности», оставив за рамками работы содержательные и результативные.

Выводы

1. Полученные результаты позволили выделить наряду с традиционно изучаемым видом активности общительности, проявляющимся в широком кругу общения, другой вид. Последний обнаруживается преимущественно в узком кругу общения и выражается в избегании широких контактов, избирательности и инициативности в выборе партнеров, выборе времени, условий, конкретных способов общения. Первый вид общительности характерен для людей с положительными эмоциональными диспозициями, второй — для людей со склонностью к переживанию отрицательных эмоций.

2. Анализ второго вида активности общительности приводит к выводу о необходимости уточнения понятия «замкнутость», традиционно используемого в качестве полярного понятия «общительность». В прямом значении понятие «замкнутость» правомерно применять к случаям необщительности в смысле ухода в себя, стремления к изоляции в любом кругу общения. Черты подобной «истинной» замкнутости как индивидуально-

¹ Развитие общения у дошкольников / Под ред. А. В. Запорожца, М.И. Лисиной. — М., 1974. — 288 с.

устойчивой особенности едва ли можно встретить среди здоровых людей. Следует осознавать условность понятия «замкнутость» как обозначающего малую активность в общении лишь в определенных условиях.

3. Изучение актуальных, ситуативных эмоций, связанных с общением, показало, что оно является насущно необходимым источником положительных эмоций для людей как с положительными, так и с отрицательными эмоциональными диспозициями. Однако существуют индивидуально-оптимальные условия общения и границы широты его круга, нарушение которых приводит к отрицательным переживаниям. Активность по поиску индивидуально-комфортных условий общения у взрослых людей обуславливается их индивидуально-устойчивыми особенностями эмоциональности.

4. Полученные связи параметров общительности с качественными характеристиками эмоциональности являются, по сути, проявлением в общении

того специфического отношения к миру, которое заключено в эмоции каждой из модальностей.

5. Результаты необходимо учитывать в воспитании, при организации общения, а также для повышения психологической эффективности профессиональной диагностики и отбора. Особую значимость они имеют для отбора в тех видах деятельности, успешность которых во многом определяется совместимостью партнеров.

Раздел III. Исследования проблемы коммуникативной активности в пермской психологической школе

Б.А. Вяткин

Активность в структуре интегральной индивидуальности¹

Проблема активности в отечественной психологии

Основной вопрос, рассматриваемый в первой части лекции, - это проблема соотношения понятий «активность» и «деятельность». Исследователи данной проблемы в одном единодушны: пожалуй, ни одно из других понятий в общей психологии не имеет столь многообразного толкования». При этом понятие «активность» постоянно используется вместе, а порой и вместо другого – «деятельность». В зарубежной психологии различие между этими понятиями, как правило, вообще не проводится. В отечественной науке до начала XX века оба понятия также синонимичны. Так, в трудах И.М. Сеченова и И.П. Павлова оба понятия употребляются как синонимы. К началу века в работах русских философов и психологов наблюдается стремление к дифференциации понятий. Например, А.Ф. Лазурский под активностью человека понимает «... прежде всего его отношение к окружающему миру, а оно, это отношение есть мера устойчивости субъекта к влияниям окружающей среды и, в свою очередь, мера воздействия на среду». Именно А.Ф.Лазурским впервые была выявлена основная сущностная характеристика активности – ее неизменная принадлежность субъекту. Н.А. Берштейн (1966) впервые противопоставляет активности и реактивности как противоположные по смыслу атрибуты всего живого. Вместе с тем, и сегодня несмотря на прогрессирующее стремление разделить, дифференцировать два понятия, они продолжают часто употребляться как синонимы, что было, в частности, дока-

¹ Вяткин Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека/ Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2000. С.87-99.

зано с помощью контент-анализа научных текстов по проблемам деятельности в отечественной психологии Г.В. Суходольским.

Особенно сложной проблема соотношения двух понятий становится с появлением и развитием общепсихологической теории деятельности, связанной с именем А.Н. Леонтьева. С одной стороны, «деятельность» у А.Н. Леонтьева – чаще всего активность и даже поведение, с редкими уточнениями того, что «речь идет именно о деятельности, а не о поведении и не тех первичных физиологических процессах, которые реализуют деятельность». С другой стороны, сам А.Н. Леонтьев в последней своей статье откровенно признает трудности, связанные с включением категории «активность» в теоретическую схему деятельности, в которой ей исходно не предусмотрено места. В этой статье он относит активность к внутренним предпосылкам самодвижения деятельности, определяемым не только структурой предметной деятельности, но и самим субъектом деятельности. Эта линия развивается сегодня в историко-эволюционном подходе к личности А.Г. Асмолова и в концепции активности личности А.В. Петровского. Авторы неизменно подчеркивают теснейшую взаимосвязь активности и деятельности: «Нет деятельности вне активности и активности вне деятельности». В исследованиях В.А. Петровского активность – «совокупность обусловленных индивидом моментов движения, обеспечивающих становление, реализацию, развитие и видоизменение деятельности». То есть, автором в определении подчеркнуты два момента:

1. Активность по своей сути есть процесс, движение.

2. По отношению к деятельности активность – ее движение, развитие, своеобразный «процесс процесса».

Возникает вопрос о том, как взаимосвязаны эти два процесса. На этот вопрос В.А. Петровский дает следующий ответ: «Деятельность можно определить как единство целенаправленной и целеполагающей активности человека, реализующей и развивающей систему его отношений к миру». Но в этом случае деятельность вновь определяется через активность, которая в данном случае является более широким понятием. Таким образом, с одной стороны, понятие «деятельность» шире понятия

«активность» (активность – лишь динамическое условие ее становления, реализации и видоизменения деятельности), а с другой – деятельность есть активность, связанная с «производством» и реализацией целей, т.е. в данном случае понятие «активность» оказывается по своему логическому объему шире понятия «деятельность». Уже из этого примера видно, что понятие «деятельность» трактуется представителями и продолжателями общепсихологической теории деятельности в двух смыслах – широко и узко, что редко специально оговаривается и порождает противоречия как в понимании некоторых психических явлений, так и в их исследованиях. В широком смысле деятельность, по этой теории, – динамическая связь субъекта с объектами окружающего мира, молярная единица жизни, деятельность в целом (Петровский В.А., 1992; Леонтьев А.Н., 1975), т.е. то же, что понимается под активностью в большинстве западноевропейских языков. В узком смысле деятельность характеризуется прежде всего целенаправленностью и предметностью. Не все проявления жизненной активности могут быть отнесены к деятельности. Деятельность – специфическая форма общественного бытия людей, состоящая в целенаправленном преобразовании ими социальной или природной действительности. Особенно ярко такое понимание деятельности проявляется в анализе конкретных ее видов, например, учебной деятельности: «...полноценной учебной деятельностью в обычной школе занято сравнительно небольшое количество детей». То есть, большинство детей посещают школу, учатся, не осуществляя при этом учебной деятельности.

Таким образом, в работах наиболее видных представителей и последователей общепсихологической теории деятельности наблюдается стремление «вписать» активность в схему деятельности, где ей исходно не было предусмотрено места. При этом, с одной стороны, активность в схеме деятельности получает место источника и механизма развития деятельности. С другой стороны, как было показано, деятельность, представителями этой теории часто определяется через активность, т.е. наблюдается противоречивая картина: в одно случае деятельность шире понятия

«активность» (активность – движение деятельности), в другом – активность шире понятия «деятельность» (деятельность – единство проявлений активности целеполагания и целедостижения).

Если для психологической теории деятельности, по мнению ее крупнейшего представителя, включение активности в схему деятельности является самой сложной проблемой (Леонтьев А.Н., 1979), то в концепции С.Л. Рубинштейна проблема активности является ее органической частью. Активность в его концепции не только мера взаимоотношения и взаимодействия внутреннего и внешнего (по принципу «внешнее через внутреннее»), но и особый способ взаимодействия – взаимодействия, которое не ограничивается только деятельностью. По С.Л. Рубинштейну, объект, в отличие от раздражителя, выделяется только субъектом, только в результате его активности, существует лишь для него, так как нет объекта без субъекта. Фактически деятельность, в понимании С.Л. Рубинштейна, – лишь одна из форм активности человека, наряду с другими, например, созерцанием, которое является иным, по сравнению с деятельностью, способом отношения человека к миру. «Величие человека, его активность проявляются не только в деянии, но и в созерцании, в умении постичь и правильно отнестись ко Вселенной, к миру, бытию». Таким образом, в работах С.Л. Рубинштейна подчеркивается идея о человеке как субъекте жизни, при этом активность и субъектность рассматриваются как взаимосвязанные характеристики.

Эту линию развивает К.А. Абульханова-Славская (1991) в рамках проблемы личной жизни и ее стратегий. По мнению автора, активность и деятельность различаются прежде всего тем, что «... деятельность исходит из потребности в предмете, а активность – из потребности в деятельности». Активностью движет не предмет; она определяется субъектом и принадлежит субъекту, хотя направлена на деятельность, которая имеет дело с предметами. Тем самым активность выступает «посредником» между деяниями личности и требованиями общества. Общество определяет формы деятельности и свои требования к деятельно-

сти индивида, личность же вырабатывает индивидуальные формы активности и реализует их в деятельности.

В том же ключе решает проблему взаимоотношения двух понятий И.А. Джидарьян (1988)¹. Она отмечает близость понятий, различия между которыми больше заключаются в акцентах и аспектах исследований, а не в том, что они отражают разные реальности. Вместе с тем, два понятия имеют существенные различия.

Активность и деятельность – основные различия категорий (по И.А. Джидарьян)

Категория «активность»	Категория «деятельность»
1. Принадлежность субъекту.	1. Направленность на объект.
2. Акцент на источники, причины взаимодействия, на его самодвижение (спонтанность, самопроизвольность, автономность).	2. Акцент на операционально-динамической, орудийной стороне взаимодействия, на его относительную статику.
3. Подчеркивает способность субъекта к выходу за пределы заданных условий жизнедеятельности (инициатива, творчество, поиск).	3. Социальная нормативность, обусловленность социальным, родовым опытом человека.
4. Акцентирует субъективную результативность, изменения в самом субъекте и его деятельности (удовлетворенность-неудовлетворенность, отношение к деятельности, ее характер).	4. Акцент на моменте непосредственного взаимодействия.
	5. Акцентирует результат, преобразование объекта, способность объективироваться в продукте, способность выхода тем самым за пределы сознания.

Именно в этих направлениях и происходит дифференциация двух близких друг другу понятий. Однако И.А. Джидарьян не решает проблему взаимоотношения понятий: «Парадоксально, но

¹ Джидарьян И.А. Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988.

активность и шире, и уже деятельности», т.е. автор просто констатирует сложившееся противоречие, когда одно и то же понятие используется одними и теми же авторами в двух смыслах:

а) как любое проявление психики, выходящее за пределы адаптивной приспособительной деятельности индивида;

б) как особое качество, уровень психического явления, которое раскрывается в этом плане через отношение со своей противоположностью – пассивностью.

И.А. Джидарьян отдает предпочтение последнему из этих двух смыслов: активность – особое качество, уровень, мера взаимодействия субъекта с объектами окружающей действительности, в том числе мера деятельности; способ самовыражения и самоосуществления личности в жизни, при котором достигается (или нет) ее качество как целостного, самостоятельного и саморазвивающегося субъекта.

Этой позицией во многом определяются подходы к изучению проблем активности значительной группой исследователей (Вяткин Б.А., 1992, 1994; Лозовая В.И., 1990; Крупнов А.И., 1984, 1987; Небылицын В.Д., 1971, 1973; Герасимов С.В., 1994, и др.).

Еще одна значительная группа ученых отводит активности в структуре деятельности место, близкое к уровню потребностей, мотивов, которые создают и пополняют ее внутренний энергетический потенциал (Лисина М.И., 1982; Юркевич В.С., 1991; Воронцова Л.Д., 1989; Щукина, 1979), либо связанное с ее саморегуляцией (Звенигородская Н.О., 1983).

Для большинства представленных выше позиций характерно следующее: активность есть источник и (или) механизм развития деятельности, ее количественная и качественная мера, т.е. само понятие «деятельность» в этом случае шире понятия «активность». Эта позиция, на наш взгляд, наиболее перспективна для исследования активности, связанной с конкретной деятельностью.

Наряду с позицией «активность и деятельность не есть разные реальности, а различия между ними – в акцентах исследований» все чаще заявляет о себе другая, в которой отражено более однозначное взаимоотношений двух категорий: активность не

только мера, но и всеобщий способ существования материальных систем; деятельность – одна из форм развития активности. Наиболее четко в этом ключе сопоставляют категории «активность» и «деятельность» А.В. Брушлинский (1984) и Г.В. Суходольский (1986).

Г.В. Суходольский выделяет две основные формы существования материальных систем: активность (как самодвижение) и реактивность (не самодвижение). Для биологического уровня активность есть жизнедеятельность или жизнь. В свою очередь, основными формами жизнедеятельности являются деятельность и поведение. Деятельность – целесообразно организованная жизнедеятельность, жизнь. Иначе – деятельность есть определенный исторический уровень развития активности, ее форма.

А.В. Брушлинский прямо относит деятельность, поведение, общение, а также созерцание, саморегуляцию, познание, обучение к специфической человеческой активности. Особый акцент автор делает на принципе: психика формируется, развивается и проявляется в различных формах и видах активности субъекта. Фактически у А.В. Брушлинского активность – способ формирования, развития и проявления человека как субъекта. <...>

Теория В.С. Мерлина с ее подчеркнутым интересом к проблемам саморазвития и самоорганизации индивидуальности (Мерлин В.С., 1986), исследования неадаптивных проявлений активности (Петровский В.А., 1992), нарастающее внимание к проблемам субъектности в отечественной психологии (Брушлинский В.А., 1994) стимулировали интерес к изучению активности в пермской психологической школе.

Исследования проблем активности в русле теории интегральной индивидуальности условно можно разделить на два направления: теоретическое и теоретико-экспериментальное. Первое из них связано с концепцией метаиндивидуального мира Л.Я. Дорфмана, второе – с серией исследований, выполненных под руководством Б.А. Вяткина.

Л.Я. Дорфман рассматривает как основной способ взаимодействия интегральной индивидуальности с миром, что, как уже отмечалось, позволяет отнести его позицию к «линии Рубинштейна». При этом интегральная индивидуальность реализует себя как система через формы активности, которые имеют внут-

ренние источники детерминации (ментальное поведение и самодеятельность). «В свою очередь, объекты мира индивидуально воспроизводят некоторые способы собственного существования как систем через опять-таки особые формы активности интегральной индивидуальности. Это имеет место в тех случаях, когда интегральная индивидуальность осуществляет свою активность под влиянием внешних источников детерминации» (экоповедение и экодеятельность). То есть человеку «присущи формы активности, обусловленные и внешними, и внутренними источниками одновременно; и внешняя, и внутренняя детерминации имеют каузальные и целевые (телеологические) измерения. Поэтому вряд ли правомерно, утверждая принцип активности, отказываться от принципов адаптивности – реактивности, или, изучая влияние на деятельность социальных факторов, «не замечать» роль внутренних. Проблема заключается не в том, чтобы выделяя одни формы активности, отрицать другие. Она состоит в том, чтобы признав в равной степени их значимость, определить в то же время роль и место, вклады и сферы влияния каждой из них в жизнедеятельность человека как некое интегральное, вобравшее в себя все формы активности, целое». Базовые формы активности (экодеятельность и экоповедение, самодеятельность и ментальное поведение) и переходные, промежуточные по отношению к ним (реактивное и манипулятивное поведение, поисковая активность, сверхнормативная активность), образуют единую жизнедеятельность человека. Таким образом, по мнению автора, активность человека есть основной способ существования интегральной индивидуальности, ее взаимодействия с миром, т.е. активность есть жизнедеятельность. Вместе с тем, при таком подходе активность превращается в одну из предельно общих философских категорий, теряя собственно психологическое содержание, что затрудняет экспериментальные исследования в этом направлении. Например, при таком подходе лишается всякого смысла попытка исследования активности в деятельности, поскольку активность в этой концепции по своему логическому объему заведомо шире любой из форм деятельности в терминологии автора (экодеятельность и самодеятельность как формы активности). Думается, что указанные четыре «базовые» формы активности действительно подходят для философ-

ско-теоретических исследований жизнедеятельности человека, но не активности в ее собственно психологическом содержании.

В то же время ряд идей в концепции метаиндивидуального мира Л.Я. Дорфмана представляются чрезвычайно продуктивными для понимания сущности активности. На наш взгляд, это идея цикличности форм активности: «... с точки зрения цикличности, любой форме активности присуща повторяемость. В свою очередь, каждый отдельный цикл включает в себя, так сказать, однократное развертывание поведения (или деятельности), начиная от его инициации причинами (целями) и завершая каким-либо результатом». Кроме того, вслед за А.П. Пряеиным (1979), автором выдвинуто предположение о том, что активность в части исполнения может обнаруживать себя актуально и потенциально: «Будучи в актуальном состоянии, активность проявляется в каких-либо действиях и результатах; она становится доступной для внешнего наблюдения. Будучи в потенциальном состоянии, активность не обнаруживается в части исполнения, не проявляется во внешних действиях и результатах, недоступна внешнему наблюдению».

Теоретико-экспериментальное направление разработки проблем активности в пермской психологической школе осуществляется под руководством Б.А. Вяткина и связано с изучением роли активности в структуре интегральной индивидуальности в русле одного из вариантов «линии Рубинштейна», продолженно-го К.А. Абульхановой-Славской и И.А. Джидарьян, т.е. представление об активности исходит из понимания ее как меры взаимодействия субъекта с окружающей действительностью, как такого способа самовыражения и самоосуществления личности в жизни, при котором достигается (или нет) ею качество как целостного, самостоятельного и развивающегося субъекта». В таком понимании «...активность не является абсолютной и исходной характеристикой психического, а приобретает свой реальный смысл лишь в сопоставлении со своей противоположностью – пассивностью. По параметру активность-пассивность достигается более содержательная, более качественная характеристика психических явлений...», т.е. пассивность и активность – это два (относительно более низкий и более высокий) уровня функционирования психического, отражающие не столько количествен-

ные, сколько качественные характеристики психической деятельности (Вяткин Б.А., 1992). Такой подход позволил спланировать и провести серию экспериментальных исследований отдельных видов активности, их индивидуальных стилей и роли в структуре интегральной индивидуальности.

Индивидуальный стиль ведущей активности

Основным звеном, опосредующим взаимосвязь разноуровневых индивидуальных свойств, как говорилось ранее, в лаборатории В.С. Мерлина обычно рассматривался индивидуальный стиль предметной деятельности и общения, понимаемый как система устойчивых операций и действий, при помощи которых преодолевается отрицательное влияние на деятельность какой-либо индивидуальной особенности субъекта (компенсаторная функция стиля) или рассогласование некоторых разноуровневых индивидуальных свойств и образование более гармоничной их системы (системообразующая функция стиля). При этом главными условиями формирования индивидуального стиля считались положительное отношение человека к деятельности и ее творческий характер (наличие широкой зоны неопределенности деятельности). Стиль, таким образом, выступает как одно из основных условий развития интегральной индивидуальности (ИИ).

Однако более интенсивное и глубокое изучение условий развития ИИ, предпринятое в нашей лаборатории за последние годы, показало, что человек начинает сам активно искать наиболее эффективные приемы и способы деятельности и общения лишь в тех случаях, когда изменяются (повышаются) требования деятельности, т.е. когда сам он проявляет определенную активность.

Как указывала И.А. Джидарьян, пассивность и активность — это два (относительно более низкий и более высокий) уровня функционирования психического, отражающие не столько количественные, сколько качественные характеристики психической деятельности. Можно думать, что свою системообразующую (создание новых связей и отношений между разноуровневыми индивидуальными свойствами) функцию деятельность приобретает тогда, когда осуществляется на втором, более высоком уровне активности, что и обеспечивает высшие творческие про-

явления человека, к которым правомерно отнести формирование индивидуального стиля (ИС). Можно предположить, что не только ИС предметной деятельности или общения, но и ИС различных видов активности будут выступать как звенья, опосредующие характер взаимосвязей разноуровневых свойств в структуре ИИ, т.е. выполнять в ней гармонизирующую, системообразующую функцию, определяя своеобразие развития ИИ каждого конкретного человека.

Проявления активности у человека весьма разнообразны. Как правило, различают такие ее разновидности, как моторная, сенсорная, интеллектуальная, эмоциональная, волевая, социальная и т.д. Очевидно, что не все они в одно и то же возрасте, в одной и той же деятельности (учебной, трудовой, игровой, спортивной, художественно-творческой и пр.) являются равнозначными для развития индивидуальности. Вероятно, в каждом возрастном периоде развития человека (дошкольном, младшем школьном, подростковом, юношеском, зрелом) какой-то один или несколько видов активности в силу его большей значимости для развития на данном этапе выступают в качестве ведущей активности, благодаря которой изменяются связи между разноуровневыми свойствами индивидуальности.

Ведущей активностью может быть как в связи с определенным периодом возрастного развития в одной и той же деятельности (например, учебной), так и в связи со спецификой деятельности (например, спортивной), или жизнедеятельности (например, пребывание в исправительных учреждениях). Таким образом, в качестве звена, определяющего взаимосвязи между свойствами различных уровней ИИ наряду с ИС предметной деятельности и общения, правомерно рассматривать и стиль ведущей активности, представляющий собой системное образование — многоуровневое и многокомпонентное, обусловленное системой разноуровневых свойств.

В.И. Шмыков

Индивидуальный стиль коммуникативной активности осужденных¹

Актуальность разрабатываемой проблемы определяется прежде всего ее значением для общества в связи с решением задачи повышения эффективности пенитенциарной системы страны. Особое значение она приобретает и для психологии в связи с изучением индивидуальных особенностей и их проявлений в затруднительных, напряженных, экстремальных условиях жизни и деятельности человека. Зависимость общения от индивидуальных свойств осужденных, его влияния на развитие личности и индивидуальности, формирование правопослушного поведения, поиск механизмов адекватного приспособления к условиям жизни в УИН – мало изученная, но значимая социальная проблема, связанная с настоятельностью снижения уровня преступности в обществе².

Задачи исследования

Приспособлению человека к объективным условиям ситуации и деятельности помогает индивидуальный стиль³, посредством которого лица с различными индивидуальными свойствами могут наилучшим образом адаптироваться к условиям жизни и деятельности. В последние годы на кафедре психологии Пермского педагогического университета под научным руководством

¹ Шмыков В.И. Индивидуальные стили коммуникативной активности осужденных // Психологический журнал. 1996, Т.17, № 3. С.44-52.

² Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи. Криминальная субкультура. Тверь, 1992.

³ Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. Казань, 1969. Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986. Толочек В.А. Стили деятельности: модель стилей с изменчивыми условиями деятельности. М., 1992. Щукин М.Р. Структура индивидуального стиля деятельности и условия его формирования. Автореф. дисс. ...докт. психол. наук. Новосибирск, 1994.

Б.А. Вяткина начато исследование индивидуальных стилей различных видов активности в структуре ИИ¹. Вырабатываемый при этом стиль активности опосредует взаимосвязь как специфическое промежуточное звено разноуровневых свойств индивидуальности человека. В результате преодолевается отрицательное влияние на деятельность какой-либо индивидуальной особенности субъекта (компенсаторная функция стиля) или несогласование некоторых разноуровневых индивидуальных свойств (системообразующая функция стиля). Следовательно, освоение индивидуального стиля активности является условием гармонизации личности. Анализируя этот процесс, практический психолог получает возможность целенаправленно управлять развитием индивидуальности человека.

При постановке гипотезы мы исходили из положений теории ИИ, разработанной В.С. Мерлиным² применительно к стилю коммуникативной активности. Анализ ИСКА с позиции системного подхода в рамках теории ИИ позволяет рассматривать его как целостное, многоуровневое и многокомпонентное образование, которое направлено на обеспечение устойчивости целостной индивидуальности к жизнедеятельности в стрессогенных условиях (УИН).

Таким образом, задачи исследования заключались в следующем:

1. Экспериментально изучить структуру КА осужденных.
2. Выявить различные стили ИСКА у разных групп осужденных (изгоев, нейтральной направленности, отрицательной направленности) и дать им психологическую характеристику.

¹ Вяткин Б.А. Стиль активности как предмет интегрального исследования индивидуальности // Системное исследование индивидуальности. Пермь, 1991. С.7-8. Вяткин Б.А. Стиль активности как фактор развития интегральной индивидуальности // Интегральное исследование индивидуальности: стиль деятельности и общения. Пермь, 1992. С.36-55.

² Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986.

3. Изучить характер детерминации ИСКА разноуровневыми свойствами ИИ.

4. Изучить роль ИСКА в опосредовании межуровневых связей индивидуальных свойств.

Методика

Исследование проводилось в УИН г. Перми. В эксперименте участвовали 77 осужденных общего режима (мужчины). Изучались различные индивидуальные свойства и особенности их межличностного общения.

Свойства нейродинамического уровня определялись по опроснику Я. Стреляу, психодинамического – по ОСТ В.М. Русалова, свойства личности – с помощью 16-факторного опросника Р. Кетелла, акцентуации характера – по методике К. Леонгарда (опросник Х. Смишека). Для изучения локуса-контроля (уровня субъективного контроля) использовался модифицированный опросник Д. Роттера. Самооценка социального статуса осужденного определялась по методике Т.В. Дембо-С.Я. Рубинштейн. В исследовании межличностного взаимодействия применялся модифицированный вариант интерперсональной диагностики Т. Липри (1969). Для изучения субъективных отношений (Н.В. Кузьмина). В исследовании операций общения применялась методика А.А. Коротаева, Т.С. Тамбовцевой (адаптированная к условиям УИН). Результаты исследования обработаны различными методами математической статистики: сравнение данных по t-критерию Стьюдента, корреляционный анализ, факторный анализ по методу главных компонент. Расчеты выполнены на ЭВМ С-1060 с использованием программ ВМДР СОМИ. Рассматривались значимые коэффициенты корреляций, доверительная вероятность выше 0,95.

Результаты и их обсуждение

На начальном этапе исследования рассмотрена структура и уровни коммуникативной активности: межличностное взаимодействие, субъективные отношения, операции общения, статистически значимо связанные между собой. Структура КА явля-

ется многоуровневым и многокомпонентным образованием. Изучены индивидуально-психологические особенности осужденных и характер детерминации КА разноуровневыми свойствами индивидуальности у разных групп осужденных.

В группе I – «изгой» («отверженные», «опущенные»), КА проявляется в пассивно-конформной форме, а осужденные этой группы отличаются:

- слабостью нервной системы, малой подвижностью и низкой выраженностью свойств темперамента (эргичность, пластичность, темп, социальный темп). Такие лица в напряженных условиях жизнедеятельности не способны сконцентрироваться и проявить устойчивость к стрессу;

- преобладанием таких свойств, как обособленность, отчужденность в среде осужденных (фактор А); склонность к непостоянству (фактор С) – легко бросают начатое дело, не прилагают усилий к выполнению требований и норм, ради собственной выгоды способны на обман; низкий самоконтроль (фактор Q3); склонность к чувству вины, подавленность (фактор О);

- акцентуацией таких свойств характера (по Леонгарду), как дистимность – сниженный фон настроения, пессимизм, заторможенность; экзальтированность – эмоциональная неустойчивость, легкость перехода от отчаяния к восторгу, педантичность – повышенная ригидность, инертность, неспособность к вытеснению психотравмирующих переживаний; возбудимость (данный показатель ярко выражен у всех выделенных категорий осужденных);

- низкой самооценкой социального статуса, экстернальным типом уровня субъективного контроля (эти осужденные не верят в себя, собственные возможности и убеждены, что в условиях бесчеловечного социума их судьба во многом зависит от благосклонности администрации или от всемогущества воров «в законе»).

Межличностные взаимодействия здесь отличаются зависимостью, неустойчивыми гиперсоциальными установками, сверхконформностью, неустойчивостью взаимодействий (неадекватные тенденции, как проявления потребности в помощи и попыт-

ки к соперничеству, доминированию). Субъективные отношения характеризуются униженностью со стороны других категорий осужденных, положительным отношением к принудительному труду (в том числе непрестижному, унижительному). Преобладают мягкие операции общения (в том числе операции избегания общения в среде осужденных).

В группе 2 – нейтральной направленности («мужики») – коммуникативная активность проявляется в активно-конформной форме, а осужденным присущи:

- выраженность силы нервной системы и таких свойств темперамента как эргичность, пластичность, темп, эмоциональность, социальная эмоциональность (у таких лиц в стрессогенных условиях жизнедеятельности происходит оптимизация физиологических процессов и активизация функциональных возможностей);

- преобладание таких свойств личности, как высокий самоконтроль (фактор Q3); склонность к чувству вины, озабоченность, напряженность (фактор O);

- акцентуация следующих свойств: гипертимность – жажда деятельности, общительность, самостоятельность, активность; экзальтированность и возбудимость – импульсивность поведения;

- адекватная оценка социального статуса и экстернальный тип реакций уровня субъективного контроля.

В межличностном взаимодействии для них характерна недоверчивость – от реалистической базы суждений до подозрительности. Субъективные отношения: положительное отношение к однородным (к «своим») категориям осужденных; объединение в микрогруппы (так называемые «семейки»); поддержка норм, традиций субкультуры осужденных (проявление саморегуляции в диффузной группе осужденных); участие в принудительном труде (подчинение требованиям администрации); уклонение от непрестижного и унижительного труда (с целью сохранения статуса «мужика» в среде осужденных).

Операции общения – гибкие (смешанные), т.е. сочетания жестких и мягких операций.

В группе 3 – отрицательной направленности («заправилы», «паханы», «углы») КА проявляется в активно-жесткой, асоциальной форме, а осужденные отличаются:

- высокой выраженностью силы нервной системы и низкой выраженностью таких свойств темперамента, как эргичность, эмоциональность (такие лица в напряженных условиях УИН сохраняют самообладание и хладнокровие, высокую устойчивость к стрессу;

- преобладание следующих свойств личности: самоуверенность (фактор O), настойчивость (фактор E); смелость, дерзость (фактор H); высокий самоконтроль (фактор Q3) – осознание требований и норм субкультуры, озабоченность своей «общественной» репутацией в среде осужденных;

- акцентуацией свойств гипертимности – жажда деятельности, оптимизм; застреманности – чрезмерная стойкость аффекта, формирование сверхценных идей; возбудимости – склонность к импульсивности (так же, как и во всех выделенных группах);

- высокой самооценкой социального статуса (осужденные осознают главенствующую роль в криминальной среде).

В их межличностном взаимодействии выражен октант ответственности – гиперсоциальная установка, т.е. способность улавливать общие настроения, выражать и защищать нормы и традиции осужденных; проявлены властно-независимые тенденции. Субъективные отношения: навязывание норм и традиций криминальной субкультуры, объединение в микрогруппы; подавление других категорий осужденных; негативное отношение и противостояние администрации УИН; уклонение и отказ от принудительного труда. Операции общения – жесткие, авторитарные.

Выделенные групповые стили КА подтверждают аналогичные данные ряда исследований межличностного общения различных категорий осужденных¹. В каждой из тех групп КА про-

¹ Гилинский Я.И. Субкультура за решеткой// Советская этнография. 1990. № 2. С.100-103; Лысков Б.Д., Лапин В.А. Опыт экспериментального исследования личности правонарушителей-рецидивистов/ Личность и деятельность. Ленинград. 1982. С. 184-190; Самойлов Л.

является своеобразно и обусловлена различными сочетаниями индивидуальных свойств. Корреляционный анализ связей компонентов КА и показателей разноуровневых свойств ИИ выявил различия в детерминации компонентов уровней стиля. Наблюдается тенденция в обусловленности более высоких уровней КА (межличностные взаимодействия и субъективные отношения) более высокими уровнями ИИ (свойства личности), обеспечивающими психологические механизмы регуляции активности.

Для выявления ИСКА изучена зависимость компонентов КА от разноуровневых свойств ИИ в каждой из групп осужденных. Полученные данные подвергнуты факторному анализу, в результате которого в каждой группе выделено по три значимых фактора, интерпретируемые как проявление того или иного ИСКА. <...>

Для выявления роли стиля КА в структуре ИИ осужденного был сопоставлен характер межуровневых связей индивидуальных свойств в различных группах осужденных. Обнаружено, что у представителей выделенных нами групп связи разноуровневых свойств нервной системы, темперамента и личности различны. Это свидетельствует о том, что индивидуальный стиль КА выступает как промежуточное, опосредующее звено между разноуровневыми свойствами интегральной индивидуальности.

Выводы

Коммуникативная активность – это многоуровневое и многокомпонентное образование (включающее межличностное взаимодействие, субъективные отношения личности, операции общения), направленное на обеспечение оптимальной устойчивости к деятельности в напряженных условиях.

Существуют различные индивидуальные стили коммуникативной активности в разных группах осужденных («изгоев», «нейтральных» и с отрицательной направленностью), каждый из которых представляет собой своеобразную систему межлично-

стного взаимодействия, субъективных отношений и операций общения.

Индивидуальный стиль коммуникативной активности обусловлен своеобразным симптомокомплексом свойств, относящихся к различным уровням интегральной индивидуальности – нейродинамическому, психодинамическому, социально-психологическому. Он вырабатывается у осужденных стихийно или сознательно в зависимости от объективных условий жизнедеятельности, деятельности и общения.

Индивидуальный стиль коммуникативной активности помимо приспособительной (компенсаторной) выполняет в структуре интегральной индивидуальности системообразующую функцию, т.е. является опосредующим звеном в связях разноуровневых индивидуальных свойств.

Выделение и учет комплекса условий, способствующих формированию целесообразного стиля коммуникативной активности, имеет важное практическое значение для сотрудников МВД РФ, способствует индивидуализации пенитенциарного воздействия.

Этнография лагеря// Советская этнография. 1990. № 1. С.96-106. Сухов А.Н. Криминальное общение в среде осужденных. Рязань, 1993. Хохряков Г.Ф. Формирование правосознания у осужденных. М., 1985.

С.А. Васюра

**Коммуникативная активность школьников подросткового
возраста и ее развитие¹**

В связи с запросами общественной практики в последние годы различные аспекты проблемы коммуникативной активности интенсивно исследуются в психологии. Изучение разных видов психической активности имеет важное значение для понимания движущих сил и путей развития индивидуальности и личности.

Индивидуальность человека как целостная саморегулируемая система изучается в пермской психологической школе. Индивидуальность состоит из относительно замкнутых иерархических уровней, соответствующих разным ступеням развития материи (от биохимической до социально-психологической), и представляет собой «особый», выражающий индивидуальное своеобразие характер связи между всеми свойствами человека². В.С. Мерлин обосновал важнейшее положение о том, что основную роль в развитии индивидуальности играют индивидуальные стили деятельности и общения – устойчивые системы целей, действий и операций в предметной деятельности и общении. В результате формирования индивидуальных стилей преодолевается рассогласование некоторых разноуровневых индивидуальных свойств, образуется более гармоничная их система. Традиционный путь в исследовании индивидуальных стилей деятельности и общения заключается в их рассмотрении в контексте приспособления, адаптации индивида к окружающей среде. Однако в концепции интегральной индивидуальности заложены основы для дальнейшего научного поиска, в частности, исследования собственной активности субъекта. «Усвоение индивидуального стиля и развитие индивидуальности происходит благо-

¹ Васюра С.А. Коммуникативная активность школьников подросткового возраста и ее развитие // Психологическая наука и образование. 2002, № 3. С. 35-44.

² Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986. С. 19.

даря особому, как мы понимаем, универсальному мотиву – оставаться всегда индивидуальностью, защищать свою индивидуальность и становится все более и более гармоничной индивидуальностью»¹.

Системный подход к изучению активности реализуется с позиций теории интегральной индивидуальности в пермской психологической школе Л.Я. Дорфманом (теоретический подход) и Б.А. Вяткиным (теоретико-экспериментальный подход). В концепции метаиндивидуального мира Л.Я. Дорфмана дается типология форм человеческой активности. Автор, раскрывая многоаспектные процессы взаимодействия индивидуальности с миром, выделяет различные формы активности в связи с источниками и типами их детерминации².

Теоретико-экспериментальный подход Б.А. Вяткина связан с изучением роли активности в структуре интегральной индивидуальности в соответствии с линией С.Л. Рубинштейна, продолженной К.А. Абульхановой-Славской и И.А. Джидарьян, «посредством категории активности подчеркивается то особое качество человека как субъекта деятельности, благодаря которому он выходит за пределы заданных условий и обстоятельств жизнедеятельности, проявляя инициативу, творческий поиск, добиваясь максимальной мобилизации внутренних резервов и возможностей для целенаправленного изменения и преобразования мира»³. Изучение условий развития интегральной индивидуальности показало, что «человек начинает сам активно искать наиболее эффективные приемы и способы деятельности и общения лишь в тех случаях, когда изменяются (повышаются) требования деятельности, т.е. когда сам он проявляет определенную актив-

¹ Мерлин В.С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. М., 1986. С.217.

² Дорфман Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы. М., 1993.

³ Джидарьян И.А. Категория активности и ее место в системе психологического знания // категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988. С.85-86.

ность»¹. Б.А. Вяткин указывает, что не все виды активности в одном и том же возрасте, в одной и той же деятельности являются равнозначными для развития индивидуальности. Он полагает, что ведущей активностью может быть как в связи с определенным периодом возрастного развития в одной деятельности (например, учебной), так и в связи со спецификой деятельности (например, спортивной) или жизнедеятельности человека (например, пребывание осужденных в исправительных учреждениях)². Следовательно, в качестве звена, определяющего взаимосвязи между разноуровневыми свойствами индивидуальности, наряду с индивидуальными стилями предметной деятельности и общения можно рассматривать и стиль ведущей активности, представляющий собой системное образование – многоуровневое и многокомпонентное. Индивидуальные стили различных видов активности будут выполнять гармонизирующую, системообразующую функцию, оказывая влияние на своеобразие развития индивидуальности человека.

Экспериментальные исследования, проводимые Б.А. Вяткиным и его сотрудниками, касаются структуры стилей различных видов активности, их обусловленности разноуровневыми свойствами индивидуальности. В.И. Шмыков выявил стили коммуникативной активности осужденных, которые обеспечивают оптимальную устойчивость человека к жизнедеятельности в стрессогенных условиях³. Исследования ведущих видов активности в младшем и старшем школьном возрастах выполнены А.А. Волочковым, Н.А. Кириловой⁴.

¹ Вяткин Б.А. Стиль активности как фактор развития интегральной индивидуальности // Интегральное исследование индивидуальности: стиль деятельности и общения. Пермь, 1992. С.98.

² Там же.

³ Шмыков В.И. Индивидуальный стиль коммуникативной активности осужденных // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 3.

⁴ Волочков А.А., Вяткин Б.А. Индивидуальный стиль учебной активности в младшем школьном возрасте // Вопросы психологии. 1999. №5. Кирилова Н.А. Ценностные ориентации в структуре интегральной ин-

Предметом нашего исследования является коммуникативная активность школьников подросткового возраста. Результаты многочисленных психологических исследований свидетельствуют о том, что в общении со значимыми другими – родителями, педагогами и, прежде всего, со сверстниками – происходит становление личности подростка, формирование важнейших ее свойств¹. Однако внимание исследователей чаще всего акцентируется на сфере общения учащегося, а не на его собственной коммуникативной активности, либо изучаются ее отдельные проявления. Влияние коммуникативной активности на целостную индивидуальность школьников остается малоизученным.

В ситуациях общения многие действия подростков оказываются поисковыми. Объекты активного поиска подростков – это различные ситуации взаимоотношений; отдельные случаи общения, требующие активных действий или отказа от них; средства, способы и приемы оказания воздействия на людей; качества, которые могут гарантировать жесткое проведение своей линии в отношениях. В целом коммуникативная активность подростков направлена на установление многочисленных способов общения ситуациям взаимодействия².

Коммуникативная активность личности в отечественной психологии изучается в разных концептуальных рамках. Активность в общении, как отмечает А.А. Бодалев, определяется в психологической литературе и как состояние взаимодействующих людей, и как качество коммуникативной деятельности, и

дивидуальности старших школьников // Вопросы психологии. 2000. № 4.

¹ Драгунова Т.В. Психологические особенности подростка // Возрастная и педагогическая психология. М., 1979. Кон И.С. Психология ранней юности: Кн. для учителя. М., 1989. Фельдштейн Д.И. Проблемы возрастной и педагогической психологии. М., 1995. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии. 1971. № 4.

² Филонов Л.Б. Поиск пределов допустимого как одна из особенностей поведения «трудных» подростков // Социальная психология личности / Отв. ред. М.И.Бобнева, Е.В.Шорохова. М., 1979.

как проявление творческого отношения к партнеру по общению, и как личностное образование – познавательный, эмоциональный, и поведенческий оклик на другого человека¹. В зависимости от интенсивности взаимодействия субъекта общения с окружающими людьми уровень коммуникативной активности может быть высоким, средним, низким. Антипод активности – пассивность, т.е. отсутствие интереса к общению, безучастное отношение к окружающим.

Перспективным в изучении коммуникативной активности, на наш взгляд, является развиваемый А.И. Крупновым целостный подход². Он предполагает учет содержательных аспектов (внутренних побуждений к общению), результативных аспектов (реальных достижений, полученных в ходе межличностных взаимоотношений), а также процессуальных, динамических аспектов, представляющих реальную картину взаимоотношений человека с другими людьми.

Учитывая существующие представления о структуре коммуникативной активности, исследования стилей коммуникативной активности с позиции теории интегральной индивидуальности, а также особенности межличностного общения подростков, мы рассматриваем коммуникативную активность:

- как меру взаимодействия субъекта общения с окружающими людьми, возникающего по его собственной инициативе;
- как сложное образование, включающее в себя компоненты операционально-динамического уровня и уровня межличностного взаимодействия.

Задачи исследования:

1. Изучить психологическую структуру коммуникативной активности при разных уровнях ее развития.
2. Установить особенности индивидуальности подростков с высокой и низкой коммуникативной активностью.
3. Выяснить влияние развития (повышения) коммуникативной активности на особенности интегральной индивидуальности через организацию формирующего эксперимента.

¹ Бодалев А.А. Психология общения. М.; Воронеж, 1996.

² Крупнов А.И. Психологические проблемы исследования активности человека // Вопросы психологии. 1984. № 3.

4. Эмпирическим путем выявить и описать различные стили коммуникативной активности у подростков, а также выяснить своеобразие симптомокомплексов разноуровневых свойств индивидуальности их обуславливающих.

Методы и методики исследования

Исследование проводилось на базе двух общеобразовательных школ г. Ижевска. Испытуемые – школьники старшего подросткового возраста (14-15 лет), всего 88 человек. Операционально-динамические компоненты коммуникативной активности определялись с помощью опросника и программы наблюдений за проявлениями активности общительности¹.

Устанавливались следующие показатели: потребность в общении (стремление к общению), инициативность в общении, легкость вступления в контакт, широта круга общения, устойчивость в общении, выразительность в общении. Компоненты уровня межличностного взаимодействия выявлялись по методике исследования коммуникативных установок личности². В основу методики положены представления о позициях в общении, рассматриваемых в русле трансактного анализа Э. Берна, о глубине взаимоотношений с партнерами по общению в соответствии с теорией коммуникативного развития личности В.И. Кабрина. Трехкомпонентная структура коммуникативных установок личности включает в себя: 1) собственные позиции в общении, на базе которых человек строит взаимоотношения со своими партнерами; 2) предпочитаемые позиции других людей, с которыми человеку удастся установить глубокие отношения; 3) степень глубины отношений, на которую человек ориентирован в общении. В работе нами использовались следующие основные показатели коммуникативной активности:

¹ Крупнов А.И., Жемчугова Л.В. Исследование индивидуальных различий в динамических характеристиках общительности старших школьников // Вопросы психофизиологии активности и саморегуляции личности. Свердловск, 1978.

² Ивашов А.Н., Заика Е.В. Методика исследования коммуникативных установок личности // Вопросы психологии. 1991. № 5.

а) реальная глубина взаимоотношений с партнерами, оцениваемая средним баллом глубины по всем обозначенным лицам (шкала глубины взаимоотношений от 1 до 6 баллов);

б) реальная глубина взаимоотношений, определяемая количеством лиц, с которыми установлены отношения глубиной 5 и 6 баллов, обозначенная нами как реальный круг глубоких взаимоотношений;

в) желаемая глубина взаимоотношений, оцениваемая средним баллом глубины по всем обозначенным лицам;

г) желаемая глубина взаимоотношений, определяемая количеством лиц, с которыми человек хотел бы установить отношения глубиной 5 и 6 баллов, обозначенная нами как желаемый круг глубоких взаимоотношений.

Для исследования индивидуальных особенностей учащихся использовался комплекс методик, диагностирующих свойства различных уровней интегральной индивидуальности. Сила нервной системы по отношению к возбуждению устанавливалась с помощью двигательной методики «Изменение латентного времени простой двигательной реакции на звуковой раздражитель при многократном повторении». Для диагностики свойств темперамента использован опросник В.М. Русалова (Д-ОСТ) для испытуемых в возрасте от 13 до 17 лет. Изучение личностных особенностей производилось с помощью опросника 14 PF Кеттелла. Социально-психологические особенности испытуемых выявлялись с помощью методики диагностики межличностных отношений Т. Лири и социометрической методики (определялись социометрические статусы в учебной сфере и внешкольном досуге учащихся).

Использовался пакет прикладных программ статистической обработки данных «SPSS».

Обсуждение результатов

На первом этапе исследования результаты опроса и наблюдений по интегральным показателям коммуникативной активности были сопоставлены между собой с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена ($p < 0,01$). По критерию $M \pm 1/2$ были выделены три группы испытуемых: с низким (23 человека), средним (42 человека) и высоким (23 человека) уровнем раз-

вития коммуникативной активности. Окончательный диагноз поставлен на основании совпадения результатов по обоим методам. Достоверность различий по интегральному показателю коммуникативной активности между полярными группами определялась по t -критерию Стьюдента ($p < 0,01$).

О степени развития коммуникативной активности свидетельствуют также статистически значимые различия между «низкоактивными» и «высокоактивными» испытуемыми по всем показателям уровня межличностного взаимодействия, кроме «реальной глубины взаимоотношений». Таким образом, общительные подростки, несмотря на использование разнообразных операционально-динамических приемов в контактах с людьми, имеют такую же глубину взаимоотношений, как и их малообщительные сверстники. Очевидно, школьники с низкой коммуникативной активностью устанавливают глубокие взаимоотношения с меньшим числом лиц, либо реально оценивают подобные отношения как неглубокие в отличие от общительных подростков. Большинство своих контактов малообщительные учащиеся по шкале глубины взаимоотношений оценивают в 3-4 балла, а общительнее отличаются большей вариабельностью отношений и используют весь континуум от 1 до 6 баллов.

В результате корреляционного анализа выявлены связи между компонентами коммуникативной активности в двух полярных группах испытуемых. В каждой из групп связи между показателями в структуре коммуникативной активности отличаются своеобразием как качественно, так и количественно. В целом значительное сходство между группами наблюдается в характере взаимосвязей показателей уровня межличностного взаимодействия. Различия в связях между компонентами коммуникативной активности в полярных по уровню ее развития группах испытуемых отчетливо проявляются на операционально-динамическом уровне, что отражает своеобразие реализации и регуляции активности в конкретных актах общения «низкоактивными» и «высокоактивными» подростками. Более полно связи между показателями коммуникативной активности выражены при высоком уровне ее развития.

Факторный анализ позволил получить характеристику структуры коммуникативной активности, установить характер

внутренних взаимосвязей ее компонентов в обеих группах испытуемых. В группе подростков с низким уровнем коммуникативной активности выявлено три фактора, вобравших в себя 65,8% общей дисперсии: «малая глубина взаимоотношений», «низкая коммуникативная экспрессивность и безынициативность», «постоянство контактов с узким кругом лиц». В группе «высокоактивных» испытуемых также выявлено три фактора с общей дисперсией 70,3%: «стремление к установлению и поддержанию глубоких взаимоотношений», «коммуникативная экспансивность», «инициативность и неустойчивость в общении».

Для выявления индивидуального своеобразия подростков с низкой и высокой коммуникативной активностью был проведен анализ различий абсолютных показателей индивидуальных свойств по t-критерию Стьюдента. Между полярными по уровню развития коммуникативной активности группами выявлены различия по следующим показателям: социальная эргичность, факторы А, Н, Q2, Q4 (по Кеттеллу), сотрудничающе-конвенциональный и ответственно-великодушный типы межличностных отношений, учебный статус, статус в досуговой сфере. <...>

Одним из способов исследования влияния коммуникативной активности на интегральную индивидуальность подростков является формирующий эксперимент, направленный на повышение активности в общении с целью обнаружения изменения структуры их интегральной индивидуальности. Из группы испытуемых с низким уровнем развития коммуникативной активности (23 человека) в эксперименте приняли участие 16 подростков, а 7 подростков составили контрольную группу.

Формирующий эксперимент, проводился в течение 7 месяцев по специально разработанной программе, включающей социально-психологический тренинг и индивидуальное психологическое консультирование. <...>

Измерение показателей коммуникативной активности в экспериментальной и контрольной группах проводилось дважды, с интервалом 7 месяцев. Для выявления различий показателей коммуникативной активности использован t-критерий Стьюдента. В контрольной группе достоверные различия показателей не установлены. В экспериментальной группе выявлены активно-

сти, статистически значимо увеличились 6 из 10 показателей – показатели уровня межличностного взаимодействия.

Связи между разноуровневыми свойствами индивидуальности устанавливались дважды: до и после формирующего эксперимента. В результате выявлено изменение характера их взаимосвязей. Так, например, распалась корреляционная связь, которая отражала взаимозависимость обособленности (фактор А по Кеттеллу) и низкой социальной эргичности.

Для выявления индивидуальных стилей коммуникативной активности в группе подростков с высоким уровнем ее развития данные интеркорреляций всех изучаемых свойств индивидуальности и коммуникативной активности были подвергнуты факторному анализу. <...>

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать следующие рекомендации для педагогов по совершенствованию учебно-воспитательного процесса в школе:

1. Развитие коммуникативной активности подростка происходит главным образом путем роста инициативности в общении за счет самопознания. В связи с этим помощь в повышении коммуникативной активности, в становлении индивидуального стиля коммуникативной активности подростка должна быть направлена на организацию его самопознания. Процесс повышения коммуникативной активности будет успешным в том случае, когда у школьника актуализирована внутренняя готовность к самоизменениям, сформирована положительная мотивация на развитие своих коммуникативных качеств и умений.

2. В процессе организации взаимодействия подростков друг с другом и окружающими их людьми педагогу необходимо:

- создавать условия для нивелирования негативных тенденций в общении подростков, таких как зависимость и несамостоятельность, подавляющих развитие инициативности в общении;

- помогать становлению индивидуального стиля коммуникативной активности через организацию различных видов групповой деятельности;

- совершенствовать свой педагогический такт.

Выводы

1. Коммуникативная активность школьников подросткового возраста – сложное психологическое образование, включающее в себя компоненты двух уровней: межличностного и операционально-динамического взаимодействия. С повышением уровня развития коммуникативной активности изменяется ее структура: устанавливаются более тесные связи между ее компонентами, т.е. она делается более целостной.

2. Коммуникативная активность по мере своего развития определяет своеобразие структуры интегральной индивидуальности подростка, т.е. выступает в качестве опосредующего звена в детерминации связей свойств разных иерархических уровней. Об этом свидетельствуют различия в характере связей между разноуровневыми свойствами индивидуальности, выявленные между полярными по уровню развития коммуникативной активности группами подростков; до и после формирующего эксперимента в одной и той же группе подростков.

3. Индивидуальный стиль коммуникативной активности – это сложное многокомпонентное образование, включающее межличностное взаимодействие и операционально-динамические характеристики, направленные на установлении социальных контактов, построение устойчивых взаимных отношений, т.е. активное приспособление к социальной среде.

4. В группе подростков с высоким уровнем развития коммуникативной активности выявлено три различных индивидуальных стиля коммуникативной активности, обусловленных симптомокомплексами разноуровневых свойств индивидуальности: жестко-поверхностный, мягко-доверительный, избирательно-устойчивый. Индивидуальные стили коммуникативной активности выполняют как приспособительную, так и системообразующую функцию в структуре интегральной индивидуальности подростков.

Д.С. Корниенко

К вопросу о природе коммуникативной активности и взаимосвязи ее компонентов¹

Изучение различных видов психической активности имеет важное значение для понимания движущих сил и путей развития индивидуальности и личности (Вяткин Б.А., 1991). В системе социальных взаимодействий особую роль играет изучение коммуникативных характеристик, одной из которых является коммуникативная активность или активность в общении. В связи с этим изучение коммуникативной активности, выделение ее структуры и особенностей, а также ее природных детерминант является актуальной психологической задачей.

В наших прежних исследованиях была предпринята попытка выделения структуры коммуникативной активности и изучение ее гендерных особенностей (Корниенко Д.С., 2001, 2000, 1998).

Обобщая наиболее важные моменты имеющихся подходов к изучению активности, представляется необходимым определить рабочее понятие активности. Вслед за А.И.Крупновым (1969; 1984) она нами рассматривается как мера деятельности, уровень протекания процесса и взаимодействия вообще или как потенциальные возможности субъекта к взаимодействию, характеризуется совокупностью инициативных действий субъекта, обуславливаемых его внутренними противоречиями, опосредованными средовыми влияниями. Активность человека можно определить и как относительно устойчивое свойство, проявляющееся в уровне интенсивности реализации поведения, деятельности и их результате, устойчивости и объеме взаимодействия, исходящего из внутренней его инициативы.

В работе мы придерживаемся теории интегральной индивидуальности (В.С. Мерлин, 1986) и роли активности в ее развитии (Б.А. Вяткин, 1991). Предмет нашего исследования – коммуни-

¹ Корниенко Д.С. К вопросу о природе коммуникативной активности и взаимосвязи ее компонентов// Вестник Пермского государственного педагогического университета. 2002, № 1-2 (Серия «Психология»). С. 49-60.

кативная активность в структуре интегральной индивидуальности человека.

В таком аспекте она изучалась у подростков. Коммуникативная активность в нашей лаборатории изучалась С.А. Васюрой (1998). Основная идея этого исследования в том, что коммуникативная активность – это сложное психологическое образование, включающее в себя компоненты двух уровней: межличностного взаимодействия и операционально-динамического.

Коммуникативная активность по мере своего развития определяет своеобразие структуры интегральной индивидуальности подростка и выступает в качестве опосредующего звена в детерминации связей свойств разных иерархических уровней.

В нашем исследовании, проведенном в 1999-2000 гг. на студентах, было обнаружено следующее: в структуре коммуникативной активности выделяются 3 независимых компонента, и каждый описывает определенную ее сторону. Согласно определению активности в целом по А.И. Крупнову (1969), можно выделить 2 качественные и количественные ее характеристики: уровень интенсивности взаимодействия, потенциальные возможности субъекта к взаимодействию и, кроме того, активность – источник любого процесса или взаимодействия, который главным образом исходит из внутренних противоречий и опосредуется извне. Выделенные нами три компонента «накладываются» на данное определение следующим образом см. табл. 1.

Таблица 1

Характеристики (А.И. Крупнов, 1984)	Компоненты коммуникативной активности (Д.С. Корниенко, 2000)
Уровень интенсивности взаимодействия	1. Интенсивность и скорость
	2. Эмоциональность
Потенциальные возможности субъекта к взаимодействию	3. Потребность и гибкость

Так, характеризуя уровень интенсивности взаимодействия, мы будем говорить в основном о таких динамических характеристиках активности в общении как инициативность в общении и установление социальных контактов, широта круга общения, выразительность в социальном взаимодействии и коммуникативная скорость как вербальная особенность в формально-динамической характеристике общительности.

Потенциальные возможности субъекта к взаимодействию описываются в терминах коммуникативной эргичности и пластичности, а также таких личностных характеристик как разговорчивость, уединенность, доверчивость. Данная характеристика определяет уровень выраженности потребности в социальном, коммуникативном взаимодействии и готовность вступать в данное взаимодействие и стремление к новым контактам.

Третий компонент – «эмоциональность» – хотя и не выделен в определении активности, однако он поддается как качественной, так и количественной оценке. Параметр эмоциональности рассматривается относительно самостоятельно, т.е. говоря об эмоциональной стороне активности в общении, необходимо рассматривать этот компонент в наибольшей степени как детерминируемый личностными чертами по сравнению с двумя другими. Этот компонент характеризует не операциональную, а сторону эмоциональных предпочтений, степень эмоциональных реакций, чувствительность к неудачам в общении и к оттенкам межличностных отношений, уверенность и радость, возникающие в процессе социального взаимодействия.

Нами был проведен анализ устойчивости и обоснованности выделения данной структуры, который подтвердил обоснованность выделения 3-компонентной структуры коммуникативной активности (Корниенко Д.С., 2000). Обнаружилось, что данные компоненты коммуникативной активности с отмеченными другими исследователями (А.И. Крупнов (1984), В.М. Русалов (1986, 1979), Р. Кэттелл (1970)) и описывают сходные особенности коммуникативной сферы. Это свидетельствует о том, что обнаруженные нами компоненты («интенсивность и скорость», «эмоциональность», «потребность и гибкость») в структуре

коммуникативной активности объективно существуют и могут быть использованы как теоретический и эмпирический конструктор для дальнейших исследований.

Необходимо отметить, что данная структура требует дальнейшего изучения и, возможно, расширения путем выделения других компонентов. В особенности это касается «Эмоционального компонента», так как он меньшей степени детерминирован свойствами психодинамики, чем два других, и в отношении этого компонента было обнаружено влияние пола (в гендерном исследовании).

В данном исследовании была поставлена задача исследовать коммуникативную активность в русле традиций психогенетики. Такой подход является относительно новым¹ для Пермской научной школы. Вместе с тем, генетический анализ характеристик интегральной индивидуальности позволяет решить ряд вопросов о стабильности системы индивидуальности, о влиянии и роли генетических и средовых компонентов в межиндивидуальной вариативности характеристик различных иерархических уровней, о наследуемости индивидуальных свойств и многие другие. Исходя из этого, представляется, что исследование генотип-средовых детерминант является новым, актуальным и продуктивным подходом. В связи с тем, что в выделенной нами структуре коммуникативной активности свойства психодинамического уровня играют значительную роль, то наибольший интерес вызывает изучение генотип-средовых влияний именно по отношению к свойствам данного уровня.

Организация исследования

В 2000-2002 гг. было организовано на выборке близнецов: монозиготы и дизиготы, в возрасте от 15 до 25 лет, обоих полов, в количестве 60 пар. Использовались те же методики для изучения коммуникативной активности близнецов, что и у не родственников, поэтому сопоставление представляется возможным (методика изучения активности в общении А.И. Крупнова и

¹ Семенов В.В., Кочубей Б.И. Близнецы: проблемы воспитания и развития. М.: Знание, 1985.

свойств индивидуальности ОФДСИ В.М. Русалова, 16 PF опросник Р. Кеттелла).

Методы, которыми располагает психогенетика, позволяют весьма надежно решать ее главную задачу: выяснение той роли, которую играют факторы наследственности и среды в формировании межиндивидуальной вариативности психологических и психофизиологических признаков, индивидуальной траектории развития и т.д. Кроме того, они дают возможность более надежно решать ряд негенетических задач, связанных с выделением актуальных для различных психологических черт средовых переменных, с более точной оценкой эффектов внешних воздействий. Использование метода близнецов насчитывает многолетнюю историю и идет от Ф. Гальтона. Близнецовые исследования проводятся как в России (М.С. Егорова¹, Б.И. Кочубей², В.В. Семенов³, М.В. Алфимова, В.И. Трубников⁴ и др.), так и за рубежом (R. Plomin⁵, J.C. Loehlin, R.C. Nichols⁶ и др.). Близнецовый метод заключается в следующем: исследуются психологические особенности монозиготных и дизиготных близнецов, при постулировании равенства средовых воздействий. Привлечение выборок

¹ Егорова М.С. Исследование темперамента в возрастной генетике поведения // Генетика поведения: качественный анализ психологических и психофизиологических признаков в онтогенезе / Под ред. Малых С.Б. М., 1995. С.59-71. Основы психогенетики / С.Б. Малых, М.С. Егорова, Т.А. Мешкова. М.: Эпидавр, 1998. Равич-Щербо И.В. Исследования по психогенетике человека // Вопросы психологии. 1972. № 2. С.178-187.

² Семенов В.В., Кочубей Б.И. Близнецы: проблемы воспитания и развития. М.: Знание, 1985.

³ Семенов В.В. Исследование эмоциональности человека методом близнецов // Проблемы дифференциальной психофизиологии. Т.10. М.: Педагогика, 1981. С.146-161. Семенов В.В., Кочубей Б.И. Близнецы: проблемы воспитания и развития. М.: Знание, 1985.

⁴ Алфимова М.В., Трубников В.И. Генные основы темперамента и личности // Вопросы психологии 2000. № 2. С.128-136.

⁵ Plomin R. Development, Genetics and Psychology. Lawrence Erlbaum Ass., 1986.

⁶ Loehlin J.C., Nichols R.C., Heredity, Environment and Personality. San-Antonio, TX: University of Texass Press, 1976.

не родственников, т.е. людей, не имеющих одинакового набора генов, в отличие от монозигот, позволяет более точно определить долю наследственного и средового факторов в изучаемых психологических характеристиках. Психогенетическое исследование предполагает специфический набор методов статистической обработки и соответственно интерпретации полученных данных, но для определения основных и, возможно, существенных закономерностей использовались следующие анализы: корреляционный (коэф. кор. по Пирсону), факторный, Т-критерий. Подобная статистическая обработка проводилась в исследованиях Е.П. Гусевой, Н.Ф. Шляхты¹ и др. также на близнецовой выборке. На данном этапе исследования нами были использованы следующие методы: внутриспарные корреляции и вычисление коэффициентов наследуемости для некоторых показателей.

Результаты исследования и их обсуждение

I. При анализе характера взаимосвязей показателей, описывающих коммуникативную сферу, обнаружены как общие (одинаковые), так и специфические (уникальные) связи у близнецов и не родственников. Рассмотрим взаимосвязи показателей свойств психодинамики и активности в общении. По сравнению со структурой связей других свойств обнаруживается наибольшее количество связей у близнецов и не родственников. Обе выборки характеризуются следующим: чем выше потребность в установлении социальных контактов, чем выше уровень готовности к этим контактам, тем выше уровень потребности во взаимодействии, большая инициативность к установлению контакта и большая выразительность в общении. Кроме того, скорость речевой вербализации также напрямую связана с выразительностью. Тот факт, что данные связи оказались общими для

¹ Егорова М.С. Исследование темперамента в возрастной генетике поведения // Генетика поведения: качественный анализ психологических и психофизиологических признаков в онтогенезе / Под ред. Малых С.Б. М., 1995. С.59-71. Основы психогенетики / С.Б. Малых, М.С. Егорова, Т.А. Мешкова. М.: Эпидавр, 1998. Равич-Щербо И.В. Исследования по психогенетике человека // Вопросы психологии. 1972. № 2. С.178-187.

НР и МЗ¹, свидетельствует в пользу их средовой обусловленности. При этом необходимо отметить, что сами свойства могут в различной степени быть детерминированы генотипом и это требует дополнительного анализа.

II. <...> Связи между свойствами личности, относящимися к коммуникативной сфере, и показателями активности в общении у близнецов и не родственников. Важной особенностью является отсутствие общих связей у МЗ и НР. Это не является свидетельством влияния генотипа, а говорит о том, что в межуровневых связях можно ожидать наибольший разброс. Отличным является следующее: на выборке МЗ обнаружено, что большая степень беспечности (фактор F) обуславливает большую инициативность и широту в контактах, а смелость – потребность в общении. На выборке НР те же свойства обеспечивают высокие показатели других свойств: доброта (фактор А) и смелость (фактор Н) – инициативность и широту в контактах, беспечность (фактор F) – потребность в установлении контактов. Последнее так же свидетельствует в пользу влияния средового фактора. <...>

III. <...> Взаимосвязь между свойствами психодинамического и личностного уровней интегральной индивидуальности, относящимися к коммуникативной сфере у МЗ и НР. Результаты обеих выборок показывают, что чем выше беспечность и смелость, тем соответственно выше пластичность, легкость вступления в новые социальные контакты и потребность в общении, тяга к людям.

Однако это снова скорее относится к влиянию среды, а не генотипа. Отличительным для каждой выборки является следующее: у МЗ смелость (фактор Н) связана со скоростью речевой вербализации, а у НР доброта (фактор А) с эргичностью, высокой потребностью в общении. Обращает на себя внимание то, что доброта и смелость отрицательно связаны с эмоциональностью, и, в таком случае, чем более смелый и открытый (добрый) человек, тем ниже чувствительность к неудачам в общении, и в

¹ МЗ – близнецы монозиготы, НР – не родственники.

процессе взаимодействия человек получает больше удовлетворения и радости.

IV. Выяснение структуры коммуникативной активности было сделано с помощью факторного анализа (табл. 2). Исходными были следующие положения: во первых, на выборке МЗ можно выделить те же компоненты, что и на выборке НР; во-вторых, при обнаружении сходных по составу факторов следует говорить об их средовой детерминации, при различных – о возможных генетических влияниях. В третьих, обнаружение сходных компонентов или переменных, их составляющих, может свидетельствовать о том, что в структуре коммуникативной активности необходимо выделять отдельные свойства, которые являются ядром фактора-компонента. <...>

Необходимо отметить, что проведение факторного анализа на выборке МЗ (n=30) связано с нарушением некоторых допущений, о которых говорит, в частности, К. Купер¹. Однако использование факторного анализа на близнецовых выборках, аналогичных нашей по количеству, имеет место в психогенетических исследованиях². Кроме того, мы используем факторный анализ как вспомогательный метод, позволяющий выдвинуть несколько гипотез.

Итак, перейдем к рассмотрению конкретных фактов. В таблице 2 приведены данные факторного анализа на выборках МЗ и НР. Описание результатов по выборке НР достаточно подробно приведено в начале статьи, поэтому обратимся сразу к данным по выборке МЗ.

На выборке МЗ были выделены те же компоненты, что и у НР, но они не во всем сходны по составу. Первый фактор вообрал в себя свойства, характеризующие операционально-динамическую сторону коммуникативной активности и пластичности (*Пластичность коммуникативная, фактор F*). Отличным является включение показателя «устойчивости в обще-

нии» в этот компонент. Второй фактор характеризует скорее потребностный и скоростной аспект коммуникативной активности, большую роль играют личностные свойства (*фактор A, H*), чем в других компонентах. Третий фактор, как и у НР, - фактор «эмоциональности». Свойство эмоциональности ортогонально по отношению к другим свойствам темперамента, и поэтому выделяется в отдельный компонент¹. Возможно, изучение эмоционального компонента коммуникативной активности требует специального исследования. Такое допущение имеет основания в связи с тем, что даже на генетической выборке эмоциональность и ее различные показатели дают сложную, порой противоречивую картину, что обнаружено В. Семеновым².

V. В заключение остановимся на рассмотрении наследуемости отдельных свойств. Как отмечалось выше, свойства психодинамического уровня в значительной степени определяют как структуру коммуникативной активности, так и играют роль в структуре корреляционных плеяд. Для дальнейшего рассмотрения будут использоваться следующие показатели: по методике ОФДСИ В.М. Русалова – эргичность, пластичность, скорость, эмоциональность коммуникативная, психомотрная и интеллектуальная, и по методике изучения активности в общении А.И. Крупнова - потребность в общении, инициативность в общении, легкость в установлении контакта, широта круга общения, устойчивость и выразительность в общении.

Проведение сравнительных анализов на выборках близнецов и не родственников требует проверки допущения о том, что группы близнецов и не родственников принадлежат к одной генеральной совокупности. Для этого используется Т-критерий

¹ Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека / Под ред. И.В. Равич-Щербо. М.: Педагогика, 1988. С.236-292. Семенов В.В. Исследование эмоциональности человека методом близнецов // Проблемы дифференциальной психофизиологии. Т.10. М.: Педагогика, 1981. С.146-161.

² Семенов В.В. Исследование эмоциональности человека методом близнецов // Проблемы дифференциальной психофизиологии. Т.10. М.: Педагогика, 1981. С.146-161.

¹ Купер К. Индивидуальные различия. М.: Аспект-пресс, 2000.

² Гусева Е.П., Шляхта Н.Ф. Некоторые особенности показателей биоэлектрической активности мозга у подростков // Проблемы дифференциальной психофизиологии. М.: Наука, 1974.

Стьюдента и вычисление f-отношения. По результатам сравнений выборки МЗ и ДЗ близнецов различий не выявлено, аналогичные результаты были получены и при сравнении с выборкой не родственников.

Таблица 2

**Результаты факторного анализа выборке
не родственников и близнецов монозигот**

Выборка не родственников

Выборка близнецов МЗ

Переменные	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Эргичность коммуникативная			0,665		0,6377	
Пластичность коммуникативная			0,671	0,6425		
Скорость коммуникативная	0,496				0,8585	
Эмоциональность коммуникативная		- 0,669				0,7853
А-доброта/отчужденность		0,736			0,522	
Г- беспечность/озабоченность			0,707	0,7486		
Н-робость/Смелость		0,785			0,6909	
Q2-самостоятельность/Зависимость						0,5278
Потребность в общении	0,495			0,619		
Инициативность в общении	0,823			0,849		
Легкость в установлении контакта	0,657			0,651		
Широта круга общения	0,707			0,7207		
Устойчивость в общении				0,4357		
Выразительность	0,732				0,4583	
Доля объясн. дисп.	29%	23%	21%	27%	21%	11%

По результатам использования многомерных тестов (Multivariate Tests) для определения многомерных различий между группами (МЗ, ДЗ, НР) нет. Использование критерия Лавиния (Levene's Test of Homogeneity of Variances), позволяющего оценить равенство дисперсий в группах, также не обнаруживает различий по выделенным параметрам.

Вышеуказанные статистики позволяют решить задачу о возможностях дальнейшего сравнения близнецовых данных и данных, полученных на не родственниках. Данные, полученные на негенетической выборке, не дают возможности оперировать показателями наследуемости, с другой стороны, эти испытуемые в большей степени создают популяционную картину распределения и выраженности свойств, при разных генотипах и разных средах. Близнецы как уникальная выборка в контексте одинаковых генотипов и одинаковых сред, тем не менее, являются частью популяции и при сравнении с не родственниками и требуется подтвердить это положение. Схожесть средних и равенство дисперсий говорят о принадлежности близнецовой выборки к генеральной совокупности.

Рассмотрим показатели внутрипарного сходства в выборках близнецов (табл. 3). Почти по всем показателям психодинамического уровня обнаруживается большее внутрипарное сходство у монозигот, однако интересен тот факт, что показатели эмоциональности не обнаруживают значимых корреляций. Данный факт необходимо рассматривать отдельно, но если обратиться к вышеизложенному, то, во-первых, показатели эмоциональности выстраивают отдельный фактор коммуникативной активности, и, во-вторых, наибольший вес имеют личностные показатели.

Индексы активности показывают достаточно высокие значения, но значения психомоторной и интеллектуальной активности меньше, чем у свойств, их составляющих, индекс коммуникативной активности имеет очень высокий коэффициент, как и у свойств, его составляющих, но индексы образуются простым суммированием, и поэтому высокие значения индексов могут равновероятно объясняться как математически, так и с точки зрения психогенетики. <...>

Таблица 3

Внутрипарные корреляции у моно- и дизиготных близнецов

Показатели	rMZ n=30	rDZ n=30	Показатели	rMZ n=30	rDZ n=30
Эргичность психомоторная	0,643	0,191	Индекс психомоторной активности	0,442	0,001
Эргичность интеллектуальная	0,585	0,373	Индекс интеллектуальной активности	0,45	0,284
Эргичность коммуникативная	0,531	0,158	Индекс коммуникативной активности	0,75	0,446
Пластичность психомоторная	0,429	0,295	Индекс общей активности	0,43	0,189
Пластичность интеллектуальная	0,38	0,364	Инициативность в общении	0,652	0,34
Пластичность коммуникативная	0,669	0,434	Легкость в установлении контакта	0,632	0,312
Скорость психомоторная	0,493	0,081	Широта круга общения	0,735	0,467
Скорость интеллектуальная	0,557	0,949	Устойчивость в общении	0,538	0,174
Скорость коммуникативная	0,604	0,297			

Выводы

Гипотеза о существовании нескольких независимых компонентов в структуре коммуникативной активности, каждый из которых характеризует различные ее особенности, подтвердилась. Полученные данные позволяют говорить о средовом влиянии на коммуникативную активность и ее компоненты, что, однако, не отрицает генетическую детерминированность отдель-

ных свойств. Приведенный анализ психодинамических свойств, входящих в состав коммуникативной активности, дает основание утверждать, что эти свойства наследственно обусловлены и в структуре коммуникативной активности составляют генетический компонент. Необходимо отметить, что полученная структура коммуникативной активности относительно подвижна, существуют свойства, организующие каждый ее компонент, и свойства дополнительные, вхождение которых в компонент зависит от различных причин, и, прежде всего, от особенностей среды, в которой находится субъект общения, что подтверждается данными о влиянии общей и различающейся среды.

Е.В. Забелина

**Взаимосвязь коммуникативной активности
и беспомощности в подростковом возрасте¹**

Феномен беспомощности, открытый американскими учеными в 70-х гг. XX века, приобретает особую актуальность применительно к российской действительности, где наиболее ярко отражаются основные детерминанты возникновения феномена – высокий уровень непредсказуемости и неконтролируемости внешних событий. Беспомощность в первоначальной трактовке (М. Селигман, 1975) – это психологическое состояние, которое часто является результатом неконтролируемых (не зависящих от нас) событий и проявляется специфическими дефицитами: мотивационным (торможение попыток активного вмешательства в ситуацию), эмоциональным (подавленное состояние из-за бесплодности собственных действий), когнитивным (трудность научения тому, что в аналогичной ситуации действие может оказаться эффективным)². Ряд лонгитюдных исследований (М. Зелигман, 1997; Burns, Seligman, 1989) обосновывают взгляд на беспомощность как устойчивое образование, определяющее склонность человека большинству неразрешимых ситуаций вести себя пассивно, отказываясь от активных действий по преодолению трудностей.

В рамках данного исследования беспомощность понимается как устойчивое образование, определяющее предрасположенность человека реагировать определенным способом на жизненные трудности, проявляющееся в поведении как неспособность к активным действиям в ситуации фрустрации, стресса³. В основе беспомощности лежат когнитивные особенности восприятия и

¹ Забелина Е.В. Взаимосвязь коммуникативной активности и беспомощности в подростковом возрасте // Известия Российского государственного университета. 2008, № 32 (70). Ч. 2. С. 58-62.

² Seligman M.E.P. Helplessness: on depression, development and death. San Francisco: Freeman, 1975.

³ Циринг Д.А. Феномен беспомощности в онтогенезе личности. Дисс. ... кандидата психол. наук. Челябинск, 2001.

интерпретации информации (пессимистический атрибутивный стиль), а также ряд связанных с ним эмоциональных, мотивационных и поведенческих особенностей (Е.В. Забелина, 2008).

Опираясь на исследования беспомощности в поведении как отказа от поиска (В.С. Ротенберг, 1984)¹, мы предположили, что склонность к беспомощности отражается на общем уровне активности человека, и в особенности ярко - в сфере ведущей активности. Учитывая тот факт, что ведущей активностью в подростковом возрасте является коммуникативная (Б.А. Вяткин, 2002, 2005)², представляется возможным предполагать снижение уровня этого типа активности у подростков с признаками беспомощности. Коммуникативная активность рассматривается в данном случае как сложное психологическое образование, обеспечивающее взаимодействие субъекта общения с людьми, исходящее от него и по его собственной инициативе (С.А. Васюра, 2002, 2006)³.

С целью проверки данного предположения было проведено исследование, в котором принимали участие 314 человек, учащиеся средних школ в возрасте 13 - 14 лет.

На первом этапе была проведена диагностика феномена беспомощности у подростков и на ее основе были сформированы две группы испытуемых: с признаками беспомощности, без признаков беспомощности, со средними показателями беспомощности. На втором этапе в выделенных группах диагностировались показатели коммуникативной активности.

При сравнении показателей коммуникативной активности в трех группах испытуемых было установлено, что подростки с признаками беспомощности по большинству показателей значительно отличаются ($p < 0,01$) не только от подростков без признаков беспомощности, но и от группы со средними показателями

¹ Ротенберг В.С., Аршавский В.В. Поисковая активность и адаптация. М.: Наука, 1984.

² Вяткин Б.А. Лекции по психологии интегральной индивидуальности человека. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2000.

³ Васюра С.А. Психология коммуникативной активности человека. Ижевск: издательский дом «Удмуртский университет», 2006.

беспомощности. Беспомощные подростки проявляют меньшую инициативность в общении, испытывают больше затруднений при вступлении в контакт с другими людьми, менее экспрессивны в общении. Круг их общения, как в целом, так и круг глубоких взаимоотношений более узок, а установленные коммуникативные связи менее устойчивы. Однако по показателям потребность в общении и реальная глубина взаимоотношений значимых различий между беспомощными и небеспомощными не было выявлено. Такой результат позволяет сделать вывод, что беспомощные подростки испытывают потребность в общении в такой же степени, как и их небеспомощные сверстники, однако удовлетворить ее им удастся хуже. Беспомощные подростки способны устанавливать глубокие взаимоотношения с партнерами по общению, но делают это выборочно, тщательно рассматривая потенциальные варианты, стараясь не допустить неудач при выборе партнера по общению.

Данные анализа таблиц сопряженности достоверно показали ($\chi^2 = -5,67$ ($p \leq 0,01$)), что частота встречаемости низкой коммуникативной активности у беспомощных подростков значимо выше, чем высокой коммуникативной активности. И наоборот, среди небеспомощных практически нет лиц с низкой коммуникативной активностью. Данный факт свидетельствует о существовании связи между выраженностью коммуникативной активности и беспомощности в данной выборке: чем более выражена у подростков активность в общении, тем меньшую склонность к беспомощности они проявляют.

Результаты корреляционного анализа компонентов беспомощности и коммуникативной активности (вычислялся коэффициент корреляции r -Пирсона) позволяют говорить о наличии специфичных взаимосвязей между ними в зависимости от степени выраженности беспомощности у подростков. Для наглядности приведем примеры значимых корреляций в полярных группах – с признаками беспомощности и с их отсутствием.

Наибольшее количество связей в группе «беспомощных» среди компонентов беспомощности обнаружено у показателя «мотивация достижения»: она положительно связана с шириной

круга общения ($p < 0,01$), легкостью вступления в контакт ($p < 0,05$) и отрицательно с реальным кругом глубоких взаимоотношений ($p < 0,05$). Относительно низкие значения мотивации достижения в этой группе взаимосвязаны с закрытостью испытуемых, наличием у них трудностей при установлении контактов в общении. Наличие отрицательной связи между мотивацией достижения и реальным кругом глубоких взаимоотношений может свидетельствовать о том, что «беспомощные» испытуемые, слабо ориентированные на достижение цели, склонные концентрироваться на том, чтобы избежать возможных неудач, ту же стратегию проявляют и при выстраивании межличностных отношений. Стремясь обезопасить себя от возможных ситуаций неудач в общении, они ограничивают круг лиц, с которыми поддерживают действительно глубокие взаимоотношения. Среди компонентов коммуникативной активности наибольшее количество связей в этой группе обнаружено у показателя «желаемая глубина взаимоотношений». Этот компонент связан положительно с отношением к неудаче ($p < 0,05$) и отрицательно с уровнем самооценки ($p < 0,05$) и уровнем притязаний ($p < 0,05$). Полученные связи можно трактовать таким образом, что выраженная тенденция к пессимизму у «беспомощных» подростков может порождать потребность в том, чтобы другие люди лучше понимали их и разделяли их опасения, однако заниженный уровень самооценки и притязаний, неуверенность в своих силах могут выступать барьером на этом пути и тормозить коммуникативную активность. Другими словами, такая взаимосвязь может служить своеобразным проявлением высокой потребности в общении и неспособности реализовать ее эффективно, что подтверждают и данные сравнительного анализа.

В группе подростков без признаков беспомощности были обнаружены следующие взаимосвязи. Наиболее активно вступает во взаимосвязи с коммуникативной активностью такой компонент беспомощности, как уровень самооценки. Он положительно коррелирует с устойчивостью ($p < 0,05$) и выразительностью в общении ($p < 0,01$), и отрицательно – с показателем реальной глубины взаимоотношений, которую устанавливает испы-

туемый с другими людьми ($p < 0,05$). Наиболее сильные отрицательные связи установлены между самооценкой и реальным ($p < 0,01$), а также желаемым кругом глубоких взаимоотношений субъекта ($p < 0,01$). Полученные результаты могут говорить о том, что чем выше у «небеспомощных» подростков уровень самооценки, тем проще им поддерживать устойчивые связи с другими людьми, тем более свободно и раскрепощено они себя чувствуют в общении. С другой стороны, тот же завышенный уровень самооценки не дает возможности углубиться в интересы другого человека, так как создает благодатную почву для концентрации на себе (эгоцентризма). Данные результаты соотносятся с результатами, полученными на группе «беспомощных», где тенденция прямо противоположная.

Таким образом, выдвинутая гипотеза нашла свое подтверждение: коммуникативная активность у подростков с признаками беспомощности действительно ниже, чем у их небеспомощных сверстников, а также отличается качественным своеобразием. Полученные данные могут быть полезны при проведении профилактики и коррекции негативных проявлений беспомощности у подростков, одним из важных направлений которой должно стать развитие их коммуникативной активности.

А.А. Вихман

Подходы к теоретическому анализу феномена лживости и его связь с коммуникативной активностью¹

Многоаспектность исследования лжи и лживости

Лживость имеет множество оттенков и граней. Именно поэтому тема лживости постоянный объект исследований в разных научных дисциплинах. Каждая из дисциплин пытается ответить на главные интересующие ее вопросы.

В рамках психиатрии и клинической психологии разрабатывается вопрос о патологической лживости. Является ли патологическая ложь – самостоятельным синдромом или же она сопутствующая часть другого, более сложного заболевания? Например, Дик и его коллеги² к патологическим лжецам относят наркоманов и алкоголиков, людей с нарциссизмом, психопатизмом и социопатией. Особенно характерно патологическая лживость проявляется у больных истерией. В этом ключе Ф.А.Селиванов отмечает, что патологична не ложь, а склонность лгать. «Сам процесс лгания истерик не только не осуждает, он не может сам от него избавиться. Если истерику укажут на несоответствие действительности его высказываний, он может согласиться с этим, но угрызений совести не испытывает и лгать из-за этого не перестанет. Истерик лжет при некотором осознании несоответствия его измышлений реальному положению дел. Но его тянет к вранью, как алкоголика тянет к выпивке»³. Есть и другие идеи. В медицинской практике давно описаны случаи, когда люди настойчиво симулируют у себя разные болезни, требуя постоянного медицинского ухода. Есть случаи, когда матери делают все, чтобы их дети серьезно болели, и при этом выдумывают всевозможные симптомы «искусственных» болезней. В криминалистике описаны несколько случаев, когда няньки подвергали смер-

¹ Статья специально написана для хрестоматии.

² Dike, C., Baranoski, M., Griffith, E. (2006). What is pathological lying? The British Journal of Psychiatry, 189, 86.

³ Селиванов, Ф.А. Поиск ошибочного и правильного / Селиванов Ф.А. — Тюмень, 2003. С.42.

тельному риску своих домочадцев, а потом на публике «героически» их спасали. Некоторые мошенники патологически заиклены на обмане своих окружающих, при этом они понимают, что их обман точно когда-нибудь раскроется. Все вышеописанные случаи объединяются в слабоизученный синдром Мюнхгаузена. Клинические описания больных синдромом Мюнхгаузена подтверждают, что патологическая лживость у таких больных — их основная характеристика. Однако, ввиду редкости синдрома, очень сложно провести грамотное статистическое исследование, и потому большинство исследователей оставляют статус патологической лжи не обозначенным.

Юридическая психология и юриспруденция в целом рассматривают другой аспект лживости: когда ложь должна быть наказуема в судебном порядке, а когда нет. Здесь высвечивается другой взгляд на лживость: лживость как орудие труда, со свойственным ему индивидуальными навыками и техниками¹.

В социальной психологии изучаются вопросы распространенности и социальной адекватности лжи и лживости. Например, Д. ДеПауло, используя метод дневников и самоотчетов среди студентов, выявила, что ложь очень распространенный в повседневной жизни коммуникативный феномен, который включает в себя разнообразие ситуаций и тактик лжи. Она выделяет разные типы: прямая ложь (неправда в чистом виде), преувеличение и тонкая ложь (опускание важных деталей)².

Отдельный пласт исследований посвящен этическим аспектам лжи. Например, в рамках экспериментальной психологии обсуждается отдельная проблема «обмана» испытуемых в инструктировании при реализации классического экспериментального плана. Этично ли вводить в заблуждение испытуемых в угоду валидности эксперимента? Данная тематика широко встречается

и в философии (например, И. Кант, В. Соловьев) и в общей теории этики. Ложь изучается даже в искусстве и богословии.

Среди этого огромного массива информации, публикации и тем более научные данные об особенностях самих лжецов явно теряются и представлены все еще не достаточно полно. Данной проблемой занимается психология личности, которая только сейчас начинает разрабатывать диагностические механизмы для полноценного ответа на вышеуказанный вопрос. Но прежде чем изучать феномен нужно детально разобраться в его сути, создать жизнеспособный и фальсифицируемый конструкт. В данной статье будет проанализирована два отличных друг от друга подхода к теоретическому осмыслению феномена лживости: лживость через манипуляцию и макиавеллизм; лживость как феномен социальной драматургии.

Определение лживости через манипуляцию и макиавеллизм

Современный взгляд на феномен лживости характеризует ее как социально распространенное, обыденное свойство личности, которое в той или иной мере встречается у обычных людей. Наиболее полно такой подход к рассмотрению лживости раскрыт в понятии «макиавеллизм личности». Смысл понятия заключается в трех ключевых психологических составляющих (факторах):

1. Субъектная позиция в отношении манипулятивных воздействий на других людей. Важно отметить, что макиавеллист манипулирует всегда осознано с целью достижения выгоды, применяя утонченные техники лести, обмана, подкупа, подлога.

2. Циничное отношение к другим людям как к слабым и зависимым от социального давления. Макиавеллисты относятся к другим людям с подозрением, эмоционально отчужденно, ориентируясь не на партнера, а на свою выгоду, которую они могут получить через него. То есть в процессе манипуляции партнер по взаимодействию для макиавелиста — не более чем инструмент, с помощью которого можно достичь желаемого результата.

¹ Онищенко, О.Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве /О.Р. Онищенко// Дисс. ... канд. психол. наук. — М, 2005.

² DePaulo, B.M., Kashy, D.A. (1998). Everyday lies in close and casual relationships. *Journal of Personality and Social Psychology*, 74, 63-79.

3. Игнорирование социальной морали, когда если она мешает достичь желаемого результата. Неслучайно один из смыслов данного термина переводится как «бессовестный».

Уже на основе этих факторов были созданы пять версий опросника, наиболее популярная из которых стала четвертая (MACH IV). С одной стороны, несмотря на все «шероховатости», макиавеллизм и методика MACH IV вскрыли большой пласт неизученных фактов и открыли дорогу многим интересным исследованиям. Наиболее полезен данный термин для психологов, изучающих особенности людей склонных к лживости. Дело в том, что тенденция к лживости заложена в самой конструкции феномена макиавеллизма, причем это не просто процессуальная характеристика, а субъектная, мировоззренческая позиция.

С другой стороны, подход исследования лживости через конструкт макиавеллизма создает сложную теоретическую проблему о соотношении понятий манипуляции, макиавеллизма и лживости. Вопрос о соотношении макиавеллизма и лживости может быть разрешен дедуктивным путем благодаря различным теоретическим обобщениям и эмпирическим данным, которые достаточно широко представлены в зарубежной психологии. Анолли характеризует макиавеллистов как квалифицированных лжецов, эмоциональная «прохладность» которых позволяет им лучше скрывать «ненужные» эмоции¹. О. Фрай отмечает, что люди с высокими баллами по шкале макиавеллизма склонны использовать самоориентированную ложь, настаивать на своей лжи, когда их слова оспаривают, вынуждая сказать правду, не чувствуют себя дискомфортно, когда лгут, не находят лгать сложным с когнитивной точки зрения и открыто признают, что готовы лгать, обманывать и манипулировать людьми, чтобы получить то, что хотят². МакЛеод и Генеро поставили себе цель выяснить, какие личностные черты влияют на выбор лжи и спо-

¹ Anolli, L., Ciceri, R., Riva, G. (2001). Deceptive Miscommunication Theory (DeMiT): A New Model for the Analysis of Deceptive Communication. IOS Press.

² Фрай, О. Ложь: три способа выявления / О.Фрай. — СПб.: Прайм-Еврознак, 2006.

собствуют большей вероятности ее использования в различных коммуникационных ситуациях. Они обнаружили сильную положительную корреляционную связь между склонностью ко лжи с одной стороны и макиавеллизмом и внешним самоконтролем — с другой¹. Эти исследования дают возможность применять конструкт «макиавеллизм» как мировоззренческую позицию лживой личности.

Еще одна проблема. С одной стороны, макиавеллизм — это склонность человека манипулировать людьми в межличностных отношениях, а макиавеллист — это «субъект, который манипулирует другими на основе кредо, определенных жизненных принципов, которые служат ему оправданием манипулятивного поведения»². С другой стороны, ложь — упрощенно, сознательное манипулирование информацией с целью ввести в заблуждение. Таким образом, и макиавеллизм и ложь определяются через понятие манипуляции, однако и в случае с макиавеллизмом, и в случае с ложью авторы не обсуждают само определение манипуляции. Этот очевидный пробел может быть преодолен на основе положений отечественной психологии.

В отечественной психологии наиболее развернутую формулировку определения феномена «манипуляция» осуществляет Е.Л.Доценко³. Для определения манипуляции как вида психологического воздействия автор предлагает использовать ряд критериев: 1) отношение манипулятора к другому как средству достижения собственных целей; 2) стремление получить односторонний выигрыш; 3) скрытый характер воздействия (факт воздействия и его направленность); 4) мастерство и сноровка в осуществлении манипулятивных действий. Учитывая выше

¹ Mcleod, B., Genereux, R. (2008). Predicting the acceptability and likelihood of lying: The interaction of personality with type of lie. *Personality and Individual Differences*, 45 (7).

² Знаков, В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования / В.В.Знаков // Психологический журнал. — 2000. — Т. 21. — №5. — С.16-22.

³ Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита/ Е.Л.Доценко. — М.: Из-во МГУ, 1997.

представленные признаки, определение манипуляции формулируется следующим образом: «вид психологического воздействия, исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями»¹.

В данном подходе манипуляция может совершаться с условием введения в заблуждение. При этом автор говорит, что одной из основных составляющих манипулятивного воздействия является оперирование информацией. Все разнообразие производимых над информацией операций группируется по следующим параметрам: искажение информации, утаивание информации и способ передачи информацией. В отношении искажения информации отмечено, что оно варьирует от откровенной лжи до частичных деформаций.

Отмеченные положения имеют прямое отношение к рассмотрению лживости в контексте проблемы манипуляции. С одной стороны лживость правомерно рассматривать как манипуляцию информацией. Такая манипуляция естественно оказывает влияние на намерения и побуждения адресата, то есть на мотивационный аспект действий реципиента. Этот момент обосновал в своей работе Ж. Масип. Он сообщает, что ложь необходима коммуникатору, чтобы создать или поддержать в другом человеке веру, которую сам коммуникатор считает ложной. А вера, как убеждение о себе и окружающей среде может быть ложной или истинной, но в любом случае она определяет поведение². С другой стороны, у лжеца имеет место определенная система отношений к объектам воздействия, которая позволяет реализовываться самым способам манипулятивного воздействия, что также оказывает влияние на мотивационный аспект действий реципиента. Подобный аспект в действиях манипулятора выделен в работе Е.Л. Доценко и обозначен как «внутренний мир манипулятора», который характеризует его внутриличностный мотиваци-

онный фон¹. Со своей стороны, такая система отношений лжеца к объектам воздействия в достаточно отчетливой форме представлена и разрабатывается в концепции «макиавеллизма».

Итак, высказанные выше соображения позволяют в лживости выделить две стороны, одна из которых связана с процессуальной стороной реализации лживости как личностного свойства, а другая с мотивационным аспектом этого свойства. В большинстве подходов лживость определяется как специфическое свойство, качество личности или индивидуальности в целом, а ложь как конкретный результат реализации, проявления этого свойства. Таким образом, лживость отождествляется с отношением, внутренними условиями, установками, скрытыми тенденциями, готовностью личности к искажению информацией, а ложь с конкретным проявлением специфической деятельности. Вместе с тем идея о выделении именно в лживости двух взаимосвязанных сторон, первая из которых касается мотивов, отношений, позиций субъекта, вторая способов реализации этих внутренних факторов, в отчетливой форме не выражена.

В то же время, исследования отечественных авторов о связи субъекта, индивидуальности и психики в целом с одной стороны и деятельности, активности с другой стороны (Рубинштейн С.Л.; Леонтьев А.Н.; Платонов К.К.; Мерлин В.С.; Абульханова-Славская К.А.; Брушлинский А.В.), дают основания рассмотрения лживости как единства отмеченных выше сторон. Эти стороны в обобщенном плане можно обозначить как мотивационный и процессуальный аспекты лживости.

Даже учитывая, что свойства личности всегда определяются ее отношениями к действительности и выражают отношения, они не тождественны с последними. Как отмечает В.С. Мерлин: «отношения к личности не созерцательные, пассивные, а деятельные»². То есть, для того, чтобы отношение личности реализовывалось в осуществлении целей и задач деятельности и об-

¹ Там же. С. 59.

² Masip, J., Garrido, E., Herrero, C. (2004). Defining deception. *Anales de psicología*, 20(1), 147-171.

¹ Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита/ Е.Л.Доценко. – М.: Из-во МГУ, 1997. С.91.

² Мерлин, В.С. Личность как предмет психологического исследования/ В.С. Мерлин. – Пермь: ПГПИ, 1988. С.39.

щения, необходимо применить какие-то определенные способы и приемы действий, при помощи которых разрешаются задачи деятельности. Согласно В.С. Мерлину под свойствами личности понимается «такое свойство, в котором выражается обобщенное отношение личности к какой-либо стороне действительности и обусловленный этим отношением обобщенный способ деятельности»¹. Такой подход согласуется с принципом единства сознания и деятельности, согласно которому формируясь в деятельности, психика, сознание в деятельности и проявляется. Этот подход нашел отражение в характеристике связи между субъектом и осуществляемой им деятельностью данной в работах К.А. Абульхановой-Славской и К.К. Платонова. В частности, К.К. Платонов рассматривает вопрос о включении мотивов и способностей в деятельность и отмечает, что они могут быть актуальными, то есть включенными в реально выполняемую деятельность и потенциальными, еще не включенными в нее. Связь между системой внутренних факторов и способов их реализации отчетливо представлена в исследованиях по стилям деятельности и активности (Шукин М.Р., Вяткин Б.А., Волочков А.А.). В положениях отмеченных авторов относительно связи психики и деятельности, общими являются идеи о единстве психики и деятельности и о включенности психических явлений в деятельность. И хотя в отмеченных исследованиях в основном речь идет о связи деятельности и психики это правомерно распространить на связь психики и активности.

На основании сказанного, правомерно рассматривать лживость на основе выделения в ней двух сторон, первая из которых характеризует отношения субъекта и обеспечивает мотивационный аспект, а вторая сторона характеризует реализацию этого отношения, обеспечивая процессуальный аспект лживости. При этом отмеченные стороны характеризуют лживость как единое целое. Такой принцип единства отношения и обобщенных способов деятельности в той или иной мере представлен в некоторых определениях лживости. Однако авторы четко эти отмечен-

¹ Мерлин, В.С. Личность как предмет психологического исследования / В.С.Мерлин. – Пермь: ПГПИ, 1988. С.38.

ные стороны и связь между ними не обозначают. Например, «лживость – это индивидуально-психологическая особенность личности, заключающаяся в искажении информации, проявляющаяся в операциональной и содержательной сферах ...»¹. Видно, что в данном определении лживость понимается и как особенность личности и как реализация этой особенности в искажении информации.

Рассмотрим более подробно реализацию заявленного подхода к лживости как целостного образования. В плане теоретической систематизации накопленного материала по проблеме лживости отчетливо выделяются два ключевых момента.

Первый ключевой момент позволяет характеризовать лживость как отношение личности. В психологической литературе есть несколько вариантов к рассмотрению внутренних установок лживости. Например, К. Мелитан и Д.И. Дубровский характеризуют лживость через категорию морали (лжец обладает безнравственной личностью), а В. Штерн говорит о лживой личности, склонной к реализации эгоистических целей. В зарубежной психологии данный вопрос решается через феномен «макиавеллизм личности», который отражает особую мировоззренческую позицию, проявляющуюся в склонности к манипулятивным воздействиям на собеседника². Учитывая факт тесной связи лживости и макиавеллизма, характерной обобщенной особенностью лжеца в плане внутренних тенденций и позиций может выступать склонность к психологическому воздействию, исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека не актуальных для него намерений. Это косвенно согласуется с большинством авторитетных подходов по поводу мотивации лжи. Например, Ж. Мазип говорит, что для лжеца ложь не является са-

¹ Церковная, И.А. Многомерно-функциональное исследование лживости как индивидуально-психологической особенности личности / И.А.Церковная // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. — Екатеринбург, 2005. С.10.

² Знаков, В.В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования / В.В.Знаков // Психологический журнал. — 2000. — Т. 21. — №5. — С.16-22.

моделью. Если лжец считает, что у реципиента уже есть ложное убеждение, которое действует во благо лжецу, то он скорее будет поддерживать ее, а не создавать новую лживую информацию. Главная цель для лжеца заключается в управлении верой реципиента, которая предположительно будет выгодна лжецу¹. Ложь ради лжи без явной видимой причины и выгоды скорее относится к патологической.

Вместе с тем макиавеллистичной личности присуща осознанная позиция игнорирования законов общепринятой морали и циничное отношение к другим людям. Те же характеристики можно обнаружить при определении основных черт лживости. Обобщая выделенные выше теоретические аспекты, видно, что в феномене макиавеллизма достаточно целостно отражаются мотивация и субъектная позиция лживой личности, и в связи с этим макиавеллизм может выступать мотивационной стороной лживости. В тоже время недостаточно рассматривать лживость только как специфическое свойство личности без конкретных ее реализаций в деятельности. Такого субъекта можно назвать потенциальным лжецом, а истинного лжеца отличает то, что его установки и мотивы находят конкретное процессуальное выражение, тем самым, выражаясь словами К.К. Платонова, включаясь в деятельность как актуальные, а не потенциальные.

Второй ключевой момент позволяет характеризовать лживость как «работающую» характеристику. Ложь – это лишь отдельный способ, используемый для введения в заблуждение. С процессуальной стороны он представляет собой непосредственное искажение информации, в ситуации, когда такого рода искажения не предусмотрены принципами конструктивного диалога. Кроме лжи можно выделить иные способы введения в заблуждение, в которых не обязательно искажение самой сути информации. В частности, способы переработки правдивой информации: сужение необходимой для объективного вывода информации (обман) и предоставление правдивой, но неуместной информации (диверсионный ответ). Все эти способы объединяет

¹ Masip, J., Garrido, E., Herrero, C. (2004). Defining deception. *Anales de psicología*, 20(1), 147-171.

определенная речевая активность, а именно трансформация информации, посредством конкретного манипулирования информацией. В каждом из способов можно выделить конкретные операции: искажение, селекция и расширение. Благодаря этим способам, мотивационная сторона лживости (позиция, установка) находит конкретное процессуальное выражение в общении.

После обозначения ключевых компонентов (мотивационная сторона и процессуальная сторона) можно представить целостное определение. Разумеется, речь идет о рабочем определении, которое при необходимости можно будет дополнять. **Лживость — это склонность к сознательному нарушению принципов конструктивного общения посредством различных способов манипуляции информацией (ложь, обман, диверсионный ответ).**

Структура данного феномена, учитывая выделенные стороны, схематично представлена на рисунке 1.

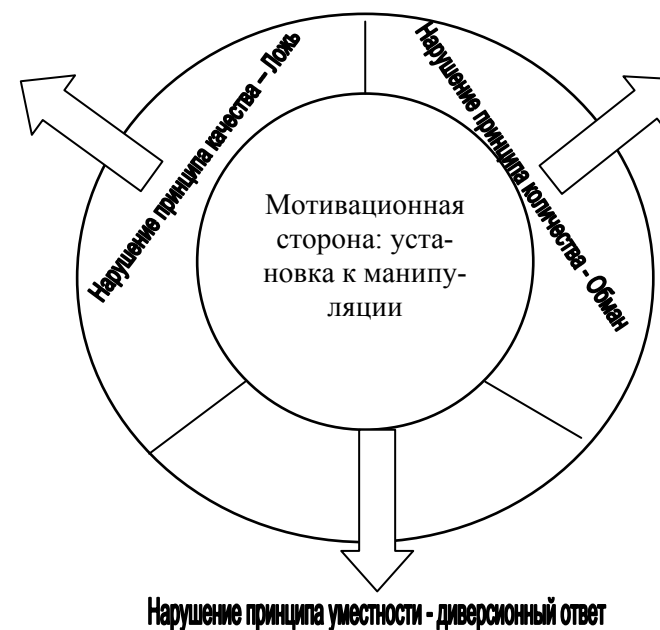

Рис. 1. Структура лживости

Лживость как информационно-манипулятивная активность

Исследование лживости в рамках Пермской научной школы (Вихман, 2011), привело к введению в научную литературу более целостного термина, отражающего информационно-манипулятивные тенденции личности – «информационно-манипулятивная активность»¹. Рассмотрение лживости как специфической активности позволяет предположить, что она играет системообразующую роль, то есть выступает как опосредующее звено в межуровневой организации интегральной индивидуальности, определяя ее структуру.

Раскрыть специфические аспекты лживости как активности можно при сравнении феномена с рядоположенными специфическими видами активности. Учитывая характерные черты лживости, особое внимание уделено манипулятивной и коммуникативной активностям.

Отдельного исследования манипулятивной активности не осуществлялось, однако есть основания полагать, что такая специфическая активность встраивается в общую структуру жизнедеятельности. В рамках теории метаиндивидуального мира Л.Я. Дорфмана разные формы активности сосуществуют друг с другом, создавая феномен активностной полифонии. То есть различные виды активности взаимодействуют во времени и соотносятся между собой по пропорциям. Еще один интересный момент, в качестве опосредующих звеньев во взаимодействиях базовых форм активности выступают промежуточные формы активности, в частности к которым автор относит манипулятивное поведение² (Дорфман, 1993). Однако одного только акцента на манипулятивную активность не достаточно, чтобы объяснить все стороны лживости как отдельного специфического вида активности.

Феномен лжи имеет место в процессе передачи информации и с помощью манипулирования информацией. Можно обмануть

¹ Вихман, А.А. Лживость в структуре интегральной индивидуальности / А.А.Вихман // Дисс. ... канд. психол. наук. — Челябинск, 2011.

² Дорфман, Л.Я. Метаиндивидуальный мир: методологические и теоретические проблемы / Л.Я. Дорфман. — М.: Смысл, 1993.

даже тишиной, но только если она сама по себе является сигналом. Таким образом, мы не можем анализировать лживость в отрыве от активности, которая проявляется в ситуации общения и определяется социальными функциями общения, только по той причине, что наполнением лжи всегда является информация и происходит она в ситуации общения. Таким образом, правомерно рассматривать лживость в тесной связи с коммуникативной активностью.

Коммуникативная активность изучена достаточно хорошо, чтобы провести сопоставление. Обоснованием существа коммуникативной активности человека с позиций теории интегральной индивидуальности в русле системного подхода занималась С.А. Васюра¹. С.А. Васюра предлагает следующее определение коммуникативной активности: «мера взаимодействия с окружающими людьми, исходящего из собственной инициативы субъекта общения». Коммуникативная активность не тождественна общению и не сводится к какому-либо коммуникативному свойству, а представляет собой сложное образование, включающее динамические и содержательные компоненты. Содержание коммуникативной активности по мнению С.А. Васюра, раскрывается через следующие характеристики: потребность в общении, инициативность, широта круга общения, легкость вступления в контакт, выразительность и устойчивость общения, коммуникативные установки, глубина взаимоотношений. Как мы можем заметить, в общей структуре коммуникативной активности не нашлось места феноменам введения в заблуждение. В некотором смысле осознанное нарушение нормальной коммуникации (основных максим общения) противоречит субъект-субъектному взаимо-

¹ Васюра, С.А. Психология коммуникативной активности: учебное пособие / С.А.Васюра. — Ижевск: Удмуртский университет, 2009. — 296с. Васюра, С.А. Коммуникативная активность в структуре интегральной индивидуальности (На материале исслед. школьников подросткового возраста) / С.А.Васюра // Дисс. ... канд. психол. наук. — Пермь, 1998. — 173 с. Васюра, С. А. Психология коммуникативной активности человека: монография. / С.А.Васюра. — Ижевск: Издательский дом "Удмуртский университет", 2006. — 299 с.

действию в процессе коммуникативной активности. Так для лжеца не важны глубина и устойчивость взаимоотношений, а информация имеет ценность и эмоциональный отклик только в том случае, если она соответствует целям лжеца.

Несмотря на обозначенную выше ситуацию, классифицируя коммуникативную активность на множество видов, С.А. Васюра¹ выделяет три вида коммуникативной активности, которые полноценно характеризуют лживость. Обсудим их подробнее.

Во-первых, коммуникативная активность может быть классифицирована по критерию «позиция по отношению к партнеру как субъекту или как к объекту»². Таким образом, коммуникативная активность может быть субъект-субъектной и субъект-объектной. Для общения это разведение носит принципиальный характер. С одной стороны, субъект-субъектная активность отражает истинный смысл общения. С другой стороны, субъект-объектная активность лишь внешне выглядит общением. Б.Ф. Ломов подчеркивает, что результатом активности, проявляемой в общении, является не преобразованный предмет, а отношения с другим человеком (субъектом). Общение выступает как специфическая форма взаимодействия субъектов, при этом в общении проявляется именно взаимодействие, а не воздействие³. Лживость – это больше воздействие, а не взаимодействие. «Псевдообщение» в позиции партнер-объект проявляется еще и в том, что для источника лживости вредна или даже опасна истинная обратная связь от собеседника. Лжец пытается минимизировать неконтролируемую обратную связь, так как она отодвигает реализацию целей манипуляции, вынуждает лжеца оперативно реагировать на нее и может вызвать ненужные эмоции⁴ (Buller & Burgoon, 1996).

¹ Васюра, С.А. Психология коммуникативной активности: учебное пособие / С.А.Васюра. — Ижевск: Удмуртский университет, 2009. — 296 с.

² Там же. С.71.

³ Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф.Ломов. — М.: Наука, 1984.

⁴ Buller, D.B., Burgoon, J.K. (1996). Interpersonal deception theory. Communication theory, 6(3), 203-242.

Во-вторых, коммуникативная активность может быть классифицирована по критерию «содержание активности» на пять видов: разрушающая, агрессивная, манипулятивная, нейтральная и поддерживающая¹. Манипулятивное содержание коммуникативной активности подразумевает «использование партнера по общению как средство достижения собственных целей, при котором любая активность партнера (коммуникативная, волевая, эмоциональная) контролируется и блокируется»². Использование партнера по общению в качестве инструмента для достижения собственных целей является характерной чертой макиавеллистичной личности, что, в свою очередь, является одной из сторон лживости.

В-третьих, коммуникативная активность может классифицироваться по критерию «форма реализации как акция». Исходя из этого, С.А. Васюра выделяет два вида активности: направленность на равноправное, диалогичное общение и направленность на одностороннее воздействие на партнера. Последний вид представлен в императивной (открытой) и манипулятивной (скрытой) форме³. Различные направленности, о которых говорит С.А. Васюра, по нашему мнению, отражают одну из характерных особенностей лжи и отличают ее от обычной коммуникации. В нормальной (с соблюдением всех принципов) коммуникации акцент делается на равноправную или хотя бы открытую одностороннюю направленность. С другой стороны, когда мы анализировали современные определения лжи в зарубежной психологии, мы подробно рассматривали одно из необходимых условий ее существования — наличие намерения, причем обозначалось, что само намерение ввести в заблуждение необходимо рассматривать на

¹ Васюра, С.А. Психология коммуникативной активности: учебное пособие / С.А.Васюра. — Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С.70.

² Там же.

³ Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф.Ломов. — М.: Наука, 1984.

разных уровнях: скрытое и явное¹. Согласно выше обозначенным авторам, именно акцент на скрытые намерения (и направленности) отличает лжеца, а сопутствующая информация в виде приговорного доверия к своей ложной информации и «внешнее» намерение ее передать являются всего лишь инструментами одностороннего воздействия на жертву.

Судя по классификации С.А. Васюра, манипулятивная коммуникация является одним из видов коммуникативной активности с яркой выраженной специфичностью. Специфическими особенностями этого вида активности являются субъект-объектная позиция в общении и направленность на скрытое, одностороннее воздействие. Однако эти специфические особенности противоречат самой общей сути коммуникативной активности.

Если сопоставлять стороны лживости с выделенными выше формами активности, то получается, что с процессуальной стороны лживость очень специфическая форма коммуникативной активности, а с мотивационной стороны лживость это манипулятивная активность. Полифония этих видов активности создает специфическую форму активности, которая и является лживостью. Для ее обозначения необходимо ввести специальный термин.

Учитывая, что лживость представлена в манипулятивной и коммуникативной активности и, что лживость раскрывается в последней лишь внешне, на уровне передачи информации, данную специфическую активность можно обозначить как информационно-манипулятивную. Ее определение соотносится с определением лживости.

Определение лживости через феномены социальной драматургии

В зарубежной психологии активно разрабатывается другой, отличный от макиавеллизма, феномен коммуникации, основанный на манипулировании информацией и характеризующий лживую личность – феномен управления впечатлением. Зна-

чительно термин управление впечатлением появился в концепции социальной драматургии И. Гофмана, в которой он выделял способность субъекта интерпретировать и предсказывать ожидания других участников коммуникации, а, следовательно, и воздействовать на них своим собственным поведением. Широкие возможности самопрезентации позволяют человеку в нужное время надевать «нужные маски» и проявлять «ложное Я» в своих корыстных целях. В русле социальной психологии и социологии данный феномен активно применяется в исследовании двух тесно связанных конструктов: фальсифицирующего управления¹ и социально-желательной мотивации² (McCrae & Costa, 1983; Palhus, 2002). Стоит отметить, что и то и другое является одним и тем же феноменом управления впечатлением, однако исторически сложилось, что данные конструкты отличаются акцентами исследований. С одной стороны, фальсифицирующее управление в большинстве своем используется в исследованиях лжи во время интервью при приеме на работу.

С другой стороны, социальная желательность изучается в двух аспектах. Во-первых, как простое искажение результатов психометрического исследования, несоблюдение инструкции теста. Это ярко представлено в методике работы со шкалами лжи (например, в ОФДСИ Русалова), которые не диагностируют психологический феномен, а диагностируют недоверие к результатам. Во-вторых, как отдельный психологический феномен, который в свою очередь изучается так же через шкалы лжи³. Здесь

¹ Mueller-Hanson, R.A., Heggstad, E.D., Thornton, G.C. (2006). Individual differences in impression management: an exploration of the psychological processes underlying faking. *Psychology Science*, 48(3), 288-312.

² McCrae, R. R.; Costa, P. T. (1983). "Joint factors in self-reports and ratings: Neuroticism, extraversion and openness to experience". *Personality and Individual Differences* 4 (3). Palhus, D. (2002). Socially desirable responding / in Braun, H., Jackson, D. (Eds) *The role of constructs in psychological and educational measurement*. Mahwah NJ.

³ Palhus, D. (2002). Socially desirable responding / in Braun, H., Jackson, D. (Eds) *The role of constructs in psychological and educational measurement*. Mahwah NJ.

¹ Anolli, L., Ciceri, R., Riva, G. (2001). *Deceptive Miscommunication Theory (DeMiT): A New Model for the Analysis of Deceptive Communication*. IOS Press.

стоит отметить, что в психологической литературе ведутся давние споры о возможности применения шкал лжи как адекватного инструментария диагностики социально желательной мотивации¹ (McCrae & Costa, 1983). Наиболее продуктивной позицией, по нашему мнению является, та, которая позволяет использовать шкалы лжи для диагностики уровня управления впечатлением, но в пределах 0,8 стенов. В, пожалуй, единственном в отечественной психологии исследовании лживости² в качестве психодиагностического дизайна были выбраны шкалы лжи. Однако стоит отметить, что единоличное использования конструкта управления впечатлением не сможет раскрыть всей полноты лживости как свойства индивидуальности. Лживость как тенденция управлять впечатлением о себе имеет много общего с понятием макиавеллизм. Общей основой у них является сознательное манипулирование информацией, схожи тактики и мотивы введения в заблуждение, оба понятия социально осуждаемы. Но, несмотря на очевидные сходства, можно обозначить некоторые отличия: управление впечатлением - это «застенчивый» обман другого, мотивированный социальным беспокойством за свое Я³, а макиавеллизм - «бессовестный» обман другого, мотивированный отсутствием моральных норм и правил.

В данном подходе теоретический анализ лживости как феномена социальной драматургии, а также осмысление формы активности для его целостного понимания, не завершен и требует отдельного изучения.

¹ McCrae, R. R.; Costa, P. T. (1983). "Joint factors in self-reports and ratings: Neuroticism, extraversion and openness to experience". *Personality and Individual Differences* 4 (3).

² Церковная, И.А. Многомерно-функциональное исследование лживости как индивидуально-психологической особенности личности / И.А.Церковная // Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. — Екатеринбург, 2005. С.10.

³ Tetlock, P. E. & Manstead, A. S. R. (1985). Impression management versus intrapsychic explanations in social psychology: A useful dichotomy? *Psychological Review*, 92. p. 62.

Раздел IV. Прикладные аспекты коммуникативной активности: коррекция и развитие

Е.Д. Бреус

Принципы выхода из ситуаций затрудненного общения¹

Субъект затрудненного общения не всегда осознает, что он является трудным партнером. Он не обладает необходимым уровнем осознания его системы отношений, приводящей к ситуациям затрудненного общения. Чтобы понять все возможные пути выхода из ситуаций затрудненного общения, рассмотрим более подробно те положения, которые сформировались в процессе субъект-субъектного подхода к общению.

К исследованию личностного общения как субъект-субъектного по своей природе психологи пришли на основе работ выдающихся отечественных психологов А.А. Ухтомского, М.М. Бехтерева, Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна, Б.Ф. Ломова. Идеи А.А. Ухтомского о «доминанте на собеседнике», М.М. Бахтина о диалоге были сформулированы еще в начале XX века. Выдвинутое Б.Ф. Ломовым методологическое положение о субъект-субъектных отношениях как специфике процесса общения легло в основу многих работ, посвященных проблеме общения.

Основу субъект-субъектной природы общения многие исследователи видят именно во взаимном воздействии людей друг на друга, что зафиксировано в категориях «взаимодействие», «взаимоотношение», «взаимовлияние». Так, В.Н. Мясищев рассматривал общение как процесс взаимодействия конкретных личностей, определенным образом отражающих друг друга, относящихся к друг другу и воздействующих друг на друга. Вслед за ним многие ученые считают, что общение – это специфическая форма взаимодей-

¹ Лабунская В.А., Менджерицкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М.: Издат. центр «Академия», 2001. С. 216-220.

ствия человека с другими людьми, взаимодействие субъектов, вступающих в общение как равные партнеры.

Идея взаимовлияния и взаимодетерминации в общении представлена также в концепции персонализации В.А. Петровского, в его понятии «отраженная субъектность», которая понимается им как способность быть субъектом преобразования поведения и сознания окружающих через свою представленность в них. «В процессах общения, - как утверждает автор, - происходит перенос индивидуальных и субъектно-интенциональных характеристик общающихся индивидов друг в друга, своеобразная интериоризация других как субъектов»¹.

О взаимодетерминации, равенстве личностей, вступающих в общение, их индивидуальном проявлении в этом общении говорит М.С. Каган, рассматривая общение как субъект-субъектную форму взаимодействия, которая представляет собой связь двух или более равноактивных, равносвободных, равноуникальных субъектов, раскрывающих свою неповторимость в содержании и способе своего взаимодействия.

Таким образом, из приведенных работ следует, что *выход* из ситуации затрудненного общения возможен при соблюдении принципа *равенства*; принципа *взаимной детерминации*; принципа *осознания себя и окружающих* через свою представленность в других.

К.А. Абульханова-Славская отмечает, что созданное в общении отношение начинается, в свою очередь, детерминировать конкретные акты общения, стратегии, тактики и субъективные отношения, причем созданное отношение по-разному детерминирует каждого из участников общения. Она считает, что ни построение отношений, ни их сохранение не уравнивает субъектов в силу личностного способа своего существования. Ею предложен один важный принцип субъект-субъектного общения. Речь идет о принципе различности, который заключается в признании права другого на непохожесть на меня, на несоответствие моим

интересам, на выбор общения (отношений) в соответствии со своей индивидуальностью.

Таким образом, к уже указанным принципам выхода из ситуации затрудненного общения прибавляется *принцип неравенства взаимной детерминации* в силу личностного способа существования каждого из партнеров, а также *принцип «различности»*, признающий право партнера быть индивидуальностью.

Очень важной является еще одна особенность личностного субъект-субъектного общения. Она фиксирует необходимость осознания своего поведения в качестве детерминанты ответного поведения партнера по общению. Так, А.А. Бодалев подчеркивает, что от самого человека в большей мере зависит характер поведения по отношению к нему окружающих людей (хотя человек может это и не осознавать), а значит, характер его переживаний от общения с людьми и те оценки, которые он этим людям дает. М.И. Бобнева и Е.В. Шорохова также отмечают, что характер познания личностной сути других людей, характер эмоционального отклика определяют избранный способ поведения. В свою очередь, аналогичные процессы происходят и у противоположной стороны общения, и предъявленные способы поведения вновь детерминируют описанный процесс. Способность и право каждого из нас быть воспитателем другого, по мнению И.А. Колесниковой, заложены в каждом из нас, но не всегда осознаются. Большинство просто не задумывается о себе как Человеке – созидателе Человека.

Как видим, говоря о взаимной детерминации в процессе общения, многие исследователи указывают на возможность любого из субъектов общения осознавать или не осознавать себя в качестве детерминанты поведения партнера, причем – ответного. Какие же личностные образования могут в большей или меньшей степени способствовать осознанию себя как субъекта общения, помогать выполнению тех принципов, которые лежат в основе выхода из ситуаций затрудненного общения. М.И. Бобнева в одной из своих работ говорит о личностном общении как общении субъектов, наделенных собственным внутренним миром. Б.Д. Парыгин его основу усматривает в позиции личности, зави-

¹ Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов н/Д., 1996. С.344.

сящей от уровня самосознания, системы ценностных ориентаций и мнения окружающих. Личность, с точки зрения К.А. Абульхановой-Славской, может выступать субъектом общения при осуществлении собственного свободного выбора. «Формы и мера того, что выбирается личностью в общении с другим человеком – будь то вселенная или убожество ненайденного слова, зависят только от нее самой, здесь-то она и выступает субъектом общения в подлинном значении этого слова»¹. Как основную характеристику, переводящую индивида в позицию субъекта, Е.В. Шорохова выделяет целенаправленность общения. «Активность субъекта всегда осознана», – подчеркивает в своей работе К. Муздыбаев². На осознанном характере активности субъекта настаивает К.А. Абульханова-Славская. «Осознание причин и следствий событий жизни, структуры отношений людей, ценности тех или иных занятий, дел и т.д.» приводит субъекта к тому, что он начинает придавать определенную направленность всему ходу жизни, иными словами, управлять своей жизнью»³. Кроме того, по мнению К.А. Абульхановой-Славской, личность становится субъектом того или иного поведения, когда она занимает определенную позицию, так или иначе определяется, выбирает средства и цели общения, принимает решения, иначе говоря, речь идет о свободе выбора и ответственности за него. Ответственность гарантирует внутреннюю целостность личности и всегда связана с субъектом, так как никогда не бывает безличной. А.В. Брушлинский также определяет субъекта как творца своей истории, вершителя своего жизненного пути. Используя термин «личностная зрелость субъектов», М.С. Каган, по сути, говорит о различных уровнях развития субъекта. На этот же факт указывает и К. Муздыбаев, подчеркивая, что личность в своем развитии должна проделать путь от простого исполнителя к активному субъекту⁴. К.А. Абульханова-Славская отмечает, что такие

характеристики субъекта как «самодетерминация», «самопричинение», «самодетельность», С.Л. Рубинштейн выделил еще в 1920-е гг.

В.А. Петровский указывает, что идея «быть причиной себя» представлена во многих направлениях психологии: в таких категориях, как Фрейдовское «Ego», «Id» и «Super-Ego», Адлеровская «потребность в самоутверждении», «коренная тревога» К.Хорни, «архетипы» К. Юнга, «черты» Г. Олпорта, «соматотип» Э. Кречмера, Л. Шелдона, «конституциональные типы» А.Ф. Лазурского, «акцентуации характера» К. Леонгарда, «доминирующее отношение» В.Н. Мясищева, «основная жизненная направленность» Б.Г. Ананьева и т.д. Данная идея фигурирует в категориях «идеальный тип индивидуальности» Э. Шпрангера, «персона» В. Штерна, «рефлектирующее сознание» К. Ясперса, «рост личности изнутри» К. Роджерса, «поиск смысла» В. Франкла, «стремление к самоактуализации» А. Маслоу. В перечисленных концепциях субъектность, «самопричинение», выступающие под именами «Я», «самость», «индивидуальность», включают динамический внутренний образ, т.е. осознание себя не только как субъекта изменения других людей, но и как субъекта самоизменения.

Таким образом, рефлексия, механизм осознания себя, является основным в становлении личности как субъекта общения и непременным условием выхода из ситуаций затрудненного общения. Следовательно, индивид, не осознающий себя в качестве субъекта общения, не имеющий ясного внутреннего образа, обречен на трения и сбои в общении.

¹ Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983. С.224.

² Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983. С.116.

³ Абульханова-Славская К.А. Личностный аспект проблемы общения // Проблема общения в психологии. М., 1981. С.116.

⁴ Муздыбаев К. Психология ответственности. Л., 1983. С.15.

А.И. Крупнов

Рекомендации и упражнения по коррекции и саморегуляции общительности¹

Индивидуальные упражнения

по развитию активных приемов и способов общительности

Учитесь быть активным слушателем, т.е. действительно постарайтесь внимательно относиться к тому, что хочет высказать вам другой человек. Не стесняйтесь демонстрировать свое внимание репликами («да», «понимаю», «интересно» и т.д.) и жестами. Переспрашивайте, уточняйте, если что-то не совсем поняли: очень может быть, что собеседнику будет приятно подробнее объяснить вам какой-то момент.

«Представление». Прodelывайте раз в день мысленный эксперимент: вообразите себя в ситуации, которая обычно вызывает у вас застенчивость, и подробно представьте свое поведение в этой ситуации, если бы вы не были застенчивы. Необходимо выработать в себе положительный мысленный образ и восстанавливать его в сознании уже в реальной ситуации. Такой образ может помочь вам держаться увереннее и меньше смущаться.

Начните участвовать в беседе с отдельными замечаниями и репликами по теме общего разговора, желательно в кругу друзей. Постарайтесь: а) общаться как можно дольше; б) радоваться каждой новой возможностью узнать людей; в) не стремиться к явному успеху в общении; г) освободиться от «страха» и неуверенности.

«Поставьте себя на место другого». Вспомните свой недавний конфликт с коллегой по работе или учебе, в котором вы заняли позицию «над». А теперь расслабьтесь, закройте глаза и представьте себя на месте того, с кем вы разговаривали. Подумайте, что бы мог о вас сказать ваш бывший собеседник.

«Следите за своей походкой». Она должна быть неторопливой и уверенной, а не напоминать бег на скорость с препятствиями. Оставляйте всегда 15-20 минут до назначенного времени для непредвиденных обстоятельств. Не обсуждайте сами с собой

проблему на ходу. Лучше напевать про себя какой-то ритм или музыку.

Вспомните и по возможности в деталях те ситуации, в которых ваши усилия в общении увенчались успехом. Это позволит вам прийти к выводу: «Я вполне могу справиться с поставленной проблемой, несмотря на трудности».

Проиграйте в своем воображении вашу беседу таким образом, чтобы оставить у вашего партнера приятные воспоминания о себе и желание вновь встретиться. Что изменилось? Вы поняли, что, прежде всего, изменилась ваша внутренняя позиция? <...> Старайтесь внутренне готовиться к равноправному контакту с другим человеком.

«Второй план». В общении с коллегой по работе или учебе старайтесь сформировать для себя «второй план» беседы: как ваш собеседник воспринимает вас, что он думает о вас, что он говорит и что не говорит, что он чувствует. Не говорите того, что было бы неприятно вашему собеседнику, старайтесь оставить о себе хорошее впечатление, думайте о последствиях своих слов, это развивает способность к осознанию собственной позиции в общении.

«Монолог с двойником». Вы, например, сидите на семинаре или каком-то собрании. Кто-то выступает, а вы в это время можете потренироваться в развитии своего умения понимать и чувствовать другого человека. Повторяйте про себя каждую фразу выступающего непосредственно после того, как вы ее услышали. Постарайтесь представить чувства и мысли говорящего, попробуйте интуитивно постигнуть его невысказанные переживания. Смотрите на выражение лица и движение рук, повторяйте эти движения в своем воображении, вживайтесь в его образ. Данное упражнение способствует углублению понимания другого человека, партнера по общению.

Отрицательный опыт в общении – это тоже опыт. Попробуйте несколько оценить неудачу и убедить себя в том, что она вовсе не стоит того, чтобы вы расстраивались и тратили лишнюю энергию на это. Если считаете нужным, не стесняйтесь поговорить о случившемся с другим человеком. Это тоже своеобразная разрядка (эмоциональная). И еще. Среди стенических (активных) эмоций есть также и такие, как гнев, негодование, ярость,

¹ Крупнов А.И. Системная диагностика и коррекция общительности. М.: Изд-во РУДН, 2007. С. 101-107.

злость и др. Они в отдельных случаях могут помочь делу, возбудить азарт, спортивную злость, оценить себя с другой стороны, наметить новые варианты и пути решения проблем. Желательно их активную силу перевести в положительное русло.

«Не действуйте напролом». Помните, что от ошибок и неудач в общении не застрахован никто. И если вы упорно стремитесь к своей цели, действуя не прямо и напролом, а развивая обстоятельства, то даже после десяти неудач в общении на одиннадцатый раз вы обязательно одержите победу. Будьте готовы извлечь пользу из возможной неудачи общения. Анализ неудачи даст вам возможность судить об уровне своей готовности и правильности избранного способа реализации общительности. Не исключено, что частное поражение может стать основой для большей удачи в общении.

Индивидуальные упражнения по саморегуляции эмоциональных состояний в ходе реализации общительности

Не убеждайте себя в своей стеснительности и застенчивости. Думайте о своих конкретных реакциях на конкретные ситуации, например, «Я волнуюсь, когда ...». «Я переживаю, когда ...». Можно также представить список своих реакций на определенные ситуации и подумать, как можно этих реакций избежать.

Начинайте каждый новый день с чего-то хорошего и приятного. Постарайтесь в течение дня подкрепить это чувство хоть чем-нибудь и зафиксируйте это, противопоставив другому не совсем приятному. Старайтесь как можно чаще анализировать отрицательные эмоции.

Поддерживайте хорошее настроение в течение всего дня. Контролируйте время от времени напряжение мышц лица. Снимайте свои «зажимы», чаще расслабляйте мышцы век, бровей, губ, щек, лба, переносицы. Эти упражнения делайте параллельно с дыхательными, т.е. с задержкой его на вдохе и расслаблении мышц на выдохе. Можете потереть пальцами оба заушных бугра и помассировать уши.

Часто отрицательные эмоции (тревога, страх, чувство неуверенности, обида, апатия и пессимизм) возникают в так называемых экстремальных условиях, когда вас ожидают важные дела и встречи. Неизвестность во многом определяет эти эмо-

ции. Попробуйте осмыслить, проиграть и пережить предстоящую ситуацию общения с различными вариантами. Она станет вам более знакомой, привычной и вы сможете регулировать в ней эмоциональные состояния.

В случае неудачи в общении не торопитесь действовать, особенно если вами движет раздражение или нетерпение. Успокойтесь, вы всегда найдете верное решение. А для этого лучше всего отвлечься и расслабиться. После этого попробуйте спокойно разобраться. Ведь во всем есть свои плюсы и минусы. Противопоставьте отрицательным последствиям случившегося положительные моменты. Найдите что-нибудь положительное в ваших действиях, постарайтесь извлечь уроки на будущее.

«Доминирующий фон». Разделите лист бумаги на две половины: в левой – астенические эмоции; в правой – стенические. Запишите часто переживаемые вами эмоции, относя их к левой или правой половине листа. Далее пронумеруйте те и другие по порядку, т.е. в общий ряд от 1 до 7. С отрицательными эмоциями, которые попали в первую шестерку, необходимо заниматься в первую очередь. Знайте, они нужны, но оставлять их доминирующими не всегда желательно и целесообразно.

Попытайтесь разобраться и осознать свои отрицательные эмоции в ходе общения. Сама установка на осознание и произвольную регуляцию сделает свое дело. Ибо эмоциональное противоположно рациональному. Мысленное препарирование эмоции равносильно ее уничтожению. Усиьте этот шаг анализом последствий эмоциональных действий. И вообще, зачем расстраивать себя и других. Это действительно никому не нужно в общении. С положительными эмоциями этого делать не следует. Не думайте, почему вы радостны и надолго ли. Этим вы отчуждаете себя от радостных переживаний межличностного общения.

«Самоанализ». Выпишете на отдельный лист все проблемы, о которых вы постоянно думаете перед общением, и задумайтесь над своим листом минут 5. Что-нибудь изменилось? Так что беспокойство и тревога не помогут. Необходимо действовать. Введите временные ограничения на свои тревоги и беспокойства: отгородитесь от прошлого и будущего и живите проблемами сегодняшнего дня. Ни в коем случае нельзя понимать такой совет как призыв к легкомыслию или отсутствию жизненных перспектив. Речь идет об из-

бавлении от беспокойств, связанных с общением. Главное сконцентрировать свои силы и внимание на сегодняшние встречи. Это станет лучшей подготовкой к будущему общению.

Лучший способ избавиться от тревоги – снизить ее уровень и проанализировать причины своих беспокойств. Помните, что все этапы подобного анализа лучше всего делать письменно. Попробуйте собрать все факты, относящиеся к проблеме общения. Ведь не обладая необходимой информацией, невозможно принять разумное решение. Не тревожьтесь по пустякам, обратите ваши силы для решения серьезных проблем.

Если вас не оставляет чувство страха и опасения по поводу ужасных последствий общения, попробуйте не давать своему воображению господствовать над собой, а направить его в конструктивную сторону. Для этого попробуйте подумать и ответить на вопрос: что может быть самым худшим последствием моей неудачи в общении в данных условиях? Затем некоторое время расслабьтесь и постарайтесь смириться с самым неприятным исходом. И уже после этого обдумайте свои действия по следующим направлениям: а) что надо сделать, чтобы избежать самого худшего; б) что я могу сделать, чтобы улучшить или изменить ситуацию общения?

«Настроение». Возьмите цветные карандаши или мелки и чистый лист бумаги. Расслабленно левой рукой нарисуйте абстрактный сюжет – линии, цветовые пятна, фигуры. Важно при этом полностью погрузиться в свои переживания, выбрать цвет и провести линии так, как вам больше хочется, в полном соответствии с вашим настроением. Попробуйте представить, что вы переносите свое грустное настроение на бумагу, как бы материализуете его. Закончили рисунок? А теперь переверните бумагу, на другой стороне листа напишите 5-7 слов, отражающих ваше настроение. Долго не думайте – необходимо, чтобы слова возникали без специального контроля с вашей стороны. После этого еще раз посмотрите на свой рисунок, как бы заново проживая свое состояние, перечитывая слова и с удовольствием эмоционально разорвите листок, выбросите его в урну. Вы заметили? Всего 5 минут, а ваше эмоционально-неприятное состояние уже исчезло, оно перешло в ваш рисунок и было уничтожено вами.

Предметный указатель

Активация 104-106
Активность 12-13, 17-19, 34-37, 60, 175, 187-196
Беспомощность 231-235
Ведущая активность 196-197, 208, 232
Гедонистический тон 104-106
Децентрация 127
Деятельность 42, 63-64, 187-193
Замкнутость 137, 148, 161, 174, 185
Застенчивость 169, 171, 259
Идентификация 127
Индивидуальный стиль коммуникативной активности 199-205, 208, 216
Инициатива 20-22
Интегральная индивидуальность 193, 196-197, 206-207, 217-218, 248-251
Интроверсия 128, 167
Информационно-манипулятивная активность 247-251
Жизненная позиция 15
Коммуникативная активность 122-123, 209, 216, 217, 248-251
Коммуникативная совместимость 170
Коммуникативность 167
Компенсаторная функция индивидуального стиля деятельности и общения 199
Коммуникативные установки личности 211-212
Контактность 166-168
Лживость 236
Манипуляция 238
Надситуативная активность 38, 46-47, 54, 87, 164
Общение затрудненное 128, 255-259
Общительность 101, 128, 134, 148, 166, 174, 259
Операции общения 202-205
Ответственность 20
Преобразовательная активность субъекта общения 151-152, 156-157

Рефлексия	121, 127
Самопрезентация	251
Саморегуляция	23, 127, 145, 164, 175, 184, 261
Сверхконтактность	168-169
Системообразующая функция индивидуального стиля деятельности и общения	196, 199
Субъект общения	121, 133, 256-258
Темперамент	71, 201-204, 212, 225
Типологический подход к проблеме активности личности	27-28, 51
Форматирование межличностных взаимодействий	162
Эгоцентричность	169
Экспрессия	139
Экстраверсия	73, 128, 167
Эмоциональность	71, 172, 218
Эмпатия	127

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие составителя.....	3
Раздел I. Психология активности: методологические и теоретические аспекты.....	6
Абульханова К.А. Проблема активности личности: методология и стратегия исследования	6
Хайкин В.Л. Характеристика активности в психологии	34
Дубов И.Г. Содержание категории «активность» в отечественной психологии.....	57
Крупнов А.И. Психологические проблемы исследования активности человека	85
Аптер М.Дж. Теория реверсивности и человеческая активность....	102
Раздел II. Проблема коммуникативной активности в психологической науке.....	118
Бодалев А.А. Проблема активности в общении	118
Панферов В.Н. Классификация функций человека как субъекта общения.....	130
Лабунская В.А. Личность как субъект общения	145
Берулава Г.А., Берулава М.М. Коммуникативные стереотипы психической активности.....	159
Куницына В.Н. Общительность, контактность, коммуникативная совместимость	165
Санникова О.П. Эмоциональность и регуляция активности общения.....	171
Раздел III. Исследования проблемы коммуникативной активности в пермской психологической школе	186
Вяткин Б.А. Активность в структуре интегральной индивидуальности.....	186
Шмыков В.И. Индивидуальный стиль коммуникативной активности осужденных	197
Васюра С.А. Коммуникативная активность школьников подросткового возраста и ее развитие.....	205
Корниенко Д.С. К вопросу о природе коммуникативной активности и взаимосвязи ее компонентов.....	216
Забелина Е.В. Взаимосвязь коммуникативной активности и беспомощности в подростковом возрасте	229
Вихман А.А. Подходы к теоретическому анализу феномена лживости и его связь с коммуникативной активностью.....	234

Раздел IV. Прикладные аспекты коммуникативной	
активности: коррекция и развитие	252
Бреус Е.Д. Принципы выхода из ситуаций затрудненного	
общения.....	252
Крупнов А.И. Рекомендации и упражнения по коррекции и	
саморегуляции общительности.....	257
Предметный указатель	262

Составитель Светлана Александровна Васюра

ПСИХОЛОГИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ АКТИВНОСТИ

Хрестоматия

Компьютерная верстка – М.А. Балтин

Подписано в печать 18.03.13. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,5.

Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»

426034, Ижевск, Университетская, 1

Типография

ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

426034, г. Ижевск, Университетская, 1